

В. А. Тишков

Р оссийский народ

**КНИГА
ДЛЯ
УЧИТЕЛЯ**

**Москва
«Просвещение»
2010**

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31
Т47

Тишков В. А.

Т47 **Российский народ : кн. для учителя / В. А. Тишков. — М. : Просвещение, 2010. — 191 с. — ISBN 978-5-09-022050-7.**

Книга видного отечественного ученого, академика РАН, директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая В. А. Тишкова посвящена проблеме формирования национальной идентичности в современной России. Анализируя обширный исторический и этнографический материал, автор обосновывает концепцию представления о российском народе как о гражданской нации. Книга адресована преподавателям общественных дисциплин, классным руководителям, воспитателям, всем, кто интересуется проблемами жизни российского общества.

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-022050-7

© Издательство «Просвещение», 2010
© Художественное оформление,
Издательство «Просвещение», 2010
Все права защищены

Оглавление

Введение. Кому и зачем нужна эта книга?	4
Глава 1. Что есть национальная идентичность	15
Глава 2. Как понимать «народ», «нацию» и «национальное государство»	21
Глава 3. Образ страны и национальная идентичность	41
Глава 4. Денационализация отечественного прошлого	51
Глава 5. Рождение российской национальности	60
Глава 6. Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин о российском народе	70
Глава 7. Национализм в пореформенной России	79
Глава 8. Империя как нация	87
Глава 9. Обворованная российская история	94
Глава 10. «Советский» вместо «русский»	100
Глава 11. «Русский» вместо «советский»	120
Глава 12. Новый русский проект	132
Глава 13. Империя, нация и «либеральная миссия»	143
Глава 14. Русский народ и евразийство	152
Глава 15. О цивилизационной миссии русского народа	163
Заключение. О национальном идеале и ценностях	172

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31
Т47

Тишков В. А.

Т47 **Российский народ : кн. для учителя / В. А. Тишков. — М. : Просвещение, 2010. — 191 с. — ISBN 978-5-09-022050-7.**

Книга видного отечественного ученого, академика РАН, директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая В. А. Тишкова посвящена проблеме формирования национальной идентичности в современной России. Анализируя обширный исторический и этнографический материал, автор обосновывает концепцию представления о российском народе как о гражданской нации. Книга адресована преподавателям общественных дисциплин, классным руководителям, воспитателям, всем, кто интересуется проблемами жизни российского общества.

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-022050-7

© Издательство «Просвещение», 2010
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2010
Все права защищены

Оглавление

Введение. Кому и зачем нужна эта книга?	4
Глава 1. Что есть национальная идентичность	15
Глава 2. Как понимать «народ», «нацию» и «национальное государство»	21
Глава 3. Образ страны и национальная идентичность	41
Глава 4. Денационализация отечественного прошлого	51
Глава 5. Рождение российской национальности	60
Глава 6. Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин о российском народе	70
Глава 7. Национализм в пореформенной России	79
Глава 8. Империя как нация	87
Глава 9. Обворованная российская история	94
Глава 10. «Советский» вместо «русский»	100
Глава 11. «Русский» вместо «советский»	120
Глава 12. Новый русский проект	132
Глава 13. Империя, нация и «либеральная миссия»	143
Глава 14. Русский народ и евразийство	152
Глава 15. О цивилизационной миссии русского народа	163
Заключение. О национальном идеале и ценностях ...	172

Введение

Кому и зачем нужна эта книга?

Эта книга о российском народе и его национальном самосознании (идентичности), которое делает россиян народом-нацией. Кто мы есть? И почему, как говорил В. В. Путин в бытность президентом России, «по воле судьбы, Всевышнего, в силу сложения огромного количества исторических обстоятельств на огромной территории, но на единой территории, под одним небом живут представители самых разных этносов, культур, религий — и в то же время, несмотря на свою самобытность, ощущают себя единым народом и единой нацией»¹? Не менее фундаментальное высказывание В. В. Путина относится к еще более раннему времени, 5 февраля 2004 г. Эти слова были сказаны на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Чебоксарах: «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего общества и всего государства. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство»².

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев продолжил линию на восприятие страны как национального государства и ее народа как полиэтничной гражданской нации. После избрания нового Патриарха Москов-

¹ Путин В. В. Выступление в День России на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации. 12 июня 2007 г. // Вестник Российской нации. — 2008. — № 1. — С. 11.

² Путин В. В. Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. 5 февраля 2004 г. (www.archive.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_type63374type63376type63378_60337.shtml).

ского и всея Руси Кирилла 2 февраля 2009 г. на приеме в Кремле он сказал: «В основе всех наших достижений и побед, представлений об уверенном развитии государства в будущем лежит нравственная сила российской нации, вера в идеалы добра, любви, справедливости»¹.

Почему мы один народ-нация, как мы себя ощущаем и как нас воспринимает остальной мир? Эти вопросы имеют фундаментальное значение для российских граждан и для страны в целом. И крайне важно, чтобы в российском обществе существовало базовое согласие по вопросу о национальной идентичности прежде всего среди политиков, ученых и общественных активистов. Не менее важно воспитать должное понимание этого вопроса у школьника и студента, у преподавателя и журналиста, среди самых широких кругов россиян. *Задача этой книги для учителя не только раскрыть данный вопрос в историческом аспекте, но и представить читателю видение того, как следует понимать и формировать национальную идентичность в современной России.*

Для автора ответ на этот вопрос сложился еще в начале 1990-х гг. В научных работах приходилось неоднократно отмечать, что советская идеология и научная теория, определявшие нацию исключительно как этническую общность, являются уязвимыми и для демократического государствовоительства недостаточными². Наше мнение таково, что с эпохи формирования централизованных государств на карте мира существует под разными названиями Российское государство — сначала как Российская империя, затем как Советский Союз. После распада СССР в 1991 г. образовавшаяся Российская Федерация представляет собой преемницу исторического Российского государства, несмотря на потерю более чем трети

¹ *Медведев Д. А.* Выступление на приеме в честь архиереев — участников Поместного собора Русской православной церкви. 2 февраля 2009 г. (www.kremlin.ru/transcripts/3033).

² См.: *Тишков В. А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. — 1990. — № 12. — С. 3—15; *Он же.* Россия как национальное государство // Независимая газета. — 1994. — 26 янв.; *Он же.* Что есть Россия? // Вопросы философии. — 1995. — № 2. — С. 3—17; *Он же.* О нации и национализме // Свободная мысль. — 1996. — № 3.

населения и обширных территорий. Одновременно это заново самоопределившееся национальное государство, полностью легитимное и суверенное.

Легитимность России придают не только историческая преемственность, Конституция, армия и охраняемые границы, но и наше национальное самосознание, в основе которого лежит представление о едином российском народе. Проживающий в нашей стране народ может с полным основанием считаться полиэтничной гражданской нацией, несмотря на то что в тексте Конституции записана несколько иная формула: «Мы — многонациональный народ...» *Утверждение представления о российском народе как о гражданской нации и есть формирование национальной идентичности или процесс, который иногда называют нациестроительством.*

В данной позиции заключается несколько важных новаций. В первую очередь — представление о существовании *исторического Российского государства* (Российская империя — СССР — Российская Федерация), несмотря на радикальные трансформации в 1917 и 1991 гг., которые представляли собой национальные драмы. Распад СССР В. В. Путин вообще назвал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Нет сомнений, что это был геополитический катаклизм. Тем не менее, несмотря на подобные потрясения, Российское государство никуда не исчезало. Исторический миф про конец одного государства и начало другого, как и индоктринация населения страны относительно новой эры или «нового типа исторической общности людей», пришел в нашу жизнь через научные конструкции обществоведов, пропаганду и образование. Разрыв 1917 г. действительно был глубоким и трагическим, ибо не только сократилась территория страны, но и погибли миллионы людей в Гражданской войне, а миллионы покинули родину¹. В революционной России многое, включая не только ее политический строй, название страны и народа, но и религию, календарь, грамматику, топонимику, культуру, было отвергнуто, а многое,

¹ По сравнению со временем до начала Первой мировой войны территория страны уменьшилась на 818 тыс. кв. км, на которых проживали 31—32 млн человек (см.: *Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы.* — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 19).

как, например, храмы, — даже физически разрушено. Не случайно ныне живущие поколения забыли или сменили фундаментальные понятия и духовные ценности национального бытия, в том числе такие, как название народа, основы религиозной культуры, морально-поведенческие нормы. Тем не менее государство Российское было, есть и будет. Оно никуда не уходило от нас, оно оставалось и остается постоянным фактом истории и современной жизни для его жителей и для внешнего мира.

Вторая новация касается *квалификации современного Российского государства как национального государства*, несмотря на многоэтничный состав его населения и на советскую традицию называть национальной государственностью только административные формы внутреннего этнотерриториального самоопределения (республики, автономные округа, советы). По мнению автора, нашу страну можно было называть национальным (или национализирующимся) государством еще при империи Романовых. Что касается СССР, то это было одно из крупнейших национальных государств, которое в системе Объединенных наций даже имело четыре голоса. Сегодняшняя Российская Федерация также является нацией-государством, принципиально не отличаясь от остальных больших государств мира со сложным составом населения.

Это утверждение основано на понимании *национального государства как государства с общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны*. Трудно точно определить исторический момент рождения национального государства из чего-то другого («донационального» или имперского образования), но мы можем говорить о процессе «национализации» государства. В книге обосновывается положение о том, что в имперском по форме государстве может складываться и существовать представление о едином народе как нации. Российская империя рассматривается именно в этом ключе.

Что же касается современных государств, то фактор моно- или многоэтничности населения, а также степень демократичности управления, гражданской зрелости и со-

лидарности того или иного общества не являются факторами, определяющими данное государство как национальное или «ненациональное» (кстати, в политико-правовом языке последнее понятие вообще не существует). Все крупные и даже малые государства имеют сложный этнический состав населения и регионально-культурные различия, но все они считают себя национальными государствами. Это также не связано с тем, что национальным государством является то государство, где одна этническая общность (народ или этнонация) является создателем и «владельцем» данной государственности, а остальные имеют хотя, возможно, и равный, но не государствообразующий статус. Тем более это не связано с политико-идеологической однородностью, которой якобы должны обладать нации. Несогласных, включая этнических, религиозных, региональных сепаратистов и даже вооруженных экстремистов, хватает во многих крупных и не очень крупных нациях, но от этого они не перестают быть нациями. Расстрел ольстерскими сепаратистами британских военнослужащих в марте 2009 г. не означает, что Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии не является национальным государством. Организуемые баскскими сепаратистами взрывы не означают отсутствие нации в Испании.

Третья новация заключается в утверждении в российском научном и общественно-политическом языке общепринятой в мире *категории нации как сообщества по государству* наряду с долгое время господствующим пониманием этой категории как типа этнической общности. Другими словами, предлагается понятие российского народа-нации при сохранении использования категории *нация* в отношении этнических общностей (народов или национальностей). Такова общемировая практика, и России нет смысла изобретать велосипед по части использования категории *нация*.

Для лучшего понимания этого тезиса приведем один из примеров. Известно, что среди радикальных националистов-сепаратистов и даже интеллектуалов существуют представления о *квебекской нации* в Канаде и о *шотландской нации* в Великобритании. Однако это не меша-

ло и не мешает квебекцам и шотландцам считать себя членами канадской и британской наций соответственно, а их представителям даже быть лидерами этих наций (например, премьер-министры Пьер Трюдо в Канаде и Гордон Браун в Великобритании).

Объезжая разные страны и изучая другие народы и государства, автор книги установил одно разительное несоответствие. Во многих странах жители имеют разный цвет кожи, говорят на разных языках, исповедуют разные религии, но считают себя одним народом-нацией, а в бывшем СССР и в современной России представление о едином народе было и остается очень смутным. Оно постоянно оспаривается политиками, учеными, общественными активистами. В этом заключается своего рода отрицание России, ибо страна представляется как некая историческая аномалия или как незавершенный проект.

Вот один из примеров. В нашей стране признаются *национальные* интересы, существуют *национальные* символы и праздники, есть *национальные* экономика, наука, спортивные команды, осуществляются *национальные* проекты, говорится о здоровье *нации*, но нет самой нации! Спросите ученого, политика, журналиста, и многие по этому поводу впадут в смятение или затеют путаные разговоры. Простые люди и элита широко используют слово *россияне*. В то же самое время некоторые пишущие и говорящие через СМИ люди пытаются убедить себя и других, что такой общности нет, что ее придумал президент Б. Н. Ельцин.

Аргументом против национальной России становятся ссылки на уникальность отечественного опыта («Это в других странах существует одна нация, а у нас — много наций») или на то, как нас называют в зарубежном мире в варианте английского языка («для всех мы — русские, значит, мы все и есть русские»). Хотя, между прочим, в украинском языке, наоборот, *русский* называется *россиянином*. Да и в английском языке все чаще употребляется слово *Rossia*. Приведу один интересный пример. Статья режиссера и политика С. С. Говорухина «Как нам не прогладеть Россию» в газете «Известия» от 24 апреля 2007 г. содержала ссылку на зарубежное восприятие в пользу всеобщего употребления слова *русский*, и эта

публикация была проиллюстрирована крупным снимком китайских джинсов с российским гербом на заднем кармане. Автор и редактор статьи даже не обратили внимания, что под гербом на джинсах было вышито слово *Rossia*, а не привычное и пока чаще употребляемое слово *Russia*.

Некоторые полагают, что, если жители России для всего мира *русские*, тогда нам лучше всего так себя называть, а про россиян лучше забыть. Однако если думать, что слова *российский* и *россияне* можно упразднить и заменить их на слово *русский* и тем самым привести в соответствие наше общее самообозначение с восприятием во внешнем мире, а заодно отобрать монополию на слово *русский* у крайних националистов, то это рискованное заблуждение. Осуществить такое невозможно без потрясений, угрожающих новым разрушением страны.

Вопросов у специалистов и у простых людей много. Старый язык так называемой национальной политики и старые доктрины государствовоительства на основе социалистического федерализма и фестивальной формулы дружбы народов плохо работают во времена ответственных смыслов. Специфика России, неповторимость ее исторического опыта и особенности ее народа по сравнению с народами других стран не отменяют общих законов существования государств и апробированных принципов управления сложными обществами. Этнические и расовые различия между людьми существуют во всем мире, и страны отличаются друг от друга не столько степенью разнообразия облика и традиций проживающих в них людей, сколько тем, какие смыслы придаются этому разнообразию в обществе.

Есть страны, где человеку достаточно иметь малую толику европеоидного облика и не очень темную кожу, и он уже считается «белым» (например, Бразилия). Есть страны, где человек с каплей негритянской крови будет однозначно зачислен в «черные» (например, США). Президент Барак Обама является мулатом с почти европейским обликом, но американцы, а за ними и весь мир упорно воспринимают и называют его «черным». Расовый вопрос был и остается фундаментально значимым для США в силу своей политической и эмоциональной весомости. Есть

какая-то ирония в том, что именно американские ученые были первыми, кто ниспроверг старую расовую теорию и доказал социально-культурную условность расовых различий, а не их фундаментальную биологическую природу. Но те же американские ученые не могут добиться отмены практики распределения всего населения по расовым группам. В некоторых странах столь же фундаментальную значимость и трудноустранимую практику имеют также сотворенные самими же людьми кастовые различия (например, в Индии).

В России ситуация отличается тем, что по ряду причин объективного (длительная история освоения обширных территорий с разноплеменным населением) и случайного свойства (влияние ложных теорий и пропаганды) этнический фактор (или так называемый *национальный вопрос*) обрел доминирующее значение в общественной жизни. Особенно этим отличился советский период, когда этнический фактор стал одной из основ государственного строительства, включая территориально-административное устройство государства.

В последние десятилетия обществознание открывает все новые стороны социального и этнокультурного бытия. Ученые, а вместе с ними и политики пытаются осмысливать новые ситуации, находить ответы на новые вопросы и решать проблемы, которые возникают в жизни многоэтнических стран. Одним из прорывов в современном гуманитарном знании стало такое видение социальной жизни и культурных форм, которое особо выделяет феномен *социального конструирования* действительности и обращает внимание на *дискурсивные практики* людей и коллективов. Значение *акта речи* стало не менее важным для понимания и объяснения жизни, чем жесткий социологический факт. Сегодня вопросы, есть такой народ или нет, может ли он называться нацией или нет, — это вопросы из старых методологий, ибо представление о народе и степень распространенности этого убеждения не менее, а даже более важны, чем набор неких объективных или обязательных черт и характеристик.

Данная книга написана на основе новейших научных представлений об обществе, государстве, нации, которые

существуют в гуманитарной науке. К сожалению, в отечественной литературе по вопросам трактовки этничности и нации, понимания и управления многоэтничным государством, формирования национального самосознания (идентичности) интеллектуальные поиски все эти годы шли в разные стороны от основного направления развития этой сферы знания. Одна крайность представлена агрессивной антинаукой, сторонники которой стремятся утвердить расистское и биологическое видение этноса и расы, слив их воедино. Неорасистам и ультранационалистам этнического толка главная установка видится в том, чтобы разоблачать «врагов» и «подрывников», которые не признают «кровь и почву» и «государствообразующий народ». Для русских этнонационалистов таким народом являются русские, для их единомышленников из других этнических групп — это татары в Татарстане, якуты в Якутии, адыгейцы в Адыгее и т. д.

Ситуация с этой когортой и с этой позицией становится более тревожной в последние несколько лет. Расистские «трактаты» и высказывания ныне прочно заняли пространство Интернета, публикуются в престижных журналах¹. Печатаются 600-страничные книги по так называемой «расологии»². Некоторые из авторов-расистов стали преподавателями вузов и отравляют души студентов разрушительными взглядами и «теориями».

Другая крайность заключается в критике России как якобы нового издания империи после краха царской и советской империй и краткой либерализации времен М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. Свойственная советской доктрине абсолютизация этничности в вопросах государства и нации вместе с поклонением фетишу гражданских прав и свобод как условия существования нации порождают отторжение российской общности как народа-

¹ См.: Севастьянов А. Русская идея как электоральный ресурс. Первоочередные этнополитические проблемы русского народа // Политический класс. — 2007. — № 28; *Он же*. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Там же. — 2008. — № 4. См. также: Авдеев В., Севастьянов А. Раса и этнос. — М.: Книжный мир, 2007.

² См.: Саевельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология. — М.: Белые альвы, 2007.

нации. Ученым и общественным активистам, придерживающимся таких взглядов, российский народ представляется как что-то уже раз провалившееся (имеется в виду концепт *советского народа*) или как что-то списанное ходом истории. Концепт российской нации выглядит «политтехнологической задумкой Кремля» или высказыванием в пылу полемики отдельных ученых.

Что касается зарубежных специалистов по России, то они в большинстве своем до сих пор предпочитают видеть нашу страну как недосооопределившуюся многонациональную мини-империю. Иностраннх публикаций на тему «новой империи» много. Причем в них обильно цитируются отечественные «империалисты», а высказывания некоторых политиков преподносятся как официальная позиция государства. Не брезгают зарубежные и отечественные противники самоопределившейся России намеренными упрощениями. Приведем пример с американским специалистом по России Полом Гоблом. После высказывания В. В. Путина о российском народе как о гражданской нации он опубликовал статью в американской прессе под названием «Новая историческая общность?», в которой со ссылкой на концепт советского народа пытался показать несостоятельность трактовки россиян как одного народа.

В отечественном интеллектуальном болоте, полном расистов-ненавистников, неопитов с фальшивыми званиями, манипуляторов и бойких молодежных агитаторов, рождаются проекты, порой состоящие из набора бессвязных предложений, которые почему-то называют «русскими вопросами». Обращены эти вопросы в прошлое в надежде на реставрацию нормы, которая никогда в этом прошлом не существовала. Эти проекты и не могут быть обращены в будущее, кроме как на период избирательных кампаний, ибо они не могут быть осуществлены ни во времени, ни в пространстве. В основе большинства отечественных неясностей и заблуждений лежит один из вариантов национализма, который известен как этнический национализм. Суть этой доктрины и политической практики в том, что *нациями объявляются исключительно этнические общности определенного уровня исторической зрелости и именно они создают государства, кото-*

рые только в этом случае обретают легитимность национальных государств.

У этнонационализма были и сохраняются сторонники в политике и почитатели из числа ученых. Однако строить государство и успешно управлять им с помощью данной доктрины никогда и никому не удавалось. Выигрывать выборы — получалось; создавать непотребные политические режимы, вызывать конфликты и хаос — тоже получалось. Но укреплять государство и развивать экономику, обеспечивать мир и согласие между людьми — такого этнонационализм никогда не добивался.

Тем не менее этнонационалисты постсоветского толка в России пытаются громко заявлять о себе без особых на то оснований. Философ С. Королев, подвергший в свое время критике расистско-националистические публикации А. Севастьянова и сам считающий себя *главным русским националистом*, пишет, что все те, кто называют себя подобным образом, относятся к политическим маргиналам. Маргинально само сознание этих людей.

«Оно апеллирует к русской нации, но не знает истории России, ее плоти, деталей, фактуры и не понимает присущей ей логики; оно агрессивное, оно искажено постоянной психологической экзальтацией — все вызовы современного мира перекрываются бесконечно проносимыми с придыханием словами «русский», «русское» (в ряде изданий эти слова пишутся с заглавной буквы). Политическая маргинальность в данном случае скорее закономерна, чем случайна. Не в последнюю очередь она связана с тем, что у русского националиста, рвавшегося из уютного круга единомышленников в большую политику, ничего, кроме идеи и веры в эту идею, нет»¹.

Попробуйте попросить татарского или осетинского националиста нарисовать «справедливые границы» татарской и осетинской наций или попросить русского националиста рассказать, как должен осуществляться лозунг «Россия — для русских!» для начала хотя бы применительно к составу российского правительства или Государственной думы. На этом все их проекты и закончатся.

¹ Королев С. «Мы, русские националисты...»: Заметки о политической маргинальности // Независимая газета. — 2000. — 6 июля.

ГЛАВА 1

Что есть национальная идентичность

Обратим внимание на *проектную деятельность людей в историческом процессе*, т. е. на реализацию целенаправленных планов и программ усилиями больших коллективов, государств и отдельных личностей. Эта форма социального творчества недооценивалась поборниками глубоких исторических закономерностей, согласно которым большие события не могут быть результатом малых причин и субъективистских, личностных устремлений. На самом же деле это далеко не так. В частности, распад СССР стал не только результатом неких исторических закономерностей и мировых политических противоборств, но и исходом верхушечной борьбы за власть в государстве и раскола элит по линиям «центр — периферия».

Большие проекты всегда были в арсенале человеческой истории, в том числе в России (от строительства петровского Петербурга до хрущевского плана освоения целинных земель). Но только в последние годы мы стали понимать их значительную и даже определяющую роль. К таким большим проектам относятся конструирование наций и государствовоительство. Как отмечал в 1918 г. выдающийся российский политик, академик Российской академии наук по Отделению истории и филологии П. В. Струве, «нация конструируется и создается национальным сознанием»¹.

Само государство также есть по сути своей человеческий проект, а не объективно-онтологическая данность, как думали о нем представители мистико-религиозного направления в русской философии. Например, Н. А. Бердяев считал, что «государство не может определяться никаким данным человеческим поюдением... государство не

¹ Из глубины: Сб. статей о русской революции. — М., 1918; М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990 (переизд.). — С. 247.

может быть создано и не может быть разрушено никаким человеческим поколением»¹.

На самом деле существование государства требует от каждого поколения граждан не только усилий по защите государственности, но и коллективного внутреннего референдума на лояльность этому государству и проживающему в нем сообществу людей, которые называются народом или нацией. *Государство потому и существует, что каждое ныне живущее в нем поколение принимает это государство как свое со всеми вытекающими из этого последствиями (пользование правами, защита, уплата налогов и т. п.).*

В то же самое время государства представляют собой самую мощную и всепроникающую форму социальных коллективов людей. Никакой эпохи заката национальных государств не наступает, как это провозглашают некоторые ученые, представляющие чаще всего состоявшиеся и не собирающиеся уступать свой суверенитет государства. В современных национальных государствах принцип суверенитета и исторической преемственности остается актуальным. В отношении России об этом резонно сказал В. Ю. Сурков: «Новое здание российской демократии строится на историческом фундаменте национальной государственности»².

Зарубежный исследователь Майкл Маки отмечает: «Сегодня и в обозримом будущем специфические объединения капитализма с национальными государствами, особенно наиболее развитыми, будут победно шагать по большей части планеты. В менее развитом мире состоят государства разнообразно. Некоторые из них находятся в кризисе, а есть несколько таких, которые уже угасают. Переживаемый ими кризис — это кризис не постсовременности, а недоразвитой современности. Те страны, где нет эффективных линий государства, имеют на се-

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. — Л.: Ленкидат, 1991. — С. 55.

² Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Вестник Российской нации. — 2008. — № 1. — С. 92. См.: Он же. Национализация будущего // Эксперт. — 2005. — № 43.

дали за то, чтобы их построить. Нация-государство сегодня не правит бал, но и не выходит из употребления ни в качестве реальности, ни в качестве идеала»¹.

Что нужно сделать, чтобы Россия «победно шагала по планете» среди зрелых и благополучных национальных государств? Территория, ресурсы, разнообразное и образованное население, культура, оборона, писанный закон и система коммуникаций — все это у России есть. Внешнее признание в качестве суверенного государства у нас есть. Более того, Россия среди немногих, кто входит в мировую политическую организацию наций-государств с правом вето в Совете безопасности ООН. Тогда чего же не хватает? Не хватает осознания, что мы есть национальное государство и что мы есть один народ. Это означает, что не хватает национального самосознания, или, как сегодня чаще выражаются специалисты, национальной идентичности. Что это такое — национальная идентичность?

Солидарность и повседневная лояльность, т. е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим, составляют основу так называемой национальной идентичности. Без этой основополагающей для современного человека формы идентичности национальные конституции, армии и охраняемые границы мало что значат. Да и сам человек, за исключением мизерного числа «граждан мира», мало что значит без принадлежности к государственному сообществу и к той или иной национальной культуре. Конечно, религия и этничность как формы коллективных идентичностей остаются важными для многих людей на Земле. В некоторых ситуациях они могут быть выше всего, но в массе своей современный человек на уровне больших коллективов связывает себя прежде всего с государством, которое неслучайно называется отечеством.

¹ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. — М.: Праксис, 2002. — С. 385, 408—409.

Нам кажутся обычными слова «родина» и «отечество». Каждый нынешний россиянин, впервые придя в школу, прочитывает слова на классной доске: «Моя Родина — Россия. Столица России — город Москва». Точно так же во времена существования СССР учителя и учебники наставляли про «нашу Родину — Советский Союз». Такие слова запоминаются на всю жизнь, и, что не менее важно, они признаются на протяжении всей жизни. Исключения по части отторжения или смены родины бывают среди эмигрантов, диссидентов и сепаратистов. Но эти категории людей крайне немногочисленны.

Однако качества *ответственного гражданина* и *патриотизма* не даются с рождения и не являются неизменными от поколения к поколению. Даже привычные современному человеку представления о стране и народе существовали далеко не всегда, ибо для признания чего-то в качестве *Родины* необходимо иметь саму версию страны и ее народа, а также достаточное число людей, которые этой версии обучились.

В. Г. Белинский в рецензии на сочинение Н. М. Карамзина «История государства Российского» писал: «В его живом и искусном литературном рассказе вся Русь прочла историю своего Отечества и в первый раз получила о ней понятие. С той только минуты сделались возможными и изучение русской истории и ученая разработка ее материалов: ибо только с той минуты русская история сделалась живым и всеобщим интересом»¹.

Далеко не все в те времена ходили в школы и не везде писали про Родину, не все считали себя россиянами, ибо многие люди просто не знали, что это значит. Знали, что есть Бог и его наместник на Земле — царь, есть барин и что «мы — тутошние». Сеньориальная и местная идентичность, т. е. первичное осознание себя как «мы — ископские» (так говорил о себе русский солдат в фильме

¹ Н. М. Карамзин: Pro et Contra: Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология. — СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. — С. 229.

«Мы из Кронштадта»), сохранилась до XX в. среди простых людей. Местные, религиозные и этнокультурные самоидентификации играют важную роль среди граждан современных государств. Они были и часто остаются конкурентами при утверждении национального (государственного) самосознания, но в большинстве случаев эти формы идентичностей сосуществуют.

Региональные и этнические идентичности обычно составляют компоненты более широкого самосознания по принадлежности к нации и государству. Эти две формы идентификации не исключают друг друга. Человек из Ламанчи Дон Кихот — он же был и испанец. Наполеон Бонапарт — от начала до конца корсиканец — был во главе Франции и считается творцом ее национального бытия. Сложный симбиоз национальных (государственных) и, назовем их условно, партикулярных (этнических и региональных) идентичностей, или форм самосознания, существует и по сегодняшний день. Конкурентность в этом симбиозе может проявляться не только в распределении полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, но и в стремлении активистов этногрупп прибавить к рукам сам термин «национальный», а государству для обозначения оставить что-то вроде «общенациональный» или не оставить совсем ничего.

Так получилось, что в России после революции 1917 г. слово *национальный* было передано в исключительное владение этнических общностей, а само государство стало «интернациональным». Так длилось почти 90 лет! И сегодня в некоторых российских регионах первоклассников может встретить надпись на классной доске про Татарстан и Казань, а не про Россию и Москву в качестве первичных отсылок в воспитании национальной идентичности. Под национальной школой в российских республиках обычно имеется в виду не российская, а этнонациональная школа.

В российском информационном и научно-педагогическом пространстве до сих пор существует представление, что национальное самосознание неразрывно связано с усвоением родного языка, представлениями о культуре, традициях, образе жизни «своего народа», под которым имеется в виду не российский народ, а этногруппа.

Как пишут некоторые авторы, «национальное самосознание опирается на развитие эмоционально-ценностных отношений личности к самой себе как представителю определенного этноса, своему народу, его быту и истории... Национальное самосознание основывается на определенном комплексе нравственных и эстетических идеалов... Например, такие основные идеалы и ценности татарского народа, как честность, смелость, сообразительность, ловкость, имеют богатейшее воплощение в фольклоре, в правилах различных состязаний народного гуляния «Сабантуй» и др.»¹.

Если следовать этой логике, то национальное самосознание автора как русского и национальное самосознание министра внутренних дел Р. Г. Нургалиева и министра экономики Э. С. Набиуллиной в нашем национальном (!) правительстве основываются на разных комплексах и представлениях, хотя мы говорим на одном языке, несем одну службу и платим одному адресату свои налоги. Возможно, даже учились в одной школе и в одном вузе. Почему татарин Нургалиев в силу своей этнической принадлежности должен быть «смелый, ловкий, честный и сообразительный», а у министров Г. О. Грефа (из российских немцев), В. Б. Христенко (из украинцев), С. К. Шойгу (из тувинцев), М. Е. Фрадкова (из евреев) должен быть какой-то другой нравственно-эстетический идеал по причине их этнической принадлежности?

Как видим, с понятием «национальное самосознание» в головах царит сумятица. Автору данной книги все-таки ближе вариант, что россияне — представители разных национальностей, будь они у власти или рядовые граждане, обладают схожими базовыми историко-культурными и духовными ценностями. Иначе они не праздновали бы одни и те же праздники, не пели бы одни и те же песни, не могли бы разговаривать на одном языке — русском и не считали бы своей родиной одну и ту же страну.

Необходимо осознать феномен российской историко-культурной и гражданско-политической общности и ее

¹ Гражданское самосознание — основа мировоззрения личности: Методическое пособие для учителей / Под ред. Р. М. Роговой. — М., 2000. — С. 40—41.

многообразное единство. Ибо противоположные или путанные взгляды сохраняются в форме старых прописей и новых проектов, в том числе таких эзотерических, как «проект Россия» с его псевдорелигиозной риторикой о новом «православном царстве»¹. Далее мы рассмотрим, что составляло национальную идентичность россиян в прошлом и что составляет ее ныне.

ГЛАВА 2

Как понимать «народ», «нацию» и «национальное государство»

Несмотря на то что понятия *народ* и *нация* употребляются разными авторами в разных смыслах, мы исходим из общепринятых и наиболее употребляемых в мировой науке и общественно-политической практике категорий. *Народ* и *нация* чаще всего рассматриваются как синонимы. Слово «народ» в значении «территориальное сообщество, согражданство» носит более обыденный характер. Под ним, как правило, имеется в виду население страны. Британский, испанский, бразильский, канадский, австралийский, китайский народы — население соответствующих государств. Эти названия ничем не отличаются от варианта «народ Великобритании» или «народ Австралии». Тот же самый смысл имеют языковые обозначения жителей страны по ее названию: австралийцы, бразильцы, британцы, испанцы, канадцы и др.

Однако понятие *народ* используется равным образом применительно к этническим общностям (в России в последние два-три десятилетия также стал использоваться термин *этнос*). Поэтому есть понятия: армянский, грузинский, русский, татарский, чеченский, чувашский и другие народы. Синонимом понятия *народ* является термин *национальность*. Но только в России и еще в некоторых

¹ См.: Проект Россия. Выбор пути. Вторая книга. — М.: Эксмо, 2007.

странах (например, в Китае) под национальностью понимается этническая общность или так называемые национальные меньшинства. В остальном мире слово *национальность* (*nationality*) означает гражданство той или иной страны. Россияне уже научились при поездках за рубеж отвечать в визовых анкетах на вопрос о национальности словом «Россия», но внутри страны национальность по-прежнему означает этническую принадлежность.

Понятие *нация* носит более политический характер. Оно нагружено символическим и эмоциональным смыслами, но по сути своей подразумевает народ в форме государственного территориального сообщества. Как категория и как политический инструмент *нация* мало что дает для понимания общества и управления им, но порожденные на ее основе доктрины и практики, называемые *национализмом*, являются одним из наиболее значимых явлений новой и современной истории. В настоящее время очень трудно отказаться от употребления этого слова, и поэтому можно называть *нациями* как этнические общности (*этнонации*), так и государственные сообщества (*согражданства*). При этом у последних аргументов в пользу признания за ними данного обозначения не меньше, а даже больше. Эта позиция может воплощаться в формуле «Россия — это нация наций».

Такая формула доминирует и в мировой политической практике. Таков и современный научный взгляд на нацию. Поскольку коренное значение этого слова «быть урожденным», под *нациями* понимались самые разные сообщества: гильдии и корпорации, землячества в старинных университетах, феодальные сословия, группы людей, имеющих общую культуру и историю. Это понятие изначально служило инструментом отбора, ибо сплачивало в общую массу одних людей, которых нужно отличать от других, существующих бок о бок с первыми. Критерии отбора менялись в зависимости от времени.

«В современную эпоху, — пишет американский ученый К. Вердери, — нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Это обозначает отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, и-

рающий важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка. Это значит, что нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения»¹.

Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории *нация-государство* (*nation-state*). Это есть обозначение суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями. Среди всех суверенных государств — членов ООН нет таких, которые не считали бы себя национальными государствами, даже если в их конституциях и доктринах признается сложный характер населения и отдельные его группы также называют себя нациями.

Философы о нации

Французский ученый Д. Кола считает, что «нация представляет собой продукт определенных социальных условий и не является продолжением природы другими способами. Нация есть не что иное, как государство-нация: политическая форма территориального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, *порождают нацию*»².

Вот что пишет немецкий философ Ю. Хабермас по поводу нации и государства: «Мировое сообщество, как уже следует из его названия — «Объединенные нации», — сегодня политически состоит из национальных государств. Это отнюдь не тривиальный факт. Исторический тип государства, впервые возникший с Французской и Американской революциями, распространился по всему миру. После Второй мировой войны благодаря процессам деколонизации сформировалось третье

¹ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // *Нации и национализм*. — С. 297—298.

² Кола Д. *Политическая социология*: Пер. с фр. — М.: Весь мир, 2001. — С. 351.

поколение национальных государств. Эта тенденция продолжилась с развалом советской империи. Национальные государства доказали свои преимущества как перед городами-государствами (или федерациями таковых), так и перед современными преемниками старых империй (последний из которых, Китай, как видим, именно сейчас переживает процесс глубокой трансформации)¹.

Как можно понять из этой цитаты, национальные государства последнего поколения — это «наследники империй», вышедшие из их состава и самим этим фактом доказавшие свои преимущества перед государствами — «преемниками старых империй». Таким образом, Россия оказывается в числе последних, а Грузия, Украина и остальные «непреемники», видимо, по самому факту правовой непреемственности пребывают в составе национальных государств со всеми их преимуществами. Чем многоэтничные Украина, Грузия, Казахстан или Узбекистан отличаются от России с точки зрения нациестроительства? Непонятно. Какие такие свои преимущества эти государства продемонстрировали перед Россией? Еще более непонятно.

Ни в экономическом и социальном преуспевании, ни с точки зрения консолидации управляемого населения и эффективности центральной власти, ни с точки зрения утверждения национального самосознания и уважения прав меньшинств, ни в каком другом отношении эти страны не могут быть названы в числе успешных, а тем более «примерных» для России государств. *Россия — гораздо более успешно самоопределившееся национальное государство, чем большинство тех, кого зачисляют в национальные государства, появившиеся после распада СССР.*

Китай при всей его многоэтничности относится к одному из наиболее сильных и успешных национальных государств мира именно с точки зрения «юридически оформленного и высоко дифференцированного админист-

¹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — С. 364.

ративного аппарата», а также с точки зрения обладания вооруженными силами и полицией, которая сохраняет внутреннюю и внешнюю автономию государства и имеет монополию на насилие внутри государства.

Проблема с временным очагом вооруженного сепаратизма, которая была у России в Чечне, и сохраняющаяся проблема Тибета для Китая никак не могут считаться обстоятельствами, вычеркивающими эти страны из числа национальных государств. Таким образом, нет ничего, что бы не позволило считать эти два крупных и сильных образования современными (а значит, национальными) государствами. Политические симпатии или антипатии к характеру политического строя либо же влияние конструируемого «международным сообществом» образа той или иной страны не должны брать верх при научном анализе.

В римском словоупотреблении *nation* относилось к обществу людей одного и того же происхождения, еще не объединившихся в политическую форму государства, но связанных совместным поселением, общим языком, обычаями и традициями. Такое значение этого слова проходит сквозь все Средневековье, вплоть до начала Нового времени. Однако не следует думать, что сообщество людей или совместное поселение было лишено иерархических, сословных исключений. Нациями в старой Германской империи были всего лишь правящие сословия из разных владений («стран») и именно аристократия обрела политическое существование в качестве нации. А остальные были всего лишь частными подданными. *Нация знати превратилась в нацию народа (третьего сословия) в результате усилий ученых, интеллектуалов, представителей городских образованных средних классов. Если хотите, современные нации появились именно в результате идеологии национализма, а не наоборот.*

Ю. Кабермас выделяет специфику и уникальное достижение национального государства, которое оказалось возможным благодаря объединяющей идее нации: «Эта первая современная форма коллективной идентичности послужила катализатором преобразования раннего современного государства в демократическую республику. Национальное самосознание народа

составило тот культурный контекст, который способствовал росту политической активности граждан. Именно национальная общность породила новый тип взаимосвязи индивидов, ранее совершенно чуждых друг другу. Тем самым национальное государство смогло решить сразу две проблемы: оно учредило демократический способ *легитимации* на основе новой и более абстрактной формы *социальной интеграции*¹.

Конечно, охват политическими правами населения, переход от статуса отдельных подданных к статусу граждан потребовал долгого времени, но, во-первых, он происходил уже и при авторитарных правительствах, а во-вторых, этот процесс и до сих пор имеет разную степень охвата и разную полноту понимания статуса суверенного гражданина. Невозможно отрицать и разную степень социальной интеграции в рамках современных наций. *Наций с целиком лояльными гражданами, всецело солидарными друг с другом и с властью, без внутренних коллизий и даже открытых конфликтов в мире просто не существует.* Мы не найдем на политической карте мира такого государства, которое отвечало бы всей полноте идеального представления о национальном государстве. В Великобритании и Испании действует многолетнее и упорное сепаратистское подполье, в Канаде и Бельгии существуют двух- и трехобщинные разноязыкие части страны и жесткие сепаратисты, в Аргентине, Чили и Греции при режиме военных хунт сажали и убивали политических оппонентов и т. д. Свои довольно специфические представления о правах человека существуют в странах Азии, а в мусульманских странах трудно вести речь о суверенном личностном статусе женщин. Тем не менее все эти страны числятся среди национальных государств.

Термин *нация* следует понимать как *принимаемую на массовом уровне идею о суверенном и солидарном согражданстве*, а не как буквальное наличие всех составляющих нацию атрибутов. Здесь важно другое: современное содержание понятия *нация* означает не просто принадлежность подданного к конкретному государству и его добровольное

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. — С. 367—368.

подчинение властям. Оно означает, что юридическая принадлежность к государственной общности (через паспорт, через присягу или другое действие), само по себе членство в гражданской нации придают добавочный политический и культурный смысл вновь обретенной принадлежности к общности полноправных граждан, активно способствующих ее упрочению. Именно идея нации затрагивает сердца и умы людей в большей степени, чем абстрактные понятия прав человека и даже народного суверенитета.

Ю. Хабермас пишет: «Только сознание национальной идентичности, которое формируется на основе общей истории, общих языка и культуры, только сознание принадлежности к одной нации заставляет далеких друг от друга людей, рассеянных по бескрайним пространствам, чувствовать взаимную политическую ответственность. Только так граждане начинают видеть себя частями общего целого, в сколь бы абстрактных юридических терминах оно ни выражалось. Данный тип национального самосознания имеет отношение к *Volksgeist*, особому духу нации, который так тщательно создавали интеллектуалы посредством романтических мифов, историй и литературных традиций, широко распространявшихся по каналам массовой информации того времени. Такая культурная идентичность и обеспечивает связующую общественную основу для политической идентичности республики»

Заметим, что и в Российском государстве понятие гражданства издавна не ограничивалось юридическим статусом. Оно означало одновременно принадлежность к единой историко-культурной общности и наличие среди многих стремления способствовать ее упрочению.

Какие бывают нации

Итак, существующая в мире категория *национальность* обозначает граждан той или иной страны. Она также имеет менее распространенный языковой вариант «национал» (*national*). Это слово свидетельствует о принад-

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. — С. 369—370.

лежности индивида к той или иной нации. Гражданин Великобритании (этнический англичанин, ирландец, шотландец, уэльсец или выходец из иммигрантов) является членом британской нации. Канадские франкофоны (главным образом, жители Квебека — квебекцы), англофоны, индейцы и эскимосы, иммигранты итальянского, украинского или русского происхождения — все канадцы, если имеют канадское гражданство и достаточно интегрированы (обычно предоставление гражданства связано с интеграцией, если оно не куплено или не пожаловано за особые заслуги).

В испанскую нацию входят не только кастильцы, составляющие большинство населения страны, но и каталонцы, баски, галисийцы и другие граждане Испании, независимо от регионально-культурных различий и регионально-этнических идентичностей. Каталонец является одновременно представителем испанской нации. Конечно, есть радикальные элементы, например баскские и ольстерские экстремисты или квебекские сепаратисты, которые могут отвергать принадлежность к испанской, британской или канадской нации. Но эти крайние случаи только подтверждают норму: подавляющее большинство басков и каталонцев считают себя испанцами, а основная часть квебекцев — канадцами. Данную закономерность подтверждают как референдумы среди населения, так и общенациональные празднования спортивных побед, как, например, испанской «Барселоны» (обратите внимание: не каталонской, а испанской, хотя Барселона — это столица Каталонии!) в футбольной Евролиге или канадской хоккейной команды (в ней значительная часть игроков — франкофоны) в мировом первенстве.

В Шотландии всегда были сторонники шотландского этнонационализма, выражавшегося в историческом мифе, региональном патриотизме, особых культурных традициях, языковых отличиях. В последнее время этот национализм обрел отчетливые политические формы, вплоть до инициирования местной правящей партией референдума о государственной независимости Шотландии. Однако на сегодняшний день господствующая идея государственного устройства страны заключается в идее британской нации.

Мы видим, что шотландцы, включая премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, понимаются как составная часть нации. И шотландский поэт Роберт Бернс — это порождение той же самой нации, а не только этнических шотландцев.

Напомним, что среди выдающихся представителей российского народа и русской культуры (именно *русской*, когда речь идет о культуре или о православной церкви!) далеко не все принадлежали и принадлежат к этническим русским. Назовем на выбор хотя бы имена выдающихся отечественных музыкантов новейшего времени — Д. Ойстраха, Э. Гилельса, Д. Шостаковича, М. Ростроповича, А. Шнитке, В. Гергиева, Ю. Башмета. И так во всех сферах наших национальных достижений и предметах национальной гордости: от культуры и науки до политики и спорта.

Представлять себе гражданские нации только как сообщества носителей одинаковых паспортов, а этнические нации как подлинных производителей культуры и всего остального, включая саму государственность, — это значит радикально снижать смысл и роль основной формы человеческих коллективов, которая известна нам с момента всеобщего «огосударствления» человечества, по крайней мере с эпохи возникновения современных государств. Такой формой являются *территориально-государственные сообщества*, обладающие, как правило, разной степенью политической и социальной консолидации и этноконфессиональной гетерогенностью, но имеющие общие историю, культуру и идентичность.

Некоторые ученые подвергают сомнению феномен гражданской нации. Они считают, что возникновению политической нации в государственной форме должно что-то предшествовать.

В. В. Коротеева пишет следующее: «Автоматически закреплять за категорией нации тот смысл, который правящая элита многонациональных стран хотели бы сделать единственно верным, на мой взгляд, малопродуктивно». По ее мнению, в России нет не только подобия французской нации, созданной на основе ассимиляционной модели, но «нет в Рос-

сии и того ощущения единой исторической судьбы, которая сложилась у американской нации в ходе борьбы за независимость и последующего отстаивания целостности страны... Исторический миф русских, связанный с государством, не смог подчинить себе конкурирующие мифы других народов, несогласных с идеей «добровольного вхождения» и бесконфликтного сосуществования в рамках единого государства»¹.

Эти рассуждения ошибочны. Французская и американская нации принадлежат к одному типу гражданских, а не этнических наций. Ассимиляционная модель для обеих стран, когда она провозглашалась частью политики правящего класса, была всего лишь некоей идеей и программой, которые не обязательно включали в себя этническую ассимиляцию. В период Французской революции и позже этнические меньшинства и их языки во Франции действительно подвергались гонениям. Но с тех пор многое изменилось. Как и в прошлом, сегодня корсиканский исторический миф радикально не совпадает с собственно французским, хотя у них есть общая фигура Наполеона Бонапарта. Современная французская нация еще более разнородна и сложна по составу, чем 200 лет тому назад. Об американской нации вообще нет речи: это расовый, этнический и религиозный конгломерат на всех этапах ее существования. В Америке так называемые «воспы» (белые англосаксы-протестанты) также не смогли подчинить своему мифу «конкурирующие мифы других народов», особенно афроамериканцев, испаноамериканцев и индейцев. Однако оба государственно-политических согражданства имеют свою собственную общую культуру, общий исторический мета-нарратив (главную версию прошлого), обогащенные разными этническими и другими составляющими.

Более того, фактически каждая страна обладает собственным культурным багажом, порожденным историей, в который внесли вклад носители разных традиций. Россия не является исключением как в смысле характера культурного производства, так и в смысле «ощу-

¹ Коротеева В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 3.

щения единой исторической судьбы». Якобы, как считает В. Коротева, конкурирующие «исторические мифы других народов» не были в прошлом и не являются сегодня частью российского исторического мифа, который почему-то приписывается только русскому народу. Замечание В. Коротевой насчет идеи «добровольного вхождения» и «бесконфликтного сосуществования» (по мнению исследовательницы, того и другого в России не было, видимо, в отличие от других стран, где это было!) также ошибочно.

У американской нации после завоевания независимости была не борьба за «отстаивание целостности страны», а жестокая Гражданская война, не менее жестокие войны с аборигенным населением страны, а также территориальные захваты испаномексиканских и гавайских территорий и постоянный конфликт с частью населения, состоящей из африканских рабов и их потомков. В США были и остаются конкурирующие исторические мифы среди «белых», «черных», «краснокожих» и прочих категорий граждан. По мнению В. Коротевой, в США все и навсегда приобрели «ощущение единой исторической судьбы» и стали нацией, а вот в России так не получилось. И поэтому гражданской нации в ней нет.

Попробуем пояснить ошибочность такого взгляда на проблему нации и на Россию в этом контексте. Что касается Франции и США, сами же французские и американские историки опровергли версию гомогенного «национального» прошлого этих стран. В отношении нашей страны тезис о «народах России» и их несовместимости с русским народом также не выдерживает критики. Следует помнить, что применительно к Средним векам и даже к Новому времени, не говоря уже о древности, правильное говорить не о «народах», как мы их понимаем сегодня, а о племенном населении и о разнокультурных общностях, которые «народами» себя не осознавали, а тем более никаких «конкурирующих исторических мифов» не имели.

Завоеванные или присоединенные к России «народы» до этого чаще всего пребывали под господством собственных или иноземных правителей: татарских и джунгарских ханов, польских и шведских королей, турецких и персидских властителей. Такова была природа тогдашних

раннегосударственных и социально-культурных коалиций людей, что этничность, включая даже язык, мало что значила для их оформления. Когда речь шла о власти и подчинении, восприятие людей было совсем другим. На протяжении длительного времени существования российской монархии покровительство русского царя (государственные границы в те времена не оформлялись) считалось не только желанным и своего рода честью, но и жизненно важным или же просто «богоданным», т. е. предрешенным некими высшими силами.

Образ русского «белого царя» как идеального государя, как арбитра и заступника был частью массового сознания присоединенных к России в разное время нерусских народов. По этому вопросу убедительное исследование выполнил В. В. Трепавлов, который отметил, что в средневековой России восприятие власти имело свои особенности. Большинство российских народов в то время находились на социальной стадии раннегосударственного развития. Соответственно восприятие института власти было характерно для традиционной политической культуры, когда власть воспринимается не столько как социально-политическая, сколько как ментальная, духовная категория¹.

Что касается более поздних «добровольных вхождений» и празднования юбилеев этих событий, то какое все это имеет отношение к обоснованию наличия или отсутствия нации? Кстати, индейские народы США и Латинской Америки также не праздновали такие громкие юбилеи, как 500-летие открытия Америки Колумбом и 200-летие образования США. У них на этот счет были свои «конкурирующие исторические версии», причем не мифические, а даже более реальные с точки зрения адекватной истории.

Культурная сложность наций

Население государств как в прошлом, так и в настоящем (т. е. *всегда*) было многоэтничным. В каждом государстве проживают представители разных этнических

¹ См.: Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. — М.: Вост. лит., 2007. — С. 5—6.

групп, которые могут, кстати, также называться нациями, народами, меньшинствами в зависимости от степени самоорганизации этих групп и политики правительства той или иной страны. В Турции, например, вообще не признается существование каких-либо других групп, кроме собственно турок, хотя в стране проживает несколько миллионов курдов, имеющих самосознание и ведущих организованную борьбу за свои права. В Китае более 50 неханьских народов общей численностью в 100 миллионов человек называются этническими группами или национальными меньшинствами. (Хань, ханьцы — это собственно китайцы.) В Канаде группы аборигенного населения (индейцы и эскимосы) называют себя «первыми нациями». Данное обозначение стало общепризнанным даже на уровне конституции, хотя сама идея сформулирована относительно недавно. Автор этих строк проводил полевые исследования среди индейцев Канады и США в 1970-е гг. Так вот, индейские активисты тогда только начинали называть себя нациями и даже печатали паспорта (естественно, никем не признаваемые, например паспорта «нации оджибвеев»).

В дореволюционной России, после того как сложилось централизованное государство, вошло в обиход основное понятие *русский (российский) народ*, а в отношении этнических меньшинств и неправославных использовались понятия *инородцы, иноверцы, племена, туземцы, народности* и др. Важно отметить, что русский народ представлял собой широкую (внеэтническую) категорию. Известная и ныне переизданная книга автора XIX в. М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа включала сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских свадьбах, о шаманизме среди тунгусов и самоедов и о других этнокультурных традициях, которые к собственно русским и даже к православным отнестись было нельзя¹.

В СССР этнические общности назывались по-разному: национальными меньшинствами, национальностями, на-

¹ См.: Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Адаптированное издание. — М.: Рипол классик, 1997.

циями и народностями. Где-то в 1960-е гг. термин *нацмен* ушел из официального языка и частично из обихода по причине его уничижительного смысла. Сейчас он возвращается, но уже как международно признанная категория, обычно обозначающая культурно отличающиеся группы населения в национальных государствах с приниженным социально-политическим статусом и уязвимой культурой. Но даже это обозначение не является общепризнанным, ибо суть этой категории не в наличии группы, а в наличии проблемы неравенства и дискриминации.

Современное понятие «национальное меньшинство» перегружено многими, часто противоречивыми смыслами. В современной России есть свои особенности в понимании и использовании этого термина. Фактически все авторы, особенно юристы, политологи и социологи, воспринимают меньшинства как объективно существующие и культурно определенные группы, а проблема меньшинств — это проблема отношений между группами или между группой и государством¹.

В отечественной юридической литературе является общепризнанной трактовка коллективных прав меньшинств как прав на выживание, развитие, самоопределение, а достижение равенства понимается как обеспечение равных прав этнических групп и коллективных прав меньшинств². При этом искаженно трактуется смысл зарубежного права в данной сфере конституционно-государственного строительства и международной политики, включая смысловое содержание переводимых на русский язык терминов³. Самое уязвимое место в отечественной трактовке меньшинств — это сохраняющееся с советских времен этнонационалистическое представление о группах людей среди одного согражданства, которые якобы живут или за пре-

¹ См.: *Юрьев С. С.* Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые вопросы). — 2-е изд. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.

² См.: *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации. — 4-е изд. — М.: Норма, 2005; *Хабриева Т. Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. — М.: Юстицинформ, 2003.

³ См., напр.: *Блищенко И. П., Абашидзе А. Х.* Международная защита прав национальных меньшинств. — М.: Изд-во РУДН, 1993.

делами «своих» национально-государственных образований, или на «своей» этнической территории. На самом деле в России все граждане живут на территории своего национального государства, а «этнических территорий» в государстве вообще не существует, кроме возможных резерватов для малочисленных аборигенных общин (но опять же — общин, а не народа в целом). Право на территорию в государстве путешествует вместе с гражданином.

Население государств (т. е. гражданские нации), как правило, отличается также сложным религиозным и расовым составом. *Для современных государств многоэтничность и поликонфессиональность народа (или нации) — это норма.* Культурная сложность наций относится и к языковой ситуации, ибо одна из отличительных характеристик этнических групп — язык.

Очень мало государственных народов или наций, представители которых говорили бы на одном языке. Среди мексиканцев, например, около 10% составляют индейцы-аборигены, говорящие на языках групп майя и ацтеков, а швейцарцы используют четыре языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Поэтому нации многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства или удобства коммуникации доминирует какой-то один или два языка. Им в целях государственного управления и консолидации населения страны может придаваться официальный статус.

Общепринятый правовой подход заключается в том, что *представители бюрократии должны разговаривать на языке большинства налогоплательщиков, а не налогоплательщики должны учить язык чиновников.* Этот тезис актуален для постсоветских государств, особенно для Латвии, Украины, Казахстана, где значительная часть платящих налоги жителей пользуется русским языком как основным языком знания и общения.

Имеющиеся среди населения государств различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных. Многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями. Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, не признающие куль-

турную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность отказа от религии и насаждает представление об исламской *умме* как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. Следует сказать, что и в христианстве этническое начало мало что значит, ибо «для Бога нет ни эллина, ни иудея».

Кстати, в России исторически было так, что все принявшие православие считались одним народом, который назывался русским или российским. Только в последнее время среди некоторых православных активистов и даже священнослужителей появились ревнители исключительно русского взгляда на Россию, для которых российскость выглядит как нечто подрывающее основы государственности. Следует сказать, что церковь в России действительно носит название *Русской* православной церкви, но в этом названии меньше всего этнического содержания.

В некоторых государствах недоминирующая религия подвергается гонениям, а в других (при коммунистических режимах) любая религия отрицается как «опиум для народа». Есть государства-нации, которые долгое время утверждали себя как целостность на основе мифов о расовой и этнокультурной гомогенности. Например, миф о «белой Австралии», который был демонтирован только в последние два десятилетия, причем настолько радикально, что австралийская нация приветствовала мир из олимпийского Сиднея в своего рода аборигенно-этническом стиле.

Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации и единого народа с разной степенью успешности утверждаются в таких крупных странах, как Бразилия, Канада, США, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины, Танзания, Нигерия. Формула «единство в многообразии» (*unity in diversity*) как основа политического устройства и управления находится в арсенале большинства современных государств — от огромной Индии до маленькой Ямайки. На ямайском долларе имеется надпись «Из многих — один народ» (*From many one people*).

Наконец, есть государства, где укоренилось представление о нации как об этнической целостности, говорящей

на одном языке и имеющей свой особый характер («этническую психологию») и даже этногенофонд. Эта доктринальная и политическая традиция восходит к австромарксистам и к российским большевикам. Она была на вооружении в Германии в период правления национал-социалистов и некоторое время сохранялась и после Второй мировой войны. В науке и в общественной практике она утвердилась главным образом в СССР и в регионе его идеологического и политического влияния. Родоначальником марксистского видения нации в советском варианте был И. В. Сталин — «чудесный грузин», написавший в 1913 г. «превосходную брошюру» (оба определения принадлежат В. И. Ленину) под названием «Марксизм и национальный вопрос». Эта идеологическая матрица сохранялась на протяжении всего советского периода.

Сталинское определение нации носило ограничительный характер и сокращало число претендентов на звание нации. Для того чтобы какая-либо группа могла называться нацией, она должна обладать четырьмя связанными между собой чертами: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Еще Сталин говорил о пространственной однородности: «Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение». Но и это еще не все: нацию создает также «внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое»¹.

В Восточной Европе, где этнонационализм и идея культурной нации господствовали с конца XIX в., в последние десятилетия и особенно после распада СССР концепт культурной нации (этнонации) стал второстепенным по отношению к концепту политической нации. Им достаточно условно обозначают этническую диаспору (например, все венгры или все поляки в мире как представители венгерской или польской «культурной нации»). При этом ответственные и грамотные люди понимают, что

¹ Сталин И. В. Сочинения. — Т. 2. — С. 294, 296.

венгерская нация — это прежде всего граждане Венгрии, польская нация — это граждане Польши, а не господа Джордж Сорос, Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс. Последние — это представители американской нации, имеющие смешанное венгерско-еврейское и польско-еврейское этническое происхождение. Если даже венгры и были бы склонны зачислить Николая Саркози в состав венгерской нации, то французы не могут отдать им своего лидера нации, да и сам он считает себя французом.

В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР трудно продвигаются от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим постсоветским политикам, ученым и этническим активистам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство (как это записано во многих постсоветских конституциях). Другими словами, в Латвии все принадлежит латышской нации, т. е. этническим латышам, а не латвийской нации, включая русских граждан и неграждан — таких же создателей современного государства и исправных налогоплательщиков. На Украине владелец государства, его недр и воздушного пространства — это украинская нация, в которую могут войти русские, поляки, крымские татары и другие нетитульные, если они станут украинцами. И так во всех постсоветских государствах.

Широкое, гражданское понимание нации (например, казахстанской или латвийской) пока утверждается робко, главным образом для внешнего мира, чтобы выглядеть прилично. В казахстанских паспортах для выезда за рубеж в графе «национальность» стоит «Казахстан», а в паспортах для внутреннего пользования под тем же термином указывается этническая принадлежность. Только совсем недавно президент Нурсултан Назарбаев сформулировал новые приоритеты казахстанской внутренней политики: стабильное развитие нации, укрепление государственности, единство нации, уверенность в будущем.

В своем выступлении 23 октября 2008 г. на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана (до июля 2007 г. она называлась Ассамблеей народов Казахстана) Назарбаев сказал следующие важные слова, которые вызвали переполох среди казахских националистов: «Мы не случайно назвали нашу Ассамблею — Ассамблея народа Казахстана. Наша Конституция начинается словами «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой». Все граждане нашей страны составляют один народ, устремленный в совместное будущее... Во-первых, необходимо разработать доктрину национального единства, которая определит основные цели дальнейшего развития казахстанского общества... Идеи превосходства одной нации над другой противоречат вектору мирового развития и дискредитировали себя раз и навсегда как человеконенавистнические... Ассамблея народа Казахстана внесла бесценный вклад в сохранение и укрепление мира и согласия в стране. Благодаря ее деятельности мы успешно прошли путь строительства общегражданской идентичности и при этом сохранили культурную самобытность всех казахстанских этносов»¹.

Эти слова вслед за аналогичными высказываниями двух последних российских президентов говорят о важных подвижках в понимании национального и процесса нациестроительства. Однако этнонационализм не сдает свои позиции. Оказалось, что этнический национализм можно выдавать за государственный, что можно многим пожертвовать в демократических преобразованиях, если националистические безобразия объяснять миру необходимостью освобождения от русского имперского господства или, наоборот, объявлять о «рождении новой русской нации» после ее якобы очередного исторического поражения и утверждать, что «Россия может быть только государством русского народа, или ее не будет вовсе»².

Этническая и языковая сложность постсоветских наций продолжает отвергаться, и граждане, не принадлежащие к «титульной» этничности, зачастую так и остаются

¹ Казахстанская правда. — 2008. — 24 окт.

² Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. — М.: АИРО-XXI, 2005. — С. 312.

в категории национальных меньшинств без членства в нации. В этом заключается отличие от мирового концепта меньшинств. В других государствах меньшинства входят в состав нации и обладают всеми правами ее членов. Как носители малых культур меньшинства (точнее, культура и образ жизни части населения страны) пользуются особой поддержкой государства через соответствующую политику, которая может называться по-разному (этническая политика, политика в отношении меньшинств, политика аффирмативных акций и т. п.). Например, в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами, местными русскими и др. В этой стране действуют меры поддержки культуры саамов и шведов, а шведский язык имеет статус официального наряду с финским языком.

В Российской Федерации сохраняется понимание нации как этнической общности (этноса) с тем только отличием, что вместо формулы «нация и меньшинства» (как в Латвии, Эстонии и Украине) или «нация с меньшинствами» (как в Финляндии) существует формула «многонациональность»: все этнические общности есть народы или нации, а вместе они составляют «многонациональный народ». В статусе «народ России» специалисты и политики считают, помимо русского и других больших и малочисленных народов, проживающих в стране австрийцев, албанцев, голландцев, японцев (примерно по 300—400 человек), белуджей, грузинских и среднеазиатских евреев (приблизительно по 100 человек) и т. д. Так создается впечатляющая номенклатура «народов России» (158 по переписи населения 2002 г.). Российский народ как гражданская нация и его обозначение словом «россияне» или отвергаются, или отрицание нации скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего. *Это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян и есть основное препятствие для признания существования российской нации. Переубеждение таких отрицателей в значительной степени и есть нациестроительство, или формирование нации.*

ГЛАВА 3

Образ страны и национальная идентичность

Начнем разговор об идентичности с обращения к словам корифея мировой философии Гегеля, у которого есть тезис, что «современное общество нашло свою разумную идентичность в суверенном конституционном государстве и философия должна представить эту идентичность как разумную. Только государство, суверенное относительно других государств, может иметь самостоятельность, которая необходима, чтобы общество в нем могло сформировать свою идентичность»¹.

С тех пор, когда были сказаны эти слова, многое изменилось. Сегодня идентичность общества, а тем более отдельного человека невозможно уместить во всеохватной и многофункциональной организации, какой является национальное государство и его государственно-партийная машина. Тем более идентичность не ограничивается чувством принадлежности к этнической общности. И все же *государственная организация по-прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою базовую идентичность*. Если мы возьмем многочисленные как давние, так и современные исследования или размышления об образе народа, его культурно-исторических традициях, о «национальном характере» и т. п., то чаще всего мы видим, что объект этих размышлений — это государственные сообщества, а национальное самосознание (идентичность) — это чувство принадлежности к Родине и народу, который в ней проживает.

Именно так изучались в годы «холодной войны» американскими антропологами «национальные характеры» народов разных государств. Делалось это с целью содействия глобальным амбициям дипломатии США по установлению своего влияния и лучшего понимания внешне-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 365.

го мира. Под руководством известного ученого Маргарет Мид было выполнено исследование и о национальном характере советских людей (хотя предмет исследования назывался «русские»). Эта работа имела сугубо прикладной характер и была только недавно опубликована¹.

Еще раньше знаменитый швейцарский педагог Жан Пиаже изучал на примере женевских школьников этапы становления национального самосознания, не деля детей по этническому признаку (наверняка большинство были франкошвейцарцы, но не только!). Именно на основе такого подхода сложилась в мировом общественном сознании дисциплина кросс-культурной психологии, которой отечественные специалисты придали зауженно-этнический смысл, породив паранауку *этнопсихологию*. Поэтому россияне, включая ученых, интересуются национальным характером англичан, американцев, китайцев, испанцев и даже пишут об этом труды, но применительно к собственной стране используют это понятие только в отношении русских, осетин, татар, удмуртов и т. д., но никак не в отношении россиян. Логика здесь очень простая: у россиян не может быть своего национального характера, ибо они не представляют собой нацию!

Как и в прошлом, проблема национальной идентичности относится к числу горячо обсуждаемых и активно разрабатываемых обществоведами проблем. Достаточно сказать, что уже второе десятилетие выходит международный научный журнал «Национальные идентичности» (National Identities), проводятся многочисленные конференции, печатаются книги и статьи. В России сам термин «идентичность» не был распространен. Его аналогом в советском общественном сознании было понятие *национальное (само)сознание*. Различие здесь не в самих словах, которые действительно схожи. Различия были в смысле, которые им придавались. В советском и российском общественно-политическом и научном языке этот смысл придается этнической идентичности, т. е. соотношению человека с определенной этнонацией и с коллективным образом этнической общности и ее культуры. В мировом контек-

¹ См.: Mead M., Gorer G., Rickman J. Russian Culture. — N.Y.: Oxford: Berghahn Books, 2001.

сте национальная идентичность — это один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации. Последняя понимается как государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик.

Природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны, особенно в сложных по составу населения обществах, но есть некоторые общие моменты. Прежде всего, общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает ее, обязано своим собственным усилиям.

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем о себе сами, так думает о нас и остальной мир. Хотя может быть и наоборот: внешний мир по тем или иным идеологическим, геополитическим и культурным установкам конструирует и насаждает образ той или иной страны, и сама эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, и в итоге складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, каждый народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже других, а тем более соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов.

В современном мире конструирование позитивного имиджа стало сферой прибыльного и вполне легального бизнеса. Существуют международные имиджевые компании, которые за деньги создают позитивные образы того или иного государства или ситуации. Достаточно, например, посмотреть занимающие целую полосу публикации в крупнейших мировых газетах, а также в российской газете «Известия» об Азербайджане и Казахстане, которые

регулярно публикуются в последние несколько лет на правах рекламы. Кстати, те же самые компании могут по заказу клиентов намеренно разрушать образ страны, ее правительства и даже народа. Одной из причин негативного восприятия внешним миром действий России летом 2008 г. по защите Южной Осетии от нападения Грузии была целенаправленная акция по дезинформации, заказанная правительством Грузии одной из международных пиар-компаний.

К сожалению, наша страна по ряду причин довольно часто попадает в категорию имиджевых изгоев из-за стараний геополитических соперников и беглых ненавистников с украденными из страны денежными ресурсами. Иногда внешний негативный образ существует длительное историческое время или переключивается из прошлых времен. Применительно к России самым отрицательным образом сказывается инерция «холодной войны» с ее антисоветским идеологическим запалом и антироссийскостью, порожденная уже новыми странами и их элитами после распада СССР. Поэтому достичь внешнего позитивного образа такой стране, как современная Россия, достаточно сложно.

Предписанная России миссия «большого врага» остается жизненно востребованной для такой мировой державы, как США, а также для Запада в целом, чтобы обеспечивать консолидацию собственных обществ и военно-политических союзов, а также для оправдания военных экономик и армейских расходов. В этой ситуации *усилия общества и его элиты по конструированию позитивного самообраза направлены против внешних воздействий, но от этого они могут и должны быть еще более энергичными и последовательными.* Здесь возможны две разные стратегии национального самоутверждения: изоляционистская — через отгораживание от внешней среды и наступательно-интеграционистская — через попытки диалога и изменения внешнего образа страны в позитивную сторону. Обе эти стратегии не являются взаимоисключающими. В России исторически уживались как изоляционисты-почвенники, так и интеграционисты — сторонники главным образом европейской (узкой — славянской и широкой — западной) интеграции.

Мы можем определить национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним. Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике отстаивание национальных интересов страны и ее народа в значительной степени составляют то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова. Когда российского президента В. В. Путина внешний мир называл «президентом-националистом», то это действительно было близко к истине, ибо, в отличие от своих предшественников в этой должности М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, он формулировал и твердо отстаивал национальные интересы государства.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение их граждан разделяет общее представление о государстве и признает его. Это совсем не означает, что все поголовно и одинаково должны «любить Родину», «служить народу», выполнять еще какую-либо коллективистскую сверхзадачу. Человек на Земле, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию — благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки типа «служить нации», «защищать свободу», «каяться или гордиться» и т. п. — это скорее для политиков, для религиозных проповедников, для воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспеяние не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина.

Национальная идентичность, которая включает в себя образ страны в его разных вариантах, имеет как частно-индивидуальное, так и коллективное измерение. Идея нации создала гражданина, дав ему частное измерение, включая права и личностный суверенитет. Но первичность частной жизни не избавляет людей от общности,

особенно по отношению к государству. В этих условиях и гражданин, и власть имеют взаимные обязательства, важные для обеих сторон. Можно существовать вне этнической группы и даже чувствовать себя более свободным, чем находясь среди соплеменников, но в современном обществе фактически невозможно обходиться без государства.

Государство и его создатели, т. е. проживающий в нем народ, должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. Среди разных ресурсов и механизмов государствовоительства и поддержания государства в должном виде активно используется идеология и практика национализма в его гражданско-политическом понимании. Этот инструмент довольно старый и с противоречивым наследием, но он сохраняет свою ценность и поныне, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым.

Именно такая ситуация сложилась после распада СССР во всех постсоветских государствах, включая Россию. В начальный период для нового националстроительства повсеместно (кроме России) была взята на вооружение старая советская концепция этнического национализма в варианте: нация — это титульный этнос, остальные — это меньшинства. О гражданской нации (латвийской, казахстанской и т. п.) иногда говорили вожди и некоторые идеологи, но реальная политическая практика и общественный менталитет так и не дошли до необходимости утверждения гражданского националстроительства. О первых попытках такого рода в Казахстане уже упоминалось.

Что касается России, то новое государство — правопреемник СССР также осталось на почве этнонационализма (нация — это этносы), но еще к тому же в первую статью Конституции была записана фраза «Мы — многонациональный народ», которая чаще всего понимается так, что не только народ, но и государство наше не национальное, а многонациональное. «Страна многих наций» сохранила в своем государственно-административном устройстве этнический федерализм в форме этнотерриториальных автономий (республик, автономной области и автономных округов) и даже укрепила его в период так называемого «парада суверенитетов» по части властных

полномочий и привилегированного статуса «титульной» группы, ее языка и культуры.

В России 1990-е годы были временем доминирования этнической парадигмы. На фоне политических и экономических реформ восстанавливались страницы истории, памятные и святые места, ритуально-обрядовая жизнь, язык и образование, проводились музейные презентации больших и малых российских народов. В этом процессе было и остается много позитивного и необходимого для сохранения целостности и развития страны. Однако в нерусских этнонационализмах проявились негативные и даже опасные для общества и государства моменты.

Во-первых, один из регионов — Чеченская Республика — в результате вооруженного переворота вышел из-под контроля федеральной власти и оказался под контролем сепаратистов, поддержанных международными террористическими силами. Тяжелая и разрушительная война за восстановление контроля российской власти над этой территорией стоила многих жертв и разрушений. Она показала, сколь важно для национального государства сохранять полный суверенитет над собственной территорией, не допускать разрушительной пропаганды этносепаратистских доктрин и возникновения очагов или регионов вооруженного сопротивления центральной власти¹.

Как справедливо пишет по поводу противодействия кровавым этническим войнам журналист и ученый русского происхождения, ныне — лидер Либеральной партии Канады Майкл Игнатъефф, «как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо нами были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию»².

Во-вторых, негативным проявлением периферийного этнонационализма стало общее ослабление российского са-

¹ О войне в Чечне см.: *Тышкова В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. — М.: Наука, 2001.

² *Ignatieff M.* The Warrior's Honor. Ethnic War and the Modern Conscience. — L.: Vintage, 1999. — P. 125.

мосознания и трудное рождение нового российского патриотизма. После распада СССР требовались особые усилия по наполнению самосознания и патриотизма новым содержанием вместе с обеспечением преемственности в системе национальных ценностей и символов. Социологические опросы и другие исследования и наблюдения в период 1990-х гг. показывали слабую степень распространения среди россиян гражданского самосознания, а также позитивного отношения к собственной родине — России. Отчуждение и даже негативный образ России намеренно поддерживались частью интеллектуального сообщества и общественных организаций, особенно в российских республиках. Там выходили в свет книги и брошюры, которые создавали и представляли образ страны как «сумерки империи» и призывали «убить империю»¹. В республиках Северного Кавказа в условиях войны в Чечне началась пропаганда и насаждение среди части населения, особенно молодежи, антироссийских взглядов на основе радикально-ваххабитской исламистской доктрины.

В-третьих, своего рода «симметричным ответом» на этот вызов (иногда это явление называют этнополитическим маятником) стала радикализация ультра националистических доктрин и деятельности от имени русского народа. Этнонационализму от имени нерусских народов была противопоставлена не идеология и политика российскости и гражданской идентичности, а сумбурно сформулированные и громко заявлявшие о себе «русские проекты». Солидарность и однотипность этих двух экстрем в российском общественно-политическом пространстве была налицо, и это могло создать еще более опасную ситуацию для российской государственности и общества, чем отдельный очаг вооруженного сепаратизма.

С тех пор ситуация с гражданским (надэтническим) националстроительством изменилась достаточно серьезно как в плане социологической реальности, так и в доктринальном отношении. Нынешняя Россия находится в процессе активного национального самоутверждения и формирования своего образа как мировой державы и как европейс-

¹ Такими были названия книг популярных в Татарстане авторов Р. Хакима (Р. С. Хакимова) и А. Халима (Б. Н. Халимова).

кой нации с мировой культурой и с определенной цивилизаторской миссией на евразийском пространстве. Обращение к национализму в его гражданско-государственном варианте состоялось и оказалось полезным. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах.

Приходит понимание того, что без позитивного образа страны и без общеразделяемых ценностей-представлений эффективное правление невозможно. Общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Естественно, что таковым может быть только территориальное сообщество, т. е. *демос*, а не этническая группа, которую в отечественной науке называют интригующим словом *этнос*, имея в виду некое коллективное тело и даже социобиологический организм. Это утверждение отражает мировую норму устройства государств. Казалось бы, его невозможно оспаривать. Однако это не так.

На пространстве бывшего СССР распространены в изобилии и другие точки зрения. Цитируем одну из привлекательных примитивизаций, для которой характерна смесь политкорректных реверансов и вульгарного этнонационализма. Это рассуждения А. Никитина, секретаря Центрального политического совета ПЗРК «Русь», в его статье под названием «Русский народ и Российское государство».

«Господь Бог сотворил разные народы, — пишет А. Никитин. — Они отличаются друг от друга этнически, т. е. по внешним признакам, говорят на разных языках, создали разные культуры в самом широком смысле этого слова. У них разное мироощущение, живут они в разных частях Земли. И все народы перед Богом равны: нет народов высших, богоизбранных, и низших, предназначенных им в услужение. Любые теории, утверждающие обратное, — расистский бред. В числе прочих ОН сотворил и русский народ — не лучше и не хуже остальных, просто отличающийся от любого другого народа своим этническим архетипом, языком и культурой. На опре-

деленном этапе своего исторического развития русский народ создал специальный механизм для управления своей внутренней жизнью на занимаемой им территории и для регулирования отношений с другими народами — русское национальное государство. В многонациональном Российском государстве русскому народу принадлежит особая роль. Он не только создал это государство, он обеспечивает само его нынешнее существование как естественный носитель русского языка и русской культуры, без которых вся система обречена на стремительный распад. Русский народ является государствообразующим как исторически, так и демографически, и никакой другой народ не может заменить его в этой функции. России как государства и общества без русских быть не может... Народ — живой организм, единое целое, которое рождается, живет и умирает, как и все в живой природе. Когда такой организм перестает ощущать себя единым целым, у него исчезает иммунитет перед вредоносными внешними вмешательствами, и в конце концов он погибает»¹.

Из советской идеологии и науки, а также из гердеровской историсофии XIX в.² пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими идеологическими конструкциями. Если, например, для современного россиянина слово «рынок» уже не связано только с понятием «колхозный», слово «свобода» не означает только «осознанную необходимость», то со словами «народ» и «нация» особых подвижек не произошло. Но в этой ситуации *ученым не следует отказываться от той силы интеллектуального проникновения и общественного воздействия, которыми они обладают.*

В вопросе о нации и национальной идентичности в России обескураживает пренебрежение дореволюционным историческим опытом, якобы исключаящим какое-либо прослеживание идеи нации и национального самосознания в российской истории по причине имперской сущности дореволюционного государства. Попробуем исправить эту ошибку.

¹ Трибуна. — 2007. — 8 марта.

² См.: Гердер И. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977.

ГЛАВА 4

Денационализация отечественного прошлого

Отечественная и зарубежная литература по проблеме нации и идентичности в дореволюционной России обычно обращается к проявлениям национализма среди нерусских народов в форме так называемых *национальных движений* или же к национализму крайней реакции шовинистического толка типа черносотенства. Государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, национализм как идеология российской идентичности, да и сам феномен российского народа, частью которого на протяжении длительного времени были не только малочисленные «инородцы», но и поляки, финны, прибалты, не говоря уже о русских (великороссах, малороссах и белорусах), пребывает вне научной проблематики.

Национализм «покоренных народов» Российской империи остается одной из главных тем мировой историографии, а пределом теоретической новации стала концепция чешского историка М. Хроха о стадиях в развитии национальных движений в Европе (пробуждение, агитация и мобилизация). Эта позитивистская и упрощенная трактовка национализма как исторически предопределенного «движения наций» от одной фазы к другой с объективными индикаторами для каждой из фаз была некритически использована в трактовке российской истории, в том числе такими видными специалистами, как немец А. Каппелер и россиянин Б. Н. Миронов.

В фундаментальном труде последнего по социальной истории России позднеимперского периода государство рассматривается именно как «многонациональная империя», в которой проживали русские (великороссы составляли 20% населения в границах 1897 г.) и другие «старые» и «молодые» этносы, проходившие разные стадии

самоопределения, а история «национального вопроса» сводится к истории все тех же национальных движений — русского и других этносов¹. Авторы работ по «национальному вопросу в России» придерживаются обычно имперского ракурса и трактовки этнической субстанции как донациональной (племя или народность) или национальной общности.

Следует также учитывать, что те территории, которые со временем обрели независимость, первым делом постарались усилиями новых правящих элит отринуть общую историю в общем государстве и представить ее в культурно изолированном от России виде. Сначала вычеркнули себя из общей истории те, кто вышел из Российской империи в результате революции 1917 г. Нынешняя польская и финляндская национальные истории рассматриваются сугубо как самостоятельные континуумы, а не как часть российской истории на протяжении нескольких веков пребывания в составе общего государства, когда существовали представления о «русской Польше» и «русской Финляндии». Поэтому стоящий ныне в Хельсинки величественный православный храм воспринимается как некая историческая случайность. Затем последовали изоляционистские и сепаратистские версии прибалтов периода межвоенной независимости. Наконец, после 1991 г. родились этнонационалистические (ставшие государственными) исторические нарративы новых государств².

Национальная история Российского государства оказалась нещадно обворованной! На наш взгляд, даже история открытой и обжитой части Алеутских островов и Аляски,

¹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII — начало XX в.): В 2 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

² См.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. — М.: АИРО-XX, 1999. Это исследование российских историков интересно также и тем, что для его авторов понятие «национальная история» объединяет в себе варианты как этнонационалистических версий истории (например, татарской или башкирской), так и постсоветских государственных историй (украинской, таджикской или узбекской), но исключает версии истории России, СССР и Российской Федерации именно как национальных историй, ибо эти образования авторы не относят к национальным государствам.

а также российской крепости Росс в северной Калифорнии до момента перехода этих территорий под контроль другого государства — США составляют часть нашей национальной истории. До продажи этих владений американское присутствие на Аляске и в Калифорнии было ничтожным, а русское влияние, особенно среди принявшего православие коренного населения, было сильным, духовная же связь с Россией сохранялась и после продажи Аляски. В 1871 г. русский посланник в Вашингтоне сообщал митрополиту Московскому Иннокентию (Вениаминову) по этому поводу следующее: «Несколько депутатов (имеется в виду конгресс США. — В. Т.) укоряли весьма основательно Вашингтонское правительство в том, что оно ничего не сделало для нравственного и материального блага сего края. «Не так поступало, — сказал один из депутатов, — русское правительство и русское духовенство: из дикарей они делали христиан, из невежд — образованных; они строили церкви, основывали школы, и до сих пор еще лучи христианского света доходят до Аляски не из Вашингтона, а, к стыду нашему, из С.-Петербурга и из Москвы»¹.

* * *

Не признавали историю России как историю централизованного государства с элементами федерализма и культурной автономии и западные специалисты, которые в годы «холодной войны» разоблачали российский империализм как предтечу советского империализма. Они же после распада СССР стали критиковать новую «мини-империю» в лице Российской Федерации и обосновывать необходимость ее дальнейшего «досамоопределения». Только немногие, как, например, гарвардский профессор русского происхождения М. Карпович, разрабатывали взгляд на Россию как на национальное государство, будь это Российская империя или СССР. Как высказался известный историк Марк фон Хаген в адрес представителей этого направления, «никто из этих крупных историков не защищал империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени

¹ Цит. по: Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. — М., 2009.

как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося в стадии формирования»¹.

К сожалению, такой взгляд на российскую историю был отнесен на концептуальную периферию многочисленной литературой в рамках так называемой *постколониальной* парадигмы, когда история страны стала писаться как история метрополии и ее колоний. Проблема состоит в том, что постсоветская отечественная историография также не желает рассматривать историю страны в национальных терминах, ибо почти все исследователи последних двух-трех поколений были воспитаны как этнические националисты, хотя националистами сами себя никогда не считали.

«Национализм» был и остается плохим словом для отечественных интеллектуалов и политиков, ибо другого национализма, кроме как «идеологии превосходства одной нации над другой», они не знают. Полагая, что национальные государства приходят на смену империям, многие отечественные историки не видели ничего похожего на национальное государство в дореволюционной России. Среди историков и философов существует устойчивый стереотип: империя не может быть национальным государством.

Известный российский философ В. К. Кантор так сформулировал понятие империи: «это политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов»². Научная позиция этого автора заключается в том, что идея империи есть европейская идея. Ей в прошлом противостояли только восточные деспотии, которые, по сути, не были империями.

¹ Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. — М.: Новое издательство, 2005. — С. 24.

² Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. — М.: Российские Прописки, 2008. — С. 19.

Россия со времен Петра стала империей именно в европейском смысле слова на основе идеологии общего блага для всех населяющих ее народов. В этой империи была наднациональная «имперская нация», а «националистическую контрреформу» осуществил Николай I и его последователи. Именно в петровском (европейском) смысле и должна быть восстановлена идея империи в стране, где до сих пор проживает много разных этносов, которые автор воспринимает как «национальные стихии». «Россия по-прежнему находится на перекрестке культур, а значит, вбирает в себя разные национальные стихии. Поэтому имперский наднациональный пафос, терпимость к соседям, особенно внутренним, остаются важнейшими задачами России, если ей уготована все же судьба европейской державы, а не азиатского ханства-деспотии»¹, — пишет Кантор.

В этих рассуждениях многое совпадает с нашей позицией, кроме традиции словоупотребления. В. К. Кантор боится назвать становление петровского государства как рождающегося национального государства российского народа. Он называет это надэтнической Империей европейского классического образца. Другие, уже постсоветские варианты, которые выросли из этой языковой ловушки, это «либеральная империя» Чубайса или «евразийская империя» Дугина. Возврат к этой надэтнической Империи и есть будущее России, по мнению Кантора.

Но почему не обратиться (без всяких «возвратов» неких исторических норм) к утверждению представления о России как о национальном государстве? Неужели даже столь просвещенный исследователь связывает нацию с этносом и мыслит идеальную Россию как «наднациональную» целостность? Почему отказывается в «национальной стихии» российскому народу и почему еврей Кантор и русский Тишков должны составлять не национальную, а наднациональную общность, видимо, оставаясь в своих мифических «национальных стихиях»? Какое неизживаемое заблуждение по поводу того, что есть национальное и что есть этническое!

¹ Кантор В. К. Указ. соч. — С. 537.

Для большей части отечественных ученых длительное время оставалось в силе ленинское определение России как «тюрьмы народов» и ложная трактовка «права наций на самоопределение», ибо под нациями имелись в виду достигшие определенной исторической стадии этнические общности. Часть специалистов и политиков предпочитали описывать политику Российской империи в комплиментарных тонах, как политику терпимости и патернализма по отношению к нерусским народам. При этом следует признать, что доминирующая версия отечественной истории все же имела централистский (можно сказать, «русскоцентристский») характер. Она освещалась преимущественно в категориях и терминах, в которых обычно излагается история национального государства, а именно — как история Русского/Российского государства. Этническое начало здесь было минимальным. Главным был взгляд с точки зрения Москвы и Санкт-Петербурга, т. е. с позиции центра власти и доминирующей русской (русскоязычной, православной и восточнославянской) культуры. Такой подход был и остается отличительным знаком национальных исторических нарративов, хотя именно как «национальная» отечественная история не называлась и не воспринималась. Она именовалась (в разных вариантах) «Историей государства российского», «Историей СССР», «Историей России». Любопытно, что трудов с названием типа «Национальная история России» из-под пера отечественных историков никогда не выходило.

Исторические трансформации двух последних десятилетий, кажется, еще больше утвердили взгляд на историю России как на историю «последней многонациональной империи». История завоеваний, колонизации и угнетения дополнилась детерминистскими нотами об исторической обреченности империй, о неизбежном стремлении угнетаемых ею народов к свободе, о древних корнях их «собственной государственности» и т. п. Однако объяснительная модель «распавшейся империи», под которую когда-то охотно раздавались научные гранты и пуб-

ликовались многочисленные труды, не способна дать ответы на многие вопросы прошлого¹.

В трактовке российской истории слишком грубо отождествлялись понятия «империя» и «империализм». Действительно, почему считаются признанными исторические версии таких «национальных государств», как Великобритания, Франция и Германия, которые до XX в. были империями с внешними и внутренними колониями и с неоднородным по этноконфессиональному составу населением (не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Соединенного Королевства, Бретань и Корсику в составе Франции, а также «лоскутную империю» Бисмарка, названную Германией)? И почему Россия никогда не рассматривается как национальное государство? *Многие государства, считающиеся национальными, в прошлом и в настоящем типологически мало чем отличались и отличаются сегодня от России.* Тем не менее это радикальное отличие (Англия — уже давно национальное государство, а Россия никогда таковым не являлась) утверждалось в мировой историографии при содействии отечественных специалистов.

«О чем обычно забывают при изучении Российской империи — это каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав, и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы», — отмечает Марк фон Хаген. Он формулирует одну из назревших задач в историографии России: «Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как историю национального государства, а в других случаях всячески подчеркивают многонациональный ха-

¹ Критику объяснительной модели «распавшейся империи» см.: Тишков В. А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г. Н. Севостьянова. — М.: Наука, 2005. — С. 588—600.

рактик этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеить эти государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли промежуточная точка зрения — или несколько точек зрения — между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушества национального шовинизма?»¹

Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Да, возможна такая точка зрения, которая дает ответ на обозначенную дилемму. Отмечу, что аналогичную задачу уже пробовали решить некоторые отечественные историки и философы. Ближе всего к ее разрешению были П. Б. Струве и П. Н. Миллюков.

В работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. «Российская» (имперская) и «русская» (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» П. Б. Струве писал: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сключенным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием Империи (курсив наш. — В. Т.)»².

Вопросы сложной природы Российского государства с точки зрения дилеммы «империя или национальное государство» положены в основу наших рассуждений по

¹ Хаген М. фон. Указ. соч. — С. 25—26.

² Струве П. Б. Социальная и экономическая история России. — Париж, 1952. — С. 248.

поводу российского народа-нации. Мы подходим к историческим явлениям не только как к социологическим данностям или как проявлениям «исторических закономерностей», но и как к формам самосознания и общественных дискуссий. Это позволяет говорить о степени распространенности самого концепта национального государства. Никакой стадии или перехода от империи к нации в данном случае устанавливать нет необходимости. Конкурирующие ментальные конструкции и понятия могли сосуществовать или присутствовать в скрытых формах без прямых обозначений. *Российская идентичность, которую и можно назвать единственно надежным выражением нации, существует давно и достаточно легко устанавливается даже без социологических опросов.*

В итоге наша позиция такова: *Российскую империю можно считать национализирующимся государством с «национальным ядром», так же как СССР заключал в себе имперскую и национальную ипостаси, не пользуясь ни одним из этих обозначений и провозглашая свое государство исторической уникальностью, а свой народ — новым типом исторической общности.* Мы не приемлем взгляд на российский народ как на безнациональную или наднациональную общность людей и считаем этот взгляд саморазрушительным заблуждением ученых, оказавшихся способными убедить в этом часть политиков и простых обывателей.

Напомним в этой связи оценку СССР американским социологом Р. Брубейкером: «Советский Союз не рассматривался в плане теории и не был организован на практике как государство-нация. В то время как государство и его граждане как целое не определялись в национальных терминах, составные части государства и его отдельные согражданства определялись в национальных терминах. Именно в этом заключалась отличительность советского режима национальности — в ее беспрецедентном устранении нации и национальности как организующих принципов социального и политического порядка с общегосударственного уровня на субгосударственный уровень. Ни одно государство не зашло так далеко в спонсировании, кодифи-

кации и институционализации этнического, вплоть до конструирования в ряде случаев нации и национальности на субгосударственном уровне, и в то же самое время ничего не делая для их институционализации на общегосударственном уровне»¹.

Отсюда становится понятно, почему отказ от терминологической национализации государства и его народа преодолевается столь трудно. В современной Российской Федерации национально-государственный дискурс утверждает при невятности конституционно-правовых основ, слабой политической теории и путаном общественном сознании. Два президента — В. В. Путин и Д. А. Медведев — ясно и последовательно говорят о российской нации как об историческом и современном феномене, а академическая социология, установив российскую идентичность как доминирующую среди всех других коллективных идентичностей россиян, тем не менее делает «фигу в кармане» своим расплывчатым выводом «о достаточно высокой степени внутренней интегрированности российского общества и даже возможности в обозримой перспективе формирования в России гражданской нации (курсив наш. — В. Т.)»².

Видимо, при таком разномыслии необходимо начинать разговор о нации в России с обращения к прошлому, а не к обозримым перспективам.

ГЛАВА 5

Рождение русской национальности

Обратимся к ранним сведениям о дихотомии *русский* — *русский*. Они позволяют поставить вопрос о рождении национального самосознания в России до появления само-

¹ Brubaker R. Nationalism reframed. — Cambridge, 1996. — P. 29.

² Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН. — М., 2007. — С. 32.

го термина *нация*. Такое понимание исторического феномена национализма известно в науке как «нации до национализма»¹. Действительно, если речь идет о нации как прежде всего об элитном дискурсе, то дебаты среди государственной и научной элиты России, а позднее среди националистически настроенных русской интеллигенции и политических активистов из нерусских народов восходят к более раннему времени, чем то время, когда вошло в оборот само слово «нация» и возникло представление о национальном государстве.

Содержание этого особого типа идей и дебатов сводится к трактовке народа как суверенного субъекта, а не как «черни» или плебса, к наличию у народа общих черт и, самое главное, собственного Отечества, или Родины. Источником такого рода идей и представлений издавна была и остается элита, прежде всего политики и ученые. Но тогда где и когда можно искать истоки национальной идентичности в России?

Такого рода идеи и дебаты, если иметь в виду ранний российский (донациональный) национализм, появились еще в XVIII в. Речь идет о баталиях в Российской академии наук о происхождении российского народа. Мы напомним о них, чтобы показать, какое место в нашей интеллектуальной традиции занимал вопрос о происхождении российского народа и его государственности, особенно в свете противостояния отечественных интеллектуалов по поводу роли норманнов в российской истории. Дебаты по этому вопросу восходят к временам М. В. Ломоносова, когда в Российской академии наук утверждаются понятия «российский народ» и «россияне» и одновременно складываются версии о решающем немецком или скандинавском (норманнском) влиянии на данный процесс. Одним из сторонников норманнской родословной Руси был историк и этнограф академик Г. Ф. Миллер.

С резкой критикой текста предполагаемой диссертационной речи Миллера на собрании академии в 1749 г. выступил М. В. Ломоносов: «Господин Миллер говорит: «справады являе

¹ См.: *Armstrong J. Nations Before Nationalism.* — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.

от славных дел назывались славянами», но по сему во всей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹.

Ломоносов был одним из немногих русских в тогдашней Российской академии наук. Этот гениальный выходец из поморов обладал обостренным чувством патриотизма. Он считал, что «российский народ был за многое время до Рурика»: «варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних роксолан, или россов, и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною»².

Канцелярия академии поддержала Ломоносова. Академик Миллер не получил слова на торжественном собрании. На следующий год среди академиков состоялась большая дискуссия по диссертации Миллера. Как пишет Ломоносов, «каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменю, на иных замахи-вался в собрании палкою и бил ею по столу конференцкому»³. Миллера лишили звания профессора. Академия издала указ об уничтожении диссертации, «так как она предосудительная России».

Таким образом, если относить корни национализма к историческим периодам, когда появляются первые представления о коллективной общности как общности судьбы и о ее членах как существах, схожих между собой по облику, языку, достоинствам или недостаткам, то можно считать временем зарождения национализма в России

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. 6. — С. 21.

² Там же. — С. 27—29.

³ Там же. — С. 546—549.

именно 1740—1750-е гг. Связано это явление с Российской академией наук и персонально с М. В. Ломоносовым. Следует отметить также решающий вклад Петра I и Екатерины II в утверждение понятий «отечество», «отчизна», которые стали все чаще употребляться вместе со словом «народ» как наиболее близким синонимом «нации». Тогда же вместе с этими словами появляются такие категории, как *слава, гордость, служение народу и отчизне*.

Примечателен в этом отношении акт 1721 г., пожаловавший Петру I титул императора Всероссийского. Члены Сената и Святейшего синода просили государя возложить на себя титул «Отец Отечества», поскольку он многое сделал для него во время своего «государствования», когда государство всех россиян и российский народ стали сильными и уважаемыми. Сам по себе термин «отечество» представлял собой новацию, которая могла и не утвердиться в российском политическом языке. Но этот термин остался как аналог понятия *patrie*, от которого образовалось и пришло в русский язык слово *патриотизм*, без его родовой основы «патриа». Место патрии заняло слово «отечество», а «отечествизм» не получился, и утвердился «патриотизм». Титул «Отец Отечества», эквивалент латинского *pater patriae*, устанавливал новое значение роли царя как духовного отца своей паствы.

Исследовательница национализма Л. Гринфелд указывает: «В смысле дискурса это было если еще не сознание всех, кого побуждали употреблять это слово, но все же продвижение под руководством Петра к идее нации. Это изменение словаря было очень значимым, и новые концепты должны были медленно проникать в умы отдельных людей, которым до этого постоянно напоминали, что они были чьими-то презренными рабами»¹. И далее о Петре: «Не будучи сам националистом, он пытался сделать националистами своих подданных, но только до такой степени, каковая будет увеличивать эффективность и преданность тех, кто ему служил... Несмотря на то что Петр I не дал своим подданным чувство личного достоинства

¹ Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. — Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1992. — P. 196.

(фундаментальный элемент гражданского национализма), он дал им гордость быть подданными такого сильного и знаменитого правителя и быть членами — даже если и крепостными рабами — огромной и мощной империи. Он дал им повод для национальной гордости, которая будет использована последующими поколениями и составит основу для наиболее страстных форм национализма»¹.

Таким образом, в эпоху Петра Великого в России зарождается своего рода «донациональный» национализм, национализм гражданского типа, ибо он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию «россияне», обозначающую граждан единого отечества.

Полный титул российского государя включал в себя понятия «император» и «царь» одновременно, так как Петр был царем (ханом) для «татарских земель» — Казанского и Астраханского ханств. Петр жестоко эксплуатировал и наказывал своих подданных. Но в то же самое время он сумел уйти от московских пыточных казематов, перенес столицу в новый торговый и космополитичный город. Он сумел ввести новые принципы управления государством на основе определенных правил и законов. Запрещая своим подданным падать перед ним на колени и снимать зимой шапки с головы, поощряя инициативу и возвращая полные имена вместо кличек, он стремился тем самым воспитать у них чувство собственного достоинства. И он преуспел в этом покорении безличностной стихии.

Подтверждением этих заключений являются исследования российского историка Е. Н. Марасиновой по проблемам властных отношений и дискурса власти, отражавшегося в использовании титулов, символов и др. По ее мнению, с первой четверти XVIII столетия начинается собственно «имперский» период развития российской государственности, когда к 1721 г. была решена проблема выхода России к незамерзающей Балтике и появилась возможность заявить о себе как о европейской державе.

¹ Greenfeld L. Op. cit. — P. 197.

Е. Н. Марасинова пишет: «В царствование Петра I модернизация русского общества, то есть усвоение определенных элементов европейской культуры, приобретает особую динамику. Крепнущее Российское государство вынуждено было проводить стремительную мобилизацию внутренних ресурсов для создания пространственно-географических условий развития, обеспечить «форсированную», а порой и «насильственную», европеизацию и взять на себя инициативу глубоких преобразований. После Полтавской победы Петру и его сподвижникам стало совершенно ясно, что страна имеет теперь все основания войти в европейский мир могущественной державой, и логично, что имя этой державы будет Российская империя»¹.

Как писал С. М. Соловьев, в начале XVIII в. речь шла не о возрождении поверженного Царьграда, не о Третьем Риме, а о величии России и достоинстве «императора все-российского» среди «регулярных политизированных народов»². Это понятие «*политизированных народов*» или «*общества политических народов*» означало именно европейские народы, которые в глазах россиян считались нациями, т. е. политическими объединениями граждан. Хотя на самом деле большинство европейских государств того времени были монархическими и гетерогенными образованиями с колониальными владениями и с собственными бесправными аграриями. Тем не менее в оценках современников и в многочисленных трудах историков той эпохи и вплоть до современности можно часто встретить употребление термина *нация* применительно к странам и народам Европы. Но редко отечественный общественно-политический и академический язык использует эту категорию применительно к истории России, как будто бы кто-то наложил на нее табу.

¹ Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. — М., 2004. — С. 129—149, С. 6. См. также: Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. — М.: Наука, 2008.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1963. — Кн. IX. — С. 321—322.

Почему не только Гринфельд, но и другие зарубежные авторы пишут о России Петра Великого в национальных терминах? Например, американский исследователь Р. Уортман по поводу восхваления Петра в стихах, речах, спектаклях с помощью аллегорий и художественных изображений, считая его героизм и достижения реальными, пишет следующее: «...прославление государя в данном случае было не персонифицированным в нем прославлением государства и *нации*, а восхвалением личных сверхчеловеческих подвигов самого Петра, совершенных для блага *нации* (курсив наш. — В. Т.)»¹.

Особенность России заключалась не только в «политической регулярности», т. е. в степени укорененности правовых основ организации общества и власти, но также в смыслах словоупотребления в отношении самого государственного образования и существующих в нем титулов. Как отмечает Е. Н. Марасинова, «на протяжении всего имперского периода монарх, официально именуемый «Его (Ваше) Императорское Величество», в повседневной речи подданных очень часто будет оставаться государем, Российская империя — Россией, если говорить о стране, и отечеством, если за эту страну нужно проливать кровь»².

Страна получила наименование «империя» на том основании, что самодержец был провозглашен императором. В России монарх, приняв титул императора, тем самым переводил свою страну в разряд империй. Только лишь со времен наполеоновских войн изредка в частной переписке будет встречаться термин «империя» по отношению к России в контекстах, связанных с внешнеполитическими проблемами.

Марасинова указывает: «В первой же четверти XVIII века имперская идея еще только формировалась, круг ее носителей ограничивался сподвижниками Петра, которые добивались дипломатического признания измененного статуса России».

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. — М.: ОГИ, 2002. — С. 77.

² Марасинова Е. Н. Государственная идея... — С. 12.

И сложно сказать, какое чувство доминировало в государственном сознании этого периода — уверенность в собственных позициях или восхищение «регулярностью» «политизированных» шведов. В течение последующих десятилетий будет расширяться социальная база имперской идеи, пока при Екатерине II не утвердится в сознании всего привилегированного дворянского сословия... Однако, достигнув своего апогея в последней трети XVIII века, великодержавная доктрина сохранит в качестве важнейших ориентиров ценности, заданные в петровское правление: победоносное оружие, культурная идентификация просвещенной России с Европой и слава империи, олицетворенная в образе самодержца. Причудливое сплетение этих трех символов предопределило парадоксальность российского государственного мышления XVIII—XIX веков»¹.

Другой отечественный исследователь России XVIII в., А. Б. Каменский, не затрагивая тему нации и национализма, тем не менее оценивает период правления Екатерины Великой как время, когда уже можно было говорить о существовании новой русской национальной литературы, русской национальной школы живописи, архитектуры, музыки и т. д. К концу века в основном завершается процесс складывания русского литературного языка, который чаще всего назывался *российским языком*. «Именно тогда наступает новый этап в формировании русского национального самосознания с характерным для него чувством национальной гордости и патриотизма»².

Для Екатерины II тема русского патриотизма была тесным образом связана с ориентацией на Запад, которую она зафиксировала в своем известном «Наказе», предназначенном Комиссии, занимавшейся сочинением нового уложения: «Россия есть европейская держава... Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и привнесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых

¹ Марасинова Е. Н. Указ. соч. — С. 15—16.

² Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. — М.: Изд-во РГГУ, 1999. — С. 463.

областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал». В целом Екатерина проводила свои реформы, стремясь решить задачу укрепления государственной власти на принципах самодержавия, централизма и унитаризма, пытаясь одновременно для живущих в России народов «сшить каждому приличное платье». Как писала Вольтеру императрица, путешествуя по Волге и наблюдая «здесь 20 различных народов, один на другого не похожих»: «Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять»¹.

Этнонациональная политика Екатерины II, т. е. политика создания, сплочения и охраны «особого мира» из многих и разных народов, была во многом успешной и остается поучительной. Манифестом 1763 г., в котором нашли отражение европейские нормы о свободе передвижения как одном из прав человека и современные тогда нормы регулирования миграционной политики, была начата масштабная кампания переселения колонистов в Россию. Только за первые два года в Россию прибыло около 30 тыс. немецких переселенцев, осевших в основном в окрестностях Саратова. В чем-то эта политика отражала популярные в то время теории о связи процветания государства с ростом народонаселения. Их в свое время ярко изложил М. В. Ломоносов в сочинении «О сохранении и размножении российского народа». Английский историк Р. Бартлетт посвятил переселенческой политике Екатерины Великой специальное исследование и сделал такой вывод: «Ни одна другая коронованная особа того времени не делала проблему народонаселения столь важной заботой правительства»².

Одним из замечательных достижений XVIII в. было появление наряду с категориями «раб» или «подданный» понятия «гражданин» не только в смысле «горожанин»,

¹ Цит. по: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. — М.: Изд-во РГГУ, 1999. — С. 359.

² Bartlett R. P. Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1762—1804. — Cambridge, 1979. — P. 31.

а также выражения «сын Отечества», вслед за которыми появится представление об «ответственном гражданине». В 1789 г. в журнале «Беседующий гражданин» была опубликована статья «Беседа о том, что есть сын Отечества» (специалисты считают, что ее автором был А. Н. Радищев), в которой обосновывался нравственный смысл понятия. Человек потребен для ношения имени сына Отечества, по мнению А. Н. Радищева, если он чужд зависти, гордости, любострастия, не предается лени и пьянству, и обладает такими добродетелями, как честолюбие, благонравие и благородство¹.

Российский парадокс заключался в том, что можно было одновременно быть «слугой царя» и «сыном Отечества». Оценка А. С. Пушкина как «поэта империи и свободы» (А. А. Григорьев) здесь звучит более чем кстати. Это означало (означает и по сегодняшней день!), что не существует дилеммы: нация — это обязательно свободные граждане, а без этого нет нации. *Нация могла и может быть и в условиях несвободы в ее европейском представлении.* В современной Турции или Китае свобод не больше, чем в России, но наличие турецкой и китайской наций никто не оспаривает. Причем об этих нациях оказывается позволительным говорить даже применительно ко времени, когда Турция была Османской империей, а Китай был колониальным владением фактически до начала XX в. Но тогда почему в имперской России не могло быть нации, т. е. представления о едином народе страны? Это происходит по причине ментальной инерции, когда смешиваются феномен самосознания с «реальной» социально-культурной однородностью населения страны — нормативной установкой, которую не удалось реализовать ни в одной стране.

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1938. — Т. I. — С. 215—223.

ГЛАВА 6

Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин о российском народе

В истории формирования российской национальной идентичности последовавший XIX век был еще более примечателен и наполнен острыми спорами по поводу того, что есть Россия и ее народ. Здесь прежде всего следует назвать имя историка и писателя Н. М. Карамзина. В его эпоху благодаря сочинениям самого ученого еще более прочно утвердилось представление о самостоятельном субъекте, который назывался *российским народом* или *россиянами* — своего рода прототипе гражданской нации.

В 1811 г. Н. М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» писал для императора Александра I следующее: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, — византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами... Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность»¹.

Карамзин употреблял близкие по смыслу слова *русский* и *российский*, но первое было ближе к пониманию обычая и культуры, а второе — к пониманию гражданского сообщества. Вот как он описывал правление Лже-

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М., 1991. — С. 22—23.

дмитрия: «Дмитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скоморохов в монастыре Вознесенском; хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церквей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыню своих предков, возложили руку на самозванца»¹.

В этом же сочинении мы встречаем замечания по поводу институтов и отличительных черт культуры, которые еще раз подтверждают взгляд Карамзина на соотношение *российский—русский* как на соотношение понятий, близких, но не тождественных.

«Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. ...Мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хвали и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные»².

Карамзин может рассматриваться как один из столпов российского национального самосознания. Для него быть россиянином означало прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть «совершеннейшим гражданином». Корни гражданства он возводил к «древним россиянам»: «Имя русского имеет ли

¹ Карамзин Н. М. Указ соч. — С. 26—27.

² Там же. — С. 31—33.

теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!»¹

Карамзин признавал великую роль исторической мифологии в утверждении самосознания российского гражданина и его любви к Отечеству. Российский народ становится у Карамзина главным вершителем своих судеб и даже высшим сувереном. Он одним из первых употреблял применительно к российской истории известное латинское выражение *Vox populi — vox Dei* («Глас народа — глас Божий»)². «Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами — Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, — заблуждение славное для сей великой монархини!»³

Карамзин, безусловно, консерватор и противник внешних заимствований, ибо «добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей» и «одна из главных причин недовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империй, и коих благодарность остается доселе сомнительной». Под этими нелюбимыми народом преобразованиями Карамзин подразумевал желание монархов привнести в Россию законы революционной Франции, где появляется «национализм с нацией». «Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применимы к нашему гражданскому состоянию?» Карамзин верил в категорию гражданского состояния, но страшился революционного богоборчества французов во имя уже объявленной *насьон франсэз*.

¹ Карамзин Н. М. Указ соч. — С. 34.

² Там же. — С. 55.

³ Там же. — С. 42.

Не следует забывать, что приведенные высказывания Н. М. Карамзина взяты из его «Записки о древней и новой России...», адресованной государю, и все это относится к началу XIX в. Уже после этого был А. С. Пушкин, назвавший труд Карамзина «История государства Российского» не только воспеванием «прелести кнута», но и «подвигом честного человека». Пушкин завершил идеологический прорыв, совершенный историографом, в утверждении категории *российский народ*, хотя, безусловно, поэт пользовался словом «русский», возможно, даже чаще и в самых разных вариациях. При этом он не делал особых различий между двумя категориями. Здесь важно напомнить нынешним отрицателям российскости, кому на самом деле в отечественной истории принадлежат приоритеты на слово *россияне*, чтобы современные недоучки не трактовали это понятие как эвфемизм ельцинской эпохи.

Приведем несколько цитат из произведений А. С. Пушкина о российском народе и о россиянах:

Узнай, народ российской,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я спил себе мундир.
«Сказки. Noël»

Богиня песен и рассказа...
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок.
«Кавказский пленник»

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
«Воспоминания в Царском Селе»

Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан,
Меня воспламеняют ныне.
«Элегия»

И наконец, посвящение в «Борисе Годунове»: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновленный, с благоговением и с благодарностью посвящает Александр Пушкин».

Значение Пушкина для становления национальной идентичности далеко не ограничивается использованием терминов, ибо и слово «русский» было для него не менее, а даже более воспеваемым, но воспеваемым в широком значении, как «всяк сущий в ней язык». Для истинного гения сущность была всегда ясна, и она не поддается рациональному определению. Поэтому можно сказать, что и этническое русское (великорусское) самосознание также берет многие свои начала в пушкинской поэзии и прозе. Пушкин действительно «наше все», если пользоваться определением А. А. Григорьева. Но самое важное, что Пушкин, как он сказал о себе, ударил по наковальне русского языка и тот зазвучал. «Но заставить «звучать язык» — это и означает конституировать национальное сознание»¹, — делает важное заключение В. К. Кантор. Но только почему после такого заключения философ выдвигает тезис об имперской «вненациональной стихии» как нормативном прошлом и будущем нашей страны?

Гораздо раньше о Пушкине, «его русскости, его неотделимости от России, его насыщенности Россией», о том, что поэт утвердил «наше национальное бытие»², писал И. А. Ильин. Утверждая русскость Пушкина как главное его качество, Ильин говорит, что историческое призвание поэта состояло в том, «чтобы принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее, а вместе с ней — Россию»³. Но только следует иметь в виду, что именно Ильин утверждал одновременно представление о России как о *многонародной нации*.

Пушкинская открытость и ясность по поводу истории России со всеми в ней «сущими языками» была позднее

¹ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историко-философские очерки. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 92.

² Ильин И. А. Пророческое призвание А. С. Пушкина // И. А. Ильин. Одинокий художник. — М.: Искусство, 1993. — С. 44.

³ Там же. — С. 49.

востребована многими российскими мыслителями. Но самой главной в пушкинской идеологии государства была своего рода формула-триада, которую можно сформулировать как «свобода, просвещение, монархия». В отличие от будущих славянофилов, не принимавших Петровские реформы, Пушкин, по словам С. Л. Франка, «ощущал национальный характер дела Петра Великого»¹ и связывал предназначение России с европейским просвещением.

Из пушкинско-карамзинской историософии возможны важные экскурсы и в современное понимание проблемы. Именно на примере Пушкина можно сделать вывод о нецелесообразности жесткого деления наций на гражданские (политические, государственные) и культурные (этнические), а тем более противопоставлять их казалось бы несовместимые субстанции. Если с точки зрения определения членства такое разведение двух сообществ возможно (например, литовские татары могут считать себя членами литовской гражданской нации и членами татарской этнонации, но не членами российской нации), то с точки зрения форм идентичности грань между двумя типами наций провести сложно и даже иногда невозможно. Грань между русским и российским, кастильским и испанским, английским и британским, ханьским и китайским трудно проводится не только по историческим основаниям, но и по причинам демографического и культурно-языкового характера.

Во всех перечисленных случаях первое служит референтной культурно-исторической основой второго. Ясно, что без русского невозможно российское, как без кастильского невозможно испанское. В определенные исторические периоды эти культурно-этнические и государственно-политические субстанции разделить просто невозможно. В обыденном языке они часто тесно переплетены и взаимозаменяемы. Когда мы говорим «Англия», то имеем в виду чаще всего не историческую часть страны и «английскость»,

¹ Франк С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. — М.; СПб.: Книга, 1999. — С. 492. См. также: Сурат И. Пушкин о назначении России // Новый мир. — 2005. — № 6.

а Великобританию, ее народ и культуру в целом. *Исторически и ситуативно эти две формы дискурса и две категории анализа обладают сложной динамикой и внутренними пересечениями.* Как может существовать «поэт империи и свободы» (определение А. С. Пушкина, данное философом Г. П. Федотовым), так могут сосуществовать имперская и гражданско-политическая субстанции. Не говоря уже о том, что как во времена Пушкина, так и сегодня расовое и этническое начала не служили отсылками для определения русскости или иной этнической принадлежности. Этот вопрос трудно воспринимается из современности, но его необходимо разьяснять.

Приведем в качестве пояснения современные примеры, которые для пушкинского времени вообще были нормой и над ними даже особо не размышляли. Бывший коллега автора по российскому правительству, министр-ветеран и один из лидеров партии «Единая Россия» С. К. Шойгу вместе с автором принадлежит к российской нации. В то же самое время каждый из нас принадлежит к русской и тувинской этническим нациям соответственно. Казалось бы, ситуация вполне ясная: Тишков — русский россиянин (или российский русский), Шойгу — российский тувинец. Но может быть и так, что Шойгу считает себя одновременно и русским человеком, на что у него достаточно оснований, и определяющим из них может быть его собственное ощущение. Как с некоторой горечью высказывался другой известный политик, губернатор Кемеровской области Аман Тулеев: «Я, может быть, больше русский, чем те, кто громко объявляют себя русскими». Коллега автора по Общественной палате Российской Федерации А. М. Мигранян говорит о себе так: «Я — на 100% армянин и на 100% русский». И он абсолютно прав в этом свободном самоопределении, которое, к сожалению, не допускают ни наша отечественная теория (попробуйте в отечественных текстах или в социологических опросах найти такую категорию людей), ни общественно-политическая практика (попробуйте при переписи населения записать себя как *русский и армянин!*).

Есть еще одна важная тонкость в культурном багаже и в идентификации россиян. Великорусское, украинское,

мордовское, татарское проникает в российское, и при этом референтным компонентом, а не только главным словом остается *русскость*. Но «русскость» понимается как нечто надэтническое, ибо мощнейший и изначальный пласт этого понятия был связан с русским православием.

Ныне покойный Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II говорил на этот счет следующее: «Само понятие «русскость» — не этническое, а сверхнациональное, культурное. Оно, может быть, и зародилось как национальное на киевских землях. Ведь, согласно древнерусским летописям, Русью в строгом смысле этого слова первоначально назывались только ближайшие к Киеву земли. Однако с течением времени это понятие стало универсальным. В русский мир вошли и другие народы, отличные по этническому признаку, однако русские по духу, по принятию православных ценностей»¹.

Об этом сложном содержании слова *русский* и о невозможности жесткого разделения понятий *русский* и *российский* нами будет сказано в заключении. Сейчас же вспомним о «древних корнях» слова *нация* в русском языке (напомним, что в XVIII в. язык нац назывался *российским языком*). Поскольку мы придерживаемся дискурсивного подхода и для нас акт речи чрезвычайно важен, полезно проследить эволюцию гражданского российского национализма с точки зрения появления и употребления ключевого понятия «нация» и его производных.

Безусловно, *национализм* — это прежде всего верхушечные идеологические дебаты вокруг категорий *народа* или *нации* как *суверенов исторического действия*. Отметим, что слово «нация», встречающееся в русском политическом лексиконе XVIII в., употреблялось преимущественно в дипломатической среде уже во второй половине XVII столетия. С правления Петра I этот термин укореняется в официальных текстах, а также на страницах публицистики, газет, художественных произведений, мемуаров и частной переписки. Как правило, значение слова «нация» было идентично значению понятия «народ».

¹ «Русскость — понятие сверхнациональное» // Родина. — 2007. — № 7. — С. 7.

Характерно, что в тех русских официальных документах, которые должны были дойти до сведения европейских дворов и потому целенаправленно переводились на различные языки, в частности на немецкий, слово «нация» звучало как «die Nation» или «das Volk». Однако в источниках зафиксировано употребление термина «нация» и по отношению к узкосословным (а именно дворянским) кругам. «Государь... должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо Его попечению... а дабы нация имела свою вольность, надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти»¹.

Существование и достаточная степень укорененности представлений о едином народе, его правах и интересах есть свидетельство и даже суть раннего национализма. Если это так, тогда о чем вел речь будущий император Александр I в письме своему воспитателю Лагарпу еще в 1797 г.?

«Мне думалось, — писал Александр, — что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ей сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала существовать, как только конституция была бы закончена, и нация (курсив наш. — В. Т.) избрала бы своих представителей»².

О какой нации вел речь наследник престола? Конечно же, речь шла о российской, или русской, нации, под ко-

¹ Письма с приложениями графини Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. — СПб., 1907. — С. 9—11.

² Цит. по: Русский биографический словарь. — СПб., 1896. — Т. 1. — С. 159—160.

торой понимались все граждане страны, и неважно, какое конкретное слово могло быть употреблено в данном случае — *русский* или *российский*.

Александр I не осуществил своих юношеских мечтаний государственного переустройства. Косное и сплоченное дворянство, военщина и бюрократия, общая отсталость страны не позволили это сделать. Но идея нации и понятие российского народа как общности, которая заслуживает своего представительства, нашли отражение в проектах соратников императора — М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева. Это дает основание сделать важный вывод относительно исторического периода от Петра I до Александра I, когда начался переход от иерархического (сословного) видения общества к пониманию народа как нации: «С момента «открытия народа» закончился период зарождения российского национального сознания. Когда XVIII век подошел к концу, матрица, на которой все будущие россияне строили свою идентичность, была создана и чувство национальности родилось на свет. Это был трудный ребенок, но муки его рождения закончились, и ребенка уже нельзя было вернуть в материнское чрево. Отныне это обстоятельство будет определять ход российской истории»¹.

ГЛАВА 7

Национализм в пореформенной России

Мы не будем подробно проследивать эволюцию российского национализма, а тем более историю «партикулярных» (этнических и региональных) национализмов в дореволюционной России. Отметим только некоторые важные моменты в российском общественном сознании после Карамзина. Фактически вместе с реформами Петра и творчеством Карамзина рождается дихотомия *русский* —

¹ Greenfeld L. Op. cit. — P. 260.

российский, которая существует более двух столетий. Негативное отношение к возвеличиванию Карамзиным именно государства Российского как основы истории и созданию им образа «европейского русского» как идеала развития выразили сторонники славянофильско-почвеннической традиции, которые были критиками реформ Петра и европейской ориентации.

Известный славянофил, историк и публицист К. С. Аксаков писал в 1848 г.: «Литература наша, конечно, толковала и о России, но о России другой. Русские люди для нее не существовали: речь идет только о Россах; и этого бедного Росса, без всякого, конечно, сочувствия, которое невозможно, хвалят до невероятности... Состоит интерес в том, как Русская душа, попавшая в эту холодную область отвлеченной лжи и обезьянства, смутно сознает и ищет Русской земли, Русского народа, Русской жизни; как, наконец, от Росского и Российского переходит она к Русскому»¹. «Да, Карамзин именно писал историю Государства Российского; он не заметил бездельницы в Русской истории — Земли, народа. Заслуга его истории та, что она пробудила поневоле сочувствие публики к судьбам родной земли, сочувствие, неверно высказывавшееся, но тем не менее уже пробужденное; ибо темное Русское чувство лежит в нас, лежит возможность возникнуть в нас Русскому человеку, отказать от публики и перейти к народу. — а без того какой бы смысл имела для нас жизнь?»²

Почвеннический, антизападный, своего рода этнографический вариант национализма как альтернатива карамзинскому российскому проходит через всю последующую историю отечественных интеллектуальных дебатов. При этом диалог идет не только по поводу *русского* и *российского*. Этнонационализм оспаривает само понятие *национального* применительно к стране и ее народу, ибо для этого течения отечественной мысли *национальной* является почва и кровь, а не государство. Это был тоже национализм, а точнее — дискурс национализма в его постоянно конкурирующем, но не всегда противостоящем варианте.

¹ Н. М. Карамзин: Pro et Contra. — С. 645.

² Там же. — С. 652

По мнению В. К. Кантора, петровско-петербургская Империя, упорядоченная екатерининскими реформами, пробудила к жизни гражданское сознание и вместе с ним собственных врагов: от Радищева и декабристов до Чернышевского. И найти контакт с разбуженными ею же началами гражданского общества Империя не смогла. «Она стала искать иное решение вопроса бытия России — стала искать национального царства вместо Петербургской Российской Империи. Славянофильский пафос Александра III и Николая II очевиден»¹. Более или менее единодушное восприятие Карамзина как живого явления современности обозначилось, пожалуй, только в момент празднования его столетнего юбилея в 1866 г. Ряд выдающихся умов отметились речами и лекциями, в которых мы находим концепт «национального» в смысле российского. Эта линия восприятия и выражения сохранилась и стала более отчетливой в пореформенной России, включая употребление термина «нация», которым сам Карамзин не пользовался.

Языковед и литературовед Ф. И. Буслаев полагал: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела свою задачей внести к нам плоды западного просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным основанием, явить в себе русского патриота»². Буслаев считал, что для Карамзина «достоинство нации — в ее способности стать на путь цивилизации». Развитие промышленности, торговли, культурных взаимосвязей — вот, по Карамзину, средства прогресса, способы сближения народов. Созданный Карамзиным образ путешественника, русского европейца, — это образ именно русского человека, но в идеале, в развитии.

Академик Я. К. Грот в очерке о деятельности и личности Карамзина, прочитанном 1 декабря 1866 г. на торжественном собрании Императорской академии наук, сказал следующее: «Что в жизни народов, в истории их образования может быть отраднее и многозначительнее появления подобных деятелей? Они составляют венец про-

¹ Кантор В. К. Санкт-Петербург... — С. 167.

² Н. М. Карамзин: Pro et Contra. — С. 660.

свещения. Нация, могущая указать в своих летописях на такие лица, имеет право не отчаиваться в своем будущем»¹.

Реформы середины века, Крымская война и Польское восстание 1863 г. ознаменовали важную стадию в становлении российского национального самосознания. При этом в лингвистическом выражении и, возможно, в смысловом отношении дискурс все чаще откликается на призыв Каткова, переходя от росса к русскому. Это был период распространения образования, расцвета отечественной прессы и более интенсивных связей между разными общественными группами. Это был период, когда, по словам Б. Н. Миронова, в России общность (в смысле — общинность) становилась обществом и когда обществу к февралю 1917 г. удалось установить контроль над государством². Именно тогда *российская многоэтничная элита в постоянных дебатах и конкурирующих проектах сконструировала представление о нации как об интегрированной по государству общности.*

Такое представление, например, развивал М. Н. Катков на страницах редактируемой им газеты «Московские ведомости». Используя категорию «русская народность», он требовал признания ее исторических заслуг и придания ей статуса «политической национальности», которая автоматически должна быть обязательной для всех граждан государства. В содержательном плане Катков высказывался не за этническое, а за национальное государство с единой системой права, образования и управления и с ограничением сословных прав. Катков и ведущая газета страны никогда не выступали с пропагандой русификации других народов, ибо считали, что *политическая национальность должна иметь полиэтничный и поликонфессиональный характер.* Это была позиция интеграции всех частей государства на основе правовой и гражданской унификации, и для «Московских ведомостей» категория *нации* имела прежде всего политико-географическое содержание.

¹ Н. М. Карамзин: Pro et Contra. — С. 687.

² См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. — Т. 1. — С. 522—528.

Интегрирующим началом русскости должно быть не столько православие, сколько русский язык, и тогда «русские подданные католического исповедания» должны были считать себя «вполне русскими людьми» (это касалось особенно части католиков-белорусов)¹. «Катков сместил акцент лояльности внутри имперского патриотизма не с помощью замены его этническим императивом, но добавлением к понятию «нация» триады из династии, государственных сословий и монархии. Это предъявляло неслыханные доселе требования к политическим и интеграционным силам отсталого и гетерогенного царского государства. В итоге обе действенные силы, общество и «народность», слились неразрывно в понятии «нация»², — пишет немецкий историк А. Реннер.

* * *

Россия не оказалась в стороне и от идей экономического национализма, которые одним из первых разработал теоретик «промышленного воспитания нации», немецкий экономист Фридрих Лист. Его труд «Национальная система политической экономии» вышел в свет в 1841 г. Он противостоял крайне популярным тогда идеям фритредерства и так называемой классической политэкономии Адама Смита. Напомним, что понимал под нацией Ф. Лист, и именно это понимание было позднее воспринято в России, как минимум, частью ее правящей элиты. Лист отвергал «беспочвенный космополитизм, который не признает сущности национализма и не принимает в расчет национальных интересов», а также «разрушительные партикуляризм и индивидуализм, которые... рассматривают в сущности лишь частную промышленность в том виде, в каком она развивалась бы при свободе отношений в обществе, т. е. во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на отдельные нации».

¹ Цит. по: *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // *Российская империя в зарубежной историографии.* — С. 577.

² *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // *Российская империя в зарубежной историографии.* — С. 460—461.

Как бы закладывая идеологию будущего объединения и внешней экспансии Германии, Ф. Лист писал во второй половине XIX в.: «Но между отдельным человеком и человечеством стоит нация с ее особенным языком и литературой, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией; образовавшись в ассоциацию посредством солидарности умственных и материальных интересов, составляя одно самостоятельное целое, которое признает авторитет закона, но в то же время, как целое, владея еще естественной свободой по отношению к другим подобного рода ассоциациям, нация при существующем мировом порядке не может обеспечить свою самостоятельность и независимость иначе, как собственными силами и своими частными средствами... Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория — вот необходимые признаки нормальной национальности; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального преуспеяния и политического могущества»¹.

Нация для Листа — это страна, а национализм — это политика обеспечения экономических и других интересов страны и ее народа. Нисколько не сомневаясь в том, что Россия — это нация, т. е. национальное государство, Лист утверждал: «Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того, чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России»².

Как показало время, Лист во многом был прав. Благодаря таможенному протекционизму, ликвидации разно-

¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. — М.: Европа, 2005. — С. 152—153.

² Там же. — С. 97.

боя денежных систем, железнодорожному строительству и другим реформам, экономика объединенной Германии процветала. Национализм утверждался в этом имперском образовании, становясь примером для России. Одним из видных российских националистов — последователей идей Листа (русский перевод его трактата вышел в 1891 г.) был министр финансов С. Ю. Витте. Еще в 1889 г. он опубликовал первую в русской литературе книгу о системе Листа, а в 1912 г. она была переиздана под примечательным названием «По поводу национализма».

Вот что Витте писал о национализме в предисловии к этому изданию: «Преклоняясь перед многими мыслями Листа, который был как бы предтечей Бисмарка, я считаю этих двух деятелей истинными националистами. Однако новейшие течения показывают, что национализм может получать разнообразные формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав империю с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от императора, не считал препятствием к созданию «национального» государства: конституционную поместную автономию, веротерпимость по отношению подданных негосподствующего вероисповедания, даже нехристиан, равноправность всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, установление отношений правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и проч. Между тем многие из указанных явлений жизни Германской империи считаются иногда несовместимыми с национальными основами»¹.

Эта цитата примечательна во многих отношениях. В первых, Витте использует сами термины «национализм» и «национальное государство», хотя берет в кавычки слово «национальный», поскольку это была для того времени словесная новация: так условно начинали называть государства, проводившие политику нацистроительства

¹ Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Лист Ф. Указ. соч. — С. 259.

(этот термин также еще широко не использовался). Во-вторых, Витте скрыто полемизирует с точкой зрения, согласно которой национальные государства должны иметь один центр без какой-либо автономии регионов, одну религию и сословную иерархию. Германия к тому времени была одновременно империей и утверждающимся национальным государством. Именно такой хотел видеть Россию граф Витте.

Вера Витте в национализм отражена в следующем абзаце его предисловия к вышеназванной книге: «Мне полагается, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому неупугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели; и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемых мстостью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах, диких для XX века». Далее Витте прямо пишет, что националистом первого рода был Бисмарк и что этот тип «более желателен для нашего отечества»¹.

Здесь мы переходим к важному положению о возможности *рассматривать империю и нацию не как два исторических антипода, а как две сосуществующие субстанции в сфере общественно-политического дискурса, а значит — как две сосуществующие реальности*. Именно этот взгляд может вывести длительные дебаты о форме и сущности отечественной государственности из методологического тупика. Однако сначала заметим, что пропасть между западниками и славянофилами далеко не столь глубока, как это иногда представляется современным интерпретаторам. Сторонники обоих течений общест-

¹ Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист // Лист Ф. Указ. соч. — С. 259.

венной жизни были людьми европейскими и в то же время государственниками-националистами.

Отметим только высказывания П. Б. Струве об Иване Сергеевиче Аксакове: «В публицистике Ивана Аксакова был свой лад и строй. Эта духовная музыка была гармонично проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, т. е. идеей нации (курсив наш. — В. Т.), в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность... Все, в чем выражалась сила и величие нации — ее исторические достижения, духовные и государственные, ее историческое призвание, — находило себе красноречивого истолкователя в Иване Аксакове»¹.

Подобным образом следует научиться отзываться друг о друге и нынешним идеологическим антиподам. Особенно это касается тех авторов расистского и неофашистского толка, кто сочиняет книги с кровожадным названием «Образ врага» и старается выловить среди российских ученых и политиков разрушителей российской государственности и американских шпионов.

ГЛАВА 8

Империя как нация

После Великих реформ Россия становилась все более современным (т. е. национальным) государством в смысле административной, правовой и культурной унификации всех частей империи и интеграции общества, несмотря на сословные, религиозные и регионально-этнические барьеры внутри ее населения. «Поскольку существование национально-региональных особенностей во всех сферах жизни служило важнейшим препятствием для реализации этих задач, правительство вынуждено было прово-

¹ Струве П. Б. Аксаковы и Аксаков // Славянофильство: Pro et Contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. — СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. — С. 820.

дить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию»¹, — пишет Б. Н. Миронов.

Слишком буквально понимая интеграцию как некий процесс «слияния этносов» и доверчиво полагая, что политика «культуркампа» в Германии и аналогичные усилия по нивелировке населения в других европейских странах привели к формированию этнически однородных наций, Б. Н. Миронов делает вывод, что территориальная экспансия и другие факторы превратили Россию в многонациональную империю и «замедлили развитие единой российской нации». В то же самое время «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова»².

Действительно, если воспринимать нацию как что-то, что должно сформироваться из одного или из нескольких этносов и вместо них, тогда такой исторический субъект, а тем более момент его рождения установить будет невозможно. Как показали новейшие исследования, те, кого долгое время уже называли французской нацией, только во второй половине XIX в. преодолели множество регионально-этнических различий и стали более или менее культурно однородным населением. Но даже в начале XXI в. автор наблюдал на Корсике, как на двуязычных (на французском и корсиканском языках) дорожных указателях были замазаны краской надписи на французском. «Мы — не французы!» — гласило это косвенное послание.

Аналогичные ситуации культурно неоднородного населения существовали в других европейских странах, которые, однако, убедили себя и внешний мир, что они есть нации. Испания и испанская нация сохраняли свое региональное, этническое и языковое разнообразие на протяжении всей истории этого государства. То же можно сказать и о других европейских странах, кроме, возможно, Швеции и Норвегии. Неужели в Англии (Великобритании) когда-то переставали существовать шотландцы, уэльсцы,

¹ *Миронов Б. Н. Указ. соч. — Т. 1. — С. 41.*

² *Там же. — С. 47, 62.*

ирландцы? При этом Англия считается одной из старейших наций мира. Поэтому нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, которая, по мнению части российских и зарубежных специалистов, так никогда и не сложилась в России. *Нация есть продукт идеологии национализма.*

Как писал норвежский антрополог Т. Х. Эриксен, «нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»¹.

Если принимать этот подход, а он на сегодняшний день является господствующим в мировой науке, тогда следует рассматривать не только «реальную» социологическую и культурную унификацию российского общества, но и степень распространенности российской идентичности и гражданского (государственнического) национализма среди элитных слоев общества в противовес партикулярным (этническим) национализмам. И здесь мы обнаружим, что *в элитной и даже в разночинной среде гражданский национализм, а на простом языке это означает преданность отечеству и служение России, был доминирующей идеей и жизненной ценностью.* Он превосходил другие формы национализма — от почвеннически русского до периферийного этнонационализма российских меньшинств. Не только для Витте, но и для многих других влиятельных деятелей России наиболее приемлемым было кредо П. Б. Струве: «Я западник, а потому — государственник. Я западник, а потому — националист».

* * *

Как это ни покажется неожиданным, но получившие подробное освещение в советской исторической науке «национальные движения» в империи Романовых на самом деле были маргинальной формой культурных и социаль-

¹ Eriksen Th. H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. — L.: Pluto Press, 1993. — P. 105.

но-политических манифестаций. Более того, немецко-балтийская элита, например, была одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государственных и этнических элементов в составе основополагающей общности, и она поддерживала понятие российской нации.

Исследовавший историю Российской империи английский историк русского происхождения Доминик Ливен отметил то обстоятельство, что аннексия балтийских провинций еще при Петре I дала немногочисленное, но оказавшееся впоследствии на ведущих ролях в правительстве, при дворе и в армии прибалтийское немецкое дворянство и профессиональный средний класс. Каждый восьмой из высших царских чиновников между 1700 и 1917 гг. был выходцем из этих двух достаточно немногочисленных групп¹.

В исторических анналах обнаруживаются достаточно сильные проявления российской идентичности (гораздо сильнее, чем этнические формулы и призывы) среди других, нерусских народов, даже среди населения Финляндии и Польши, не говоря уже о Поволжье и Кавказе. Выходцы из кавказских народов (особенно грузины, армяне, кабардинцы, осетины) составляли одну из основ высшего военного сословия, научной элиты и государственных служащих дореволюционной России. Выполненное недавно исследование о роли чеченцев в истории и политике России показало, что со второй половины XIX в. представители северокавказских народов мощно и активно стали входить в национальную элиту России и считали себя прежде всего верными подданными российского императора и Отечества².

При этом следует помнить, что в то время сами по себе слова «русский» (в широком смысле, а не как великороссы) и «российский» были взаимозаменяемыми. Для понимания различий между государственным и этническим смыслами необходимо анализировать контекст, в ко-

¹ См.: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. — М.: Европа, 2007. — С. 349.

² См.: Чеченцы в истории, культуре и политике России / Под ред. Х. В. Туркаева. — М.: Наука, 2008.

тором они употреблялись. Поэтому для того времени легитимными были такие понятия, как «русская Польша», не говоря уже об Украине и Белоруссии, которые считались русскими регионами, как и их население, большинство которого составляло православное крестьянство, всегда считавшееся русским.

Украинцы и белорусы воспринимались общественным мнением и чиновниками как часть большой русской нации. Как отмечает автор исследования по проблеме восприятия белорусов в России того времени, «мысль о существовании особой белорусской культуры и языка, не говоря уж о национальности, редко возникала, а если и рассматривалась, то обычно лишь для того, чтобы сразу ее отвергнуть, — в этом видели лишь способ, с помощью которого поляки намереваются ополячить местных «русских»¹.

Немецкий историк А. Рейнер рассмотрел проблему национализма в России в XIX в. на основе взгляда на национализм именно как на систему интерпретаций, а на нацию — как на «живую легенду». В итоге он пришел к такому выводу: «Русская государственная мысль образует в содержательном плане оппозицию этническим, в узком смысле слова русским, критериям «нации». Она примыкает, с одной стороны, к государственному патриотизму самодержавия. С другой стороны, прослеживается ее связь, как и в других странах, с XVIII веком, с обозначившимися в ту пору требованиями к современному национальному государству. Из этих отношений возникло нечто новое, российский национализм, который, точно так же как его предшественник, русский национализм, исходил не от царской монархии, а от передовой части постепенно формирующегося общества»².

В целом можно сделать вывод, что накануне революции 1917 г. Российское государство представляло собой полумодернизированную империю, в которой «режим через линию от Уварова до Победоносцева открыл для себя «народность», но не возвысился до официального госу-

¹ Виск Т. Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия. 1863—1914 // Российская империя в зарубежной историографии. — С. 604.

² Рейнер А. Указ. соч. — С. 438—439.

дарственного национализма»¹. Тем не менее в стране сложилось представление об общности судьбы и веры, и это представление создавало реальную общность, объединявшую образованную (служилую и интеллектуальную) часть населения, для которой слово «Россия» означало гораздо больше, чем название страны. *Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации.*

Историческая драма состояла в том, что правящий центр оказался слабым. Верх одержали силы радикального передела и социальной революции, которые взяли в союзники быстро народившиеся периферийные национализмы этносепаратистского характера. Мы не анализируем причины краха империи и прихода к власти большевиков.

Однако представляется важным замечание В. Л. Глязичева в его предисловии к русскому изданию книги Д. Ливена: «Прочность империи в первую очередь зависит от ее отношений с национальным ядром, с большинством населения. Как только элита этого ядра начинает ценить свой этнический национализм выше, чем широкий имперский патриотизм, стабильность империи оказывается под угрозой. Прочность империи во вторую очередь зависит от ее отношений с вовлеченными в ее пределы этносами... Российская империя в этом отношении отличалась совершенно поразительной непоследовательностью. С одной стороны, складывалась российская культурная общность, охватившая сначала элиты, а затем и различные слои почти всех этнических групп, и русский язык вполне естественным образом становился «языком» империи. С другой — сохранялась пестрота укладов, оберегалось лидерство этнических элит в этнических общностях Кавказа и Средней Азии. С третьей — все в те же 60-е годы XIX века началась бессмысленная и, как показало время, безнадёжная борьба с малороссийским языком и культурным движением, с культурным самоопределением народов Поволжья. Нетерпение и опасения перед ростом национализмов привели к роковой ошибке — попытке превратить если не всю империю, то большую ее часть в русское национальное государство»².

¹ Реннер А. Указ. соч. — С. 463.

² Ливен Д. Указ. соч. — С. 5—6.

И все же нельзя игнорировать то обстоятельство, что попытки «сделать национальное государство» в его внеэтнической форме в России не прекращались вплоть до октября 1917 г. Собственно говоря, и монархия пала по той причине, что, по словам Мориса Палеолога, «недовольство самодержавием в образованном обществе было всеобщим, и все хотели совершить *национальную революцию* (курсив наш. — В. Т.)»¹.

Характерен пример с российским гимном. После отречения Николая II Временное правительство решало этот вопрос с привлечением поэтов и музыкантов, и с самого начала речь шла именно о национальном гимне, в котором отразились бы некоторые ключевые компоненты национальной идентичности. В. Я. Брюсов высказался по поводу этого задания так: «...национальный гимн есть патриотическая песнь, выражающая дух народа, его заветные убеждения, его основные устремления». Неразрывны с музыкой должны быть слова, но «дух народа» легко воплотить в словах, когда речь идет о «единообразном населении». Россия же — страна многонациональная, поэтому ее гимн вряд ли может быть лишь «великорусским», и, напротив, должен объединять все ее народы. Пафосность одной религии — православия — также не сыграет объединяющей роли. Брюсов предлагает следующие идеи и образы, которые могут затронуть чувства любящих Россию людей: необозримые просторы нашего Отечества, героические подвиги предков, военная слава Российской державы, а также братство народов России, их содружество и труд на общее благо².

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. — М., 1991. — С. 195.

² См.: Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. — М.: Языки славянских культур, 2006. — С. 370. Эти идеи Брюсова спустя четверть века были использованы творцами гимна СССР. История гимна драматична, но, принятый в подправленном советском варианте при президенте В. В. Путине, он составляет вместе с гербом и флагом триединство символов государственной власти. И здесь есть некоторая историческая преемственность главных эпох государства, что очень важно. Гербовой эмблемой является символическое обозначение единства страны 500-летней давности, трехполосный флаг относится к петровскому времени вступления в число мировых морских держав, музыке гимна Советского Союза около 70 лет.

К сожалению, такой гимн не был создан. Временное правительство находилось у власти недолго. Большевики в этом вопросе от «Боже, Царя храни» сразу перескочили к «Интернационалу», сдав гражданское нацистроительство в пользу лозунга этнонационального самоопределения. По крайней мере так было на декларативном уровне и на самом первом этапе советской власти.

Схожий процесс поражения недостаточно сильного гражданского национализма от периферийных этнонационализмов имел место спустя столетие, когда распался СССР. Современные исследователи сходятся в том, что националистические движения оказали существенное влияние на развал царской империи и Советского Союза. «Но это явилось все-таки только вторым шагом после того, как правящий центр развалился или был существенно ослаблен изнутри. События в центре, Февральская и Октябрьская революции, горбачевская перестройка и августовский путч 1991 г., а не возмущение наций стали толчком к дезинтеграции обеих многонациональных империй»¹, — заключает А. Каппелер. Вывод о том, что не этнический фактор был первопричиной кризиса обеих государственных систем, сделан рядом других специалистов в данной области, и этот вывод представляется наиболее точным.

ГЛАВА 9

Обворованная российская история

Методологическому исследованию национализма в период поздней империи Романовых посвящена книга А. И. Миллера². В ней содержатся наблюдения и выводы, которые во многом совпадают с нашими, но есть рас-

¹ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. — С. 397.

² См.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. — М.: Новое литературное обозрение, 2006.

хождения в методологической последовательности и в традиции словоупотребления. Основное расхождение состоит в том, что А. И. Миллер не отважился сделать решающий шаг в рамках разделяемого им понимания дискурсивной (а не позитивистско-социологической) природы нации и национализма. А именно — более определенно признать существование в России представления об общности по государству (т. е. представления о гражданской нации), как бы эта общность ни называлась на разных этапах истории: «российский народ» и «россияне» — при Петре I, Екатерине II и Александре I; «большая русская нация» и «российская нация» — при Николае II; «многонародная нация» или «советский народ» — при советской власти; «многонациональный народ», «российский народ», «россияне» и «российская нация» — при Б. Н. Ельцине, В. В. Путине и Д. А. Медведеве.

В этом направлении историк сделал важные шаги, признавая вместе с некоторыми зарубежными специалистами, что империя Романовых в XIX — начале XX в. в лице значительной части элиты, в том числе и периферийной, содержала в общественно-политическом сознании представление о *единой большой нации* и что помимо символического единения вокруг правящей династии имели место *общероссийская идентичность* и лояльность государству. «Россия была национализирующим государством», — делает важный вывод А. И. Миллер, ставя ее в один ряд с другими государствами, проходившими схожую историческую стадию «из империи в нацию» (Германия, Италия, Австро-Венгрия, Османская империя).

Следует признать, что этническая принадлежность стала важным фактором, дающим возможность определять лояльность населения и влиять на него в целях государственной консолидации и межгосударственного соперничества, только в эпоху Первой мировой войны (до войны официальная имперская статистика даже не пользовалась категорией этничности).

Как замечает А. И. Миллер, «в ходе войны империи — России, Австро-Венгрия, Германия, прежде сдержанно разыгравшие этническую карту в соперничестве друг с другом и

по-своему обреченные на солидарность из-за совместного участия в разделах Речи Посполитой, теперь в полную мощь использовали это оружие, которое оказалось обоюдоострым. Можно сказать, что взрывной рост национализма на западных окраинах во многом был следствием тягот тотальной войны вообще и новой политики империй в соперничестве друг с другом в частности». Не следует забывать, что «одной из главных целей войны для России было объединение русского народа, к которому, согласно общерусской идее, принадлежали и восточные славяне монархии Габсбургов»¹.

Эти положения выражали общественное мнение, что не только украинцы и белорусы, но и «русская Галичина», составляя единый мир, должны быть вместе. Общерусская идентичность была распространена не только среди петербургских военных, региональных администраторов и части интеллектуалов, но и в массе населения. Наше расхождение с А. И. Миллером в том, что он не может признать образ-представление о российском народе и распространенное российское самосознание как реальность политической, гражданской нации, которую все так долго ищут и не могут обнаружить. На самом деле никакой другой реальности у данной субстанции быть не может. А это означает также, что само *Российское государство, каким бы оно ни было по устройству — монархией-империей, союзом республик, страной советов или республикой-федерацией, — может квалифицироваться как национальное государство.*

Вопрос только в том, с какого времени можно говорить о «национальной России». Когда появились сами слова о народе как о субъекте истории и родился «национальный дискурс», т. е. российский национализм, или когда «сформировалась нация» (единый язык, культура и самосознание)? Если за отсчет брать первое, тогда у нас есть ответ: это время начинается с М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина и Александра I. Если за отсчет брать второе, тогда следует признать, что подобного периода в истории России не было и быть не может, ибо пока еще нигде и никогда

¹ Миллер А. И. Указ. соч. — С. 172—173, 175.

одной этнической группе не удавалось стать исключительным владельцем национального государства, даже если она себя таковым провозглашает.

В современной науке признается, что никакой шкалы политологических или социологических показателей, различающих «ненациональное», «многонациональное», «национализирующееся» и «национальное государство», не существует. Имеются степень и распространенность убеждений среди элитных слоев общества, включая прежде всего политический класс, а также установка исследователей: находить в истории культурную сложность и выдавать ее за несовместимые архетипы или, наоборот, не абсолютизировать ее и видеть «негомогенное целое», говоря словами М. М. Бахтина, и это целое называть «многонародной нацией», употребляя выражение Ильина и Трубецкого.

К сожалению, до сих пор никто из историков такого вывода в отношении России не сделал по ряду причин. Одна из них — это слабая разработка и «плоское» понимание феномена национализма в отечественной историографии. Другая причина заключается в антиимпериалистической позиции исследователей истории России. Наконец, среди ученых доминирует позитивистское видение истории и социологический реализм, которые требуют набора объективных признаков для признания нации и национального государства. Даже если в реальности такое нормативное государство не было установлено, а за норму выдается политический миф и основанная на нем убежденность, какое государство есть государство национальное.

Возьмем, например, Мексику, национальная природа которой с момента сапатистской революции начала XX в. никем не оспаривается. Но спрашивается: когда в этой стране произошла «интеграция всех этносов в единую нацию» (историческое требование, сформулированное Б. Н. Мироновым в отношении России)? Этого не произошло и поныне, ибо, например, половина населения штата Чиapas до сих пор говорит не на испанском языке, а на индейских языках, и некоторые регионы страны центральным правительством не контролируются. Президент Боливии Эво Моралес остается членом «своего этноса» — индейцем-кечуа, но это не мешает ему быть лиде-

ром боливийской нации. И такова ситуация во многих национальных государствах.

Неужели ожидаемая некоторыми специалистами от России «национальная интеграция» произошла на каком-то историческом этапе в Великобритании или в Испании, которые уже давно зачислены в национальные государства, но только с непонятными для этих же самых специалистов нациями? Неужели все баски, каталонцы, галисийцы в какой-то исторический период перестали быть ими и стали вместе с кастильцами испанцами, чтобы ревнителю «интеграции всех этносов в единую нацию» могли признать испанскую нацию? Не было такого никогда в истории! Тем не менее испанская нация существует со своей славной историей и культурными героями. Тогда почему мы отказываем в существовании российской нации, слава и культура которой потрясали Европу не только в XIX в.? И на сегодняшний день половина имен в репертуарах европейских театров оперы и балета и концертных залов — это русские имена. Получается, что русские имена (в смысле имена выходцев из России) есть, а российской национальной культуры нет, потому что не было и нет такой нации? Это абсурдная позиция.

История России чаще всего предстает в обворованном виде по той причине, что «национальные историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь, концентрируются на собственной нации и сравнительно недавно обретенном государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя — лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставился просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной»¹.

А. И. Миллер справедливо обращает внимание на огромное разнообразие смешанных и переходных культурных форм в стране, коллективную и индивидуальную политику ситуативности в вопросах этничности и религии, меняющиеся смыслы фундаментальных понятий территории, нации,

¹ Миллер А. И. Указ. соч. — С. 6—7.

русскости и российскойскости, сложность и многослойность исторического действия под влиянием внутренних и внешних факторов. Но он не замечает и не исследует российскую общность, сводя ее к варианту русского этнонационализма как зеркального отражения национализма нерусских народов. Но не был ли русский национализм во многих своих проявлениях национализмом российским, внеэтническим, каким был, например, примерно в ту же самую эпоху зарождающийся индийский национализм (не путать с национализмом господствующей этнорелигиозной общности хинди!)? Грани внутри двух сходных пар национализма проследить не просто, но они есть, и они имеют принципиальное значение. Мысль исследователей начинает работать в этом направлении.

Применительно к позднеимперскому периоду Миллер делает вывод, что «пространство империи становилось ареной соревнования националистических движений», хотя «взаимодействие национальных движений и соперничество их проектов не имели какого-то заранее предопределенного исхода»¹ прежде всего потому, что вплоть до Первой мировой войны периферийные национализмы носили маргинальный характер. Их неожиданный триумф был вызван кризисом центральной власти и намеренной поддержкой со стороны революционистских партий, одна из которых в конечном итоге захватила власть в России.

К категории этнических национализмов Миллер относит и русский национализм, хотя признает его неоднозначный и подвижный характер и сложную динамику взаимоотношений русского национализма и империи: «империя Романовых не только использовала националистический ресурс, но и упорно сопротивлялась «национализации» в течение большей части XIX века. Русский национализм в различных его версиях мог выступать союзником самодержавия и его противником»².

И здесь важно отметить, что, называя одним и тем же словом «русский национализм» его этнический (великорусский) и российский (общерусский) варианты, мы выносим за пределы анализа два разных явления, существо-

¹ Миллер А. И. Указ. соч. — С. 9.

² Там же. — С. 10.

вавшие в России. Мы не выделяем более четко то, что следовало бы называть *российским национализмом*, или то, что А. И. Миллер и другие называют «широким русским национализмом» или общерусской идеей. В те времена подобная языковая амбивалентность была допустима, но современные аналитики должны видеть это различие, чтобы предлагать варианты национальной стратегии именно для России, а не исключительно для русских. Иначе получается, что само понятие «национальная стратегия» есть, а какой нации эта стратегия — непонятно: если русской — этого как бы недостаточно, а если российской — таковой как бы не существует.

Подводя итоги дореволюционного периода, приведем определение империи, данное отечественным исследователем Г. П. Федотовым: «...нельзя сказать, что Империя есть государство, вышедшее за национальные границы, потому что национальное государство (если связать национальность с языком) явление довольно редкое в истории. Может быть, правильное определение было бы: Империя — это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма»¹. Но тогда нет еще одной дилеммы — «империя или национальное государство», ибо обе субстанции могут сосуществовать не как жесткие социологические реальности, а как формы общественного самосознания.

ГЛАВА 10

«Советский» вместо «российский»

Когда речь заходит о советском периоде отечественной истории, то здесь расхождения в оценках становятся еще более резкими, а ситуация с понятиями *народ*—*нация*—*государство* еще более неясной. Существует своего рода

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. — СПб.: София, 1991. — Т. 1. — С. 128; Т. 2. — С. 305.

историософский уровень оценки эволюции России как цивилизационно-культурной целостности. Здесь многие авторы из числа философов и историков склонны видеть в большевистской диктатуре и в тирании сталинизма радикальный разрыв с некогда существовавшей петровско-пушкинской европейской имперскостью, а тем более с предреволюционной Россией, где реакция сосуществовала с либеральным национализмом.

Однако в данной трактовке есть некоторые различия. Как считают отдельные авторы, эту российскую европейскость уже почти разрушила николаевская реакция, а окончательно ее добились большевики.

Так, например, В. К. Кантор пишет: «Петровско-пушкинская цивилизация была снесена волной стихии, антиевропейской и антихристианской по своей глубинной сути. Парадокс заключался в том, что разбудившая и будоражившая эту стихию интеллигенция не понимала исторического смысла своих усилий: полагая обогнать Запад, большевики обрушили Россию и еще не закрывшуюся черную дыру первого сбоя России на пути к цивилизации — в бездну бесправной жизни, восстановив принципы монгольской тирании. Не случайно в первые же годы большевизма родилось евразийство, утверждавшее, что России заказан европейский тип жизни и цивилизации, что ее судьба — пространство, а не история»¹.

С точки зрения этнографического метода и с точки зрения более приземленной науки социально-культурной антропологии такие категории, как *цивилизация*, *исторический смысл*, *стихия*, *бездна* или *судьба*, не являются категориями научного анализа. Полезнее взглянуть на Россию пусть не сугубо фактологически, но все же более рационалистично. Действительно, не только страна с ее территорией и политическим строем, но и ситуация с периферийными национализмами и с общенациональной идентичностью существенно поменялись после Октября 1917 г. Война, новая власть и ее идеология, внутригражданские коллизии, дезинтеграция и экономическая разру-

¹ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». — С. 8.

ха стояли у истоков нового государственного образования, появившегося на теле старой России.

Большевики столкнулись с двумя противоречивыми вызовами и с двумя разными подходами к проблемам, связанным со сложным этническим и религиозным составом населения страны, взаимоотношениями центра и периферии. Один подход основывался на своего рода этнофилии, т. е. на признании, поддержке и развитии партикулярных культур и языков нерусских народов, а также на оформлении автономного статуса территорий их преимущественного проживания. Другой подход имел государственно-централизованный, централизаторский и модернизационный характер. Централизаторы стремились к вовлечению всего населения и всех территорий в общий процесс революционных преобразований, а самих представителей российских национальностей (национальных меньшинств) в единый с основным населением России процесс европеизации (или модернизации).

Захват власти в октябре 1917 г. поставил большевиков перед необходимостью выполнить обещания в сфере устранения дискриминации, обеспечения равноправия, развития культуры и образования для «ранее отсталых» и «ранее угнетаемых» наций и народностей. Но перед советской властью стояли не менее актуальные задачи: обеспечение жизнедеятельности населения, сохранение целостности страны, обеспечение управляемости, правопорядка и безопасности граждан.

Напомним, что согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране проживало более сотни крупных, средних и малых по численности этнических общностей. При этом сами понятия «народы» и «национальности» как категории учета населения в Российской империи отсутствовали. Жителей страны во время переписи спрашивали о родном языке и о религиозной принадлежности. Именно по ним уже позднейшие интерпретаторы вычисляли этнический состав, т. е. число и численность народов. Эта методика имеет ряд изъянов. Один из них заключается в том, что перешедшие на русский язык представители многих нерусских национальностей могли оказаться зачисленными в категорию русских (великороссов).

Так, например, случилось с московскими татарами — старожильческим населением города. У некоторых современных авторов численность татар в столице в дореволюционное время оказывается явно заниженной.

В начале XX в. россияне разной этнической принадлежности, особенно деловые люди, чиновники, интеллигенция, военные, имели общероссийские интересы, были связаны общностью исторических судеб в рамках Российской империи и имели общее российское самосознание. Но в то же самое время они принадлежали к разным религиозным, языковым и регионально-территориальным сообществам (точнее — культурам и традициям). Сильно различался и характер общественного развития. Под последним обычно понимаются уровень модернизации (например, различия между европеизированными горожанами и кочевыми сообществами сибирских аборигенов) и принадлежность населения к большим религиозным системам (христианско-православной и мусульманской).

Дореволюционная Россия была одной из самых многоэтнических стран того времени (более многоэтничные Индия и Индонезия в начале XX в. еще не были самостоятельными государствами), но в России этничность не была институционализована, т. е. она не признавалась как основа для определения группы и ее статуса, а само государство не было организовано по этнотерриториальному принципу. Этничность была на заднем плане в иерархии идентичностей, и большинство жителей страны до 1920-х гг. даже не знали, что означает само слово «национальность». Что касается личностной и групповой самоидентификации (кем они себя считали), то в этой сфере имелся конгломерат подвижных названий и самоназваний, включавший религиозные, языковые, этнические, регионально-местнические и даже династические отсылки. Правда, далеко не все из арсенала этнических категорий и понятий было сконструировано в советское время. Местные самоназвания, в том числе и названия аборигенных групп населения, еще в дореволюционной России могли служить основой не только для топонимики, но и для названий российских регионов и губерний.

Ныне известные нам этнические категории представляются очень давними, врожденными и неизменными, но это не так. Например, в дореволюционные времена к грузинам не относили мингрелов и сванов, а в основном картлийцев (собственно грузин, если так можно выразиться). Татарами в России называли всех представителей тюркских народов, включая азербайджанцев и ногайцев. Казахов называли киргизами, а киргизов — каракиргизами. Были туркменские племена, включая самое многочисленное — йомудов, но не было общего понятия *туркмены* как народа. Не было узбеков и таджиков, как мы их стали понимать в итоге советского нациестроительства, а тем более — как их понимают сейчас в новых национальных государствах. Зато были *туркестанцы*, *сарты*, *ташкентцы*, *ферганцы* и многие другие. Сартами называли чаще всего любое оседлое население Средней Азии.

Грандиозная задача определить (в смысле не только выявить, но и классифицировать) «племенной состав населения» была поставлена властью несколько позднее, и для этой цели была создана Комиссия по изучению племенного состава населения (КИПС) с решающей в ней ролью этнографов и географов. К первой советской переписи населения 1926 г. и в ходе нее эта задача была во многом решена. Именно тогда страна обрела наиболее полную номенклатуру народов России общим числом примерно 126 народов и народностей. Именно тогда, и никак не ранее, появился своего рода списочный состав этнических идентичностей как «список народов», который обрел почти официальный характер.

Советская этническая политика (вслед за категорией «национальный вопрос» она называлась «национальной политикой») носила модернизационный и антиколониальный характер, она представляла собой радикальный разрыв с политикой империи Романовых. Принципы организации СССР были иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени. Но при этом, как считает американский историк Терри Мартин, политика спонсирования этничности при жестком централизаторском контроле в конечном итоге была направлена

на утверждение СССР как национального государства¹. Это, казалось бы, неожиданный вывод, но он имеет под собой основания.

В СССР действительно был осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия (affirmative action), т. е. политики институционализации (огосударствления) этнических меньшинств и поддержки их культур, поощрения этнонационализма, за исключением национализма «господствующей нации», под которым имелся в виду «великорусский шовинизм». Такая политика получила довольно точное название политики *национализации*, т. е. формирования социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т. п. Причем это было не просто утверждение представлений, т. е. ментальное конструирование или своего рода лингвистическая национализация, но и реальное формирование этнотерриториальных сообществ с солидной материальной базой: конституции, отдельные органы власти, столичные города и промышленные центры, хозяйственные комплексы, образовательные институты, театры, печатное дело.

Однако начало всему этому было положено лозунгами, речами, текстами декретов, научными разработками и политико-идеологическими дискуссиями. Далеко не всем и не на всех этапах было ясно, какова основа государства (помимо формулы «диктатура пролетариата») и какова политика власти в отношении периферии и меньшинств. Как должны были соединяться пролетарский интернационализм и диктатура пролетариата с лозунгами и установками новой власти о равноправии народов и их национальном самоопределении и т. п.?

* * *

Принятая в самые первые дни октябрьского переворота «Декларация прав народов России» уже своим названием и содержанием утверждала ставшую наиболее живу-

¹ См.: Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // Ab Imperio. — 2002. — № 2. — С. 91—105.

чей категорию «народы России». Именно эти субъекты истории должны были быть «освобождены и раскрепощены» «решительно и бесповоротно». Все четыре пункта декларации заключали в себе новаторские формулировки и революционное содержание: равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена национальных и национально-религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп России.

До этого ни одна высшая государственная власть не отваживалась столь решительно сдавать полномочия центра и отказываться от представления о целостности страны не только как территории, но и как территориально-го сообщества людей. Сам термин «народ» применительно к стране начал как-то затупевываться, стали говорить: «трудящийся народ», «низы» и даже «наинизшие низы», которые В. И. Ленин считал необходимым «поднять к историческому творчеству»¹. Понятие нации в «Декларации прав народов России» не использовалось, но содержались понятия «самоопределения народов» для создания «национальных государств» (читай — этнических). Национальные ограничения мыслились как этническая дискриминация, а термин «национальные меньшинства» применительно к этническим сообществам вообще был одним из новаторских для того времени понятий. В официальном языке он использовался только в документах международной социал-демократии и в 14 пунктах президента США В. Вильсона времен Первой мировой войны. Неожиданным и свежим было понятие «этнографические группы». В дальнейшем эта категория в советском политическом языке фактически не употреблялась. Она возродилась только в поздней «советской теории этноса» с довольно смутной дефиницией.

В советской этнической политике имелись две тенденции. Согласно первой учитывалась сложная этническая структура населения, интересы этногрупп и их элит, искались подходы к федерализации государства и его аппарата. Согласно второй искались механизмы концентрации

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 35. — С. 189.

в центре функций контроля и унификации культурной сферы для реализации стратегических целей новой власти. В каждой из этих тенденций был большой запал конфликтостности, усиливающий нестабильность в стране и неуверенное положение власти. В конечном итоге все определяла основанная на силе и пропаганде политическая импровизация и соотношение сил участников политической и вооруженной борьбы.

Известно, что федерализм не пользовался успехом у В. И. Ленина. Но к весне 1919 г. противоборство в Гражданской войне достигло такого накала, что вопрос о том, на чью сторону встанут политически организованные представители нерусских народов, их элиты, стал важнейшим не только для определения узловых моментов национально-культурной политики, но и для сохранения власти большевиков в целом. Именно в этот исторический момент Ленин увидел в лозунге самоопределения наций спасение большевистской власти. Федерация автономных национальных республик виделась теперь Ленину реальным шансом спасения режима. Ее же можно было противопоставить бюрократическому централизму, корни которого в советских структурах власти уже дали свои побеги.

На заседании национальной секции VIII съезда РКП(б) лидер большевиков выступил против защитников централизаторской линии в ЦК. Ленин обратил внимание на башкир, получивших весной 1919 г. автономию в обмен на помощь в борьбе с Колчаком. Он же подчеркнул необходимость дать автономию и другим народам. «Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение», — настаивал Н. И. Бухарин. «Это смешно... не признавать того, что есть, нельзя: оно само заставит себя признать», — парировал В. И. Ленин. Теперь он назвал прежнюю свою формулу «принципиально неприемлемой». Ленин осудил и позицию Наркомпроса, отметив: «У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 183—184.

Ленин сумел добиться на съезде того, что вторая программа РКП(б) закрепила признание федерации как типа советского государства. Своеобразным федеративным договором стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. о военно-хозяйственном союзе РСФСР, Украины, Литвы, Латвии и Белоруссии. В решениях VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г. вновь было сказано о праве наций на самоопределение. Ленин доказывал, что образование национальных государств не противоречит принципу федерализации страны. Но во главе угла должен был сохраняться приоритет классовых интересов над национальными (имелись в виду этнические интересы).

В первое десятилетие советская этническая политика носила эклектичный и импровизационный характер. Исторически существовавшие разнородные религиозные и этнокультурные системы, опиравшиеся на традицию и на повседневный контекст, соперничали с собственно большевистской, абстрактной доктриной самоопределения и с эсхатологической настроенностью на мировую революцию. В эти годы содержание национально-культурной политики во многом зависело от соотношения основных действующих лиц и сил в данной сфере, от идеологических установок и от реализующих эту политику организационно-правовых механизмов. Центром столкновения стали два ведомства — Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) и Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос).

Первый в большей степени представлял программы периферийных этнонационалистов, которые предполагали наделение государственным статусом своих народов. Требования эти были зачастую громкими и настойчивыми (как в телеграмме Н. Нариманова из Баку в Москву: «Не будет Карабах азербайджанским, не будем отгружать керосин»). Но при этом нет оснований считать, что в то историческое время *в массовом сознании народов России четко оформились идеи политико-государственного самоопределения.*

Этноэлиты прежде всего стремились упрочить собственную власть на территории преимущественного проживания соплеменников, и они принимали участие в

Гражданской войне на той или другой стороне с учетом собственных интересов и почти никогда не были едины. Стремление к собственной легитимации составляло суть конфликта между всеми субъектами борьбы за власть. Проблема осложнялась неустойчивым положением большевистского центра, дискуссиями по основам государственного устройства. Большевики, изначально противники федерализации России, теоретически признавали право наций на самоопределение, но увязывали его с идеологией интернационализма, развертыванием мировой революции на Западе.

В целом большевики признали целесообразность федеративного устройства Российской советской республики. III Всероссийский съезд советов в январе 1918 г. принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Классовая доктрина доминировала в определении формы правления «свободного союза свободных наций» как федерации советских национальных республик¹. Привлекательный лозунг права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства расширял социальную базу большевиков. Другое дело, что этот же самый лозунг обладал не только мобилизующей, но и потенциально разрушительной для Российского государства силой, поощряя сепаратистские взгляды и проекты. Декларации большевиков почти всегда имели двойственное содержание. Их первые декреты преследовали агитационно-пропагандистские цели.

С осени 1917 г. шла острая борьба центробежных и центростремительных сил. Она отразилась на содержании этнической политики и на ее организационно-правовых основах. Отсутствие единого мнения, нестабильность и неясность государственных границ, трудность состыковки реальной этнокультурной ситуации с умозрачительным идеалом нового общества, низкая политическая культура, диктаторские методы руководства дополнялись и умножались соперничеством центральных ведомств. Прикрываясь остротой гражданского противостояния, многие участники процесса использовали тяжелейшее положение страны в своих личных или корпоративных целях.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 35. — С. 223.

Как известно, на периферийных территориях в Прибалтике, Закавказье, на Северном Кавказе, Украине, в Белоруссии, Средней Азии, Сибири были созданы государственные образования с собственными структурами управления. К августу 1918 г. насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств. Но все самопровозглашенные этнотерриториальные структуры не имели реальной власти, эти образования не были устойчивы. Большевики добивались раскола этнических элит, выделяя левацки настроенных активистов. Их лидеры, примыкая к побеждающей стороне, стремились добиться уступок. В ходе переговоров налицо был прагматизм сторон, хитрость и осторожность, готовность идти на уступки, лишь бы получить право на официальное признание. Играло свою роль в пользу большевиков и «высокомерие белого движения, по сути, ничем не отличающееся от грубости рабоче-крестьянского правительства»¹. В конечном итоге большевики ставили условием признания этнонациональных автономий лояльность своей власти, и эта тактика принесла им успех.

* * *

К моменту революции 1917 г. наименее интегрированным в российское социально-культурное пространство было население Средней Азии. Там существовали, помимо Туркестанского края, два феодальных образования — Бухарский эмират и Хивинское канатово (Хорезм), в социальной жизни которых доминировали ислам и местные общинные традиции. Русское или «европейское» присутствие было главным образом в городах, где рабочие и служащие состояли из пришлого населения. Но в Средней Азии и Казахстане уже была многочисленная прослойка сельских поселенцев-аграриев, которые переехали сюда из европейских районов России. Многие из них являлись вполне успешными фермерами или владельцами земельных угодий. Их отношение к советской власти было далеко не всегда позитивным.

¹ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. — М., 1994. — С. 36.

Однако борьба за ресурсы и угроза голода вызывали самые острые конфликтные ситуации на фоне революционной риторики о «национальном освобождении» и равноправии. Местные декханы отбирали землю не только у баев, но и у русских поселенцев. Русские и украинские жители края выбирали или переезд в центральные и более безопасные для жизни области, или же «революционный захват власти» и «революцию наоборот», т. е. революцию меньшинства при наличии большинства местного мусульманского населения¹.

Первые годы советской власти были периодом ломки самосознания жителей этого сложного региона. Это происходило на фоне упорного сопротивления большевикам со стороны так называемого басмачества, а также в условиях позднейшего «национально-территориального размежевания» Средней Азии. До тех пор жители Средней Азии воспринимались в России как «мусульмане», а большевики добавили к этому определению слово «товарищи». В обращении Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в Фергане, созданной ТуркЦИК в феврале 1919 г., говорилось, что нельзя допускать «никакого насилия и обид к таким же товарищам, бедным мусульманам, как и мы, европейцы. Наоборот, должна быть оказана всесторонняя как материальная, так и нравственная поддержка мусульманину»². Само по себе выражение «как и мы, европейцы» говорило о многом. *Молодая советская власть не использовала этнические категории как в отношении среднеазиатцев, так и в отношении россиян в целом. Этнические конструкции в основе идеологии и практики государственности появились несколько позже.*

Весной 1920 г., когда в Фергане действовало около 30 тыс. басмачей и ситуация была особенно напряженной, за подписью М. В. Фрунзе было опубликовано воззвание «К мусульманскому населению Ферганской области»:

¹ См.: Буткина М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР: Пер. с итал. — М.: Звенья, 2007.

² Цит. по: Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. — М.: Наука, 1981. — С. 55.

«Товарищи мусульмане! К вам, жителям городов и аулов разоренной, залитой кровью Ферганы, обращаемся мы, представители Советской власти, с нашим словом... Вы должны прийти как один человек на помощь власти по искоренению басмачества... Скорее собирайтесь в дружную братскую семью под красным знаменем Советской власти»¹. Большевики сделали ставку на классовую солидарность и в этом выборе оказались в выигрыше. Одни из первых исследователи басмачества отмечают: «Большинство трудящихся коренных национальностей не пошло за басмачами. В этом крылась главная причина поражения басмачества, и это было одним из важнейших условий победы Советской власти над объединенными силами интервентов и внутренней контрреволюции в Средней Азии»².

В целом этот давний вывод историков сохраняет свою ценность. Однако ситуация в Туркестане отличалась тем, что социалистическая, революционная лексика использовалась часто для выражения совсем других целей и противоречий. Прежде всего это были далеко не всегда классовые конфликты, а противоречия регионально-этнических и клановых группировок. Риторика отмены привилегий скрывает гораздо более сложную логику конфликта. Революционный конфликт проникает извне. Его силовыми рычагами становятся группы, которые на фоне местного общества с трудом поддаются однозначной классификации в качестве категории «подавляемых», борющихся с «собственниками».

Для большевиков конструирование наций имело само-довлекющее значение. Это стало своего рода новой религией, тем более что, как только власть немного окрепла, началась беспощадная борьба с религией и религиозными институтами. В апреле 1926 г. ЦК ВКП(б) созвал первое совещание по антирелигиозной работе. Специальная резолюция о работе среди национальностей информировала местные власти о специфике антирелигиозной пропаганды среди верующих разных конфессий. В этой связи резолюция выделяла формы работы среди мусульман, «ламаис-

¹ Цит. по: Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч. — С. 70.

² Там же. — С. 186.

тов» и иудеев. Применительно к мусульманам подчеркивалось, что и шариат, и адат, и Коран «должны быть подвергнуты критике в равной мере», не расходясь, правда, «с возможностями советского строительства в данной области». Далее говорилось, что, «не отказываясь от критики Корана как источника «божественной мудрости», не следует, однако, сосредоточивать центр тяжести критики и антирелигиозной пропаганды на нем»¹. В целом линия формулировалась как борьба с «неправильными тенденциями»: первой, характеризуемой «соглашательским отношением к реформационным течениям в мусульманском духовенстве», и второй — «крикливым и голым муллоедством»².

Рекомендация, относящаяся к работе среди евреев, сводилась к распространению «политических и естественно-научных антирелигиозных знаний», которые послужат «хорошим средством» в «разрушении авторитета Торы, Талмуда и других сборников «житейской мудрости» раввината». Относительно работы в буддийской среде отмечалось, что ламские школы, «выпуская за последние годы прогрессивных и образованных лам, пытаются связать с буддизмом все последние достижения науки, выдавая их за свои». Рекомендовалось учесть это обстоятельство и вести «разоблачительную пропаганду»³.

Принципиально важным стало появление в документе нового мотива о том, что «духовенство в своей повседневной агитации закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий». Ставилась «новая задача»: «разъяснение различия между понятиями национальности и религии». К немного более позднему времени (январь—март 1929 г.) относится переписка слушателя Института красной профессуры В. Я. Касаткина с И. В. Сталиным. Касаткин просил Сталина уточнить «неясный пункт — это вопрос об определении понятия «нация». «Вы, — писал Касаткин, — не связываете вопроса о нации и государстве, делаете одно от другого *независимым*. Правильно ли это?»

¹ Кобецкий М. К 10-летию союза воинствующих безбожников // Революция и национальность. — 1935. — № 5. — С. 73.

² Там же.

³ Там же.

Сталин, повторив свою прежнюю формулировку понятия нации, указал, что «государство пролетарской диктатуры ведет... в отношении национальных культур политику поддержки и покровительства»¹. Какие-либо последовательно-программные установки в этой области, которые бы действительно соответствовали политической практике в ходе революции и Гражданской войны, установить, оказывается, очень трудно.

Наше прочтение революции 1917 г. в России и реконструкции исторического Российского государства в новой конфигурации и с новым режимом привело к выводам, которые можно предложить для дальнейшего обсуждения тем, кто специально занимается этим периодом отечественной истории, а также историческим феноменом кризисов и революций. Спонтанность, неопределенность и стохастика (непредвиденные последствия деятельности людей), возможно, были единственными закономерностями развития событий.

Профессор Венецианского университета Альберто Маэро в послесловии к книге Марко Буттино пишет по поводу таких оценок 1917 г., как «плебейская революция», или же тезиса «спонтанного большевизма», который развивался независимо от линии партии и ее врагов: «Тщательное наблюдение локального контекста позволяет сделать вывод, что происходившее не было ни «ленинской революцией», ни «революцией плебса». В действительности имели место отношения, с одной стороны, разнородных «власть имущих» и разных посредников и, с другой стороны, гражданского населения, которое оказалось жертвой, объектом, а не субъектом революции и, следовательно, не столько проживало свой исторический цикл с целью демократически получить контроль над собственным будущим, сколько претерпевало катаклизм, возникший извне и перевернувший условия жизни». Это также были «отношения между центром и деятелями новых местных властей, занятых поисками собственной легитимации и усилением своих позиций во взаимоотношениях

¹ Цит. по: Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения. 1905—1938 гг.: Сб. документов / Сост. В. А. Владыкина. Ч. 2. 1917—1938. — М.: ИНПО, 2002. — С. 167—172.

с новой властью в Кремле. Такая перспектива хорошо объясняет насильственный контекст Гражданской войны и, одновременно, характерные для нее неожиданные и изменчивые союзы».

Эта оценка применима ко всей обширной периферии страны, т. е. к большей части территории будущего СССР, «где государство возникало в процессе бесконечных смен власти и в контексте соперничества между вооруженными группировками, представляющими разные силы (белые генералы, автономистские движения, националистические в большей или меньшей степени, социалистические антибольшевистские республики, различные «партизанские» крестьянские движения и т. д.), как к западу от Москвы, в направлении Украины, так и в направлении Урала и Сибири»¹.

* * *

После Гражданской войны, помимо союзных и автономных республик, в стране были созданы тысячи так называемых национальных советов. К концу 1933 г. в стране функционировали 250 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов. Со временем они были упразднены в силу своей избыточности для обычного гражданского управления и осуществления политико-идеологического контроля, а также из-за невозможности сохранять желаемый этнодемографический профиль местных сообществ.

В целом СССР при внешних формулах «дружбы народов» и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой несомненную нацию, к сожалению, не признаваемую в данном смысле внутри страны и в значительной части внешнего мира. Т. Мартин назвал свое исследование истории советской национальной политики «Империя аффирмативных акций», т. е. «империя наоборот», ибо советский опыт спонсирования этничности и конструирования «социалистических наций» никак не может считаться колониальным. СССР был не тюрьмой народов, а колыбелью наций.

¹ Буттино М. Указ соч. — С. 441—442.

Именно этнический национализм при недостатке гражданского национализма (последний только частично компенсировался советским патриотизмом) послужил причиной распада страны по границам этнотерриториальных образований, которые в советском научном и политическом языке и назывались «национальными государствами». СССР был единственным в мире государством в том смысле, что он отважился на рискованный эксперимент отказа от использования столь мощной объединяющей категории, как «нация», передав ее в исключительное пользование проживающих в стране этнических групп.

Длительно существовавшие и достойнейшие категории «российский народ» и «россияне» ушли из политического лексикона после 1917 г. по той причине, что из названия государства ушли слова «Россия» и «Российская». В изданном недавно эпистолярном наследии философа Г. Г. Шпета есть датированное 1926 г. письмо его ученицы и друга Е. Н. Коншиной.

В письме содержатся важные рассуждения в связи со смертью Сергея Есенина: «Если не нужны в нашей стране ни Есенин, ни его поэзия, то ведь, пожалуй, потому, что самая страна перестает быть Россией, она становится, действительно, Союзом ССР. Что же тут страшного? Для меня — все. Я готова уважать этот Союз, я готова признать целый ряд его преимуществ, но я любила и люблю Россию, с ее надеждою объединения народностей, с ее надеждою психологическими. Я не знаю, может быть, Вам неясна моя мысль и мои чувства, может быть, все это химерично, но все равно, милый мой шеф, я прихожу к заключению, что переименование повлекло за собою перерождение (курсив наш. — В. Т.), что уже теперь не пустая случайность отсутствие слова «Россия». Это переименование неравносильно «Симбирск» — «Ульяновск» или еще какому-нибудь, т. е. простому изменению названия без затрагивания сущности. В замене «России» «Союзом ССР» громадное историческое явление. Пока оно только свершилось. Когда-нибудь свершится»¹.

¹ Письмо Е. Н. Коншиной к Г. Г. Шпету от 1—2 января 1926 г. // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. — М.: РОССПЭН, 2005. — С. 374.

Сравнивая исчезновение из истории «Рима» как понятия государственного и приход на его место «Италии», Е. Н. Коншина пишет: «Я не умею быть только гражданской С.С.С.Р. и только великоросской. Я как-то привыкла и Волгу, и Днепр любить. Кстати сказать, как называемся теперь мы — прежняя средняя часть России? Велико-россия? Такого официального слова нет, в противовес Украине или Белоруссии или Татарской Республике. Кто же мы? И вот, видите ли, смерть Есенина показалась мне точкой в констатировании исторического исчезновения России»¹.

Этот пронзительный документ эпохи подтверждает вывод, что в период советской власти российскость как категория и как смысловое начало оказалась просто забытой! Вместо того чтобы переживать, как интеллигенция в прошлом, об утрате слова «Россия», современные российские интеллектуалы, плохо знающие историю своей страны, наоборот, стали сторониться представления о российском народе как о гражданской, исторической и социально-культурной общности.

* * *

В СССР «национальный вопрос» был возведен в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отвело так называемой теории нации и национального вопроса того особого места, которое она заняла в советском обществоведении. Эта сфера теоретизирования была изъята из обычных гуманитарных предметов (истории, этнографии, социологии) и определена в комплексе «марксистско-ленинских дисциплин», куда входили диалектический и исторический материализм, политическая экономия и история КПСС, а также марксистско-ленинские этика и эстетика и теория национального вопроса. Во всех вузах существовали соответствующие кафедры, для которых в огромном количестве готовились специалисты преимущественно в Академии общественных наук и в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

¹ Письмо Е. Н. Коншиной к Г. Г. Шпету от 1—2 января 1926 г. // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. — С. 375.

В Библиотеке имени В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) под рубрикой «Национальная политика КПСС в...» (далее следовало название очередной пятилетки, республики или области) стоял целый каталожный шкаф с названиями книг, брошюр и авторефератов диссертаций. В стране была группа известных теоретиков, которые создавали не только фундаментальные сочинения на данную тему, но и разработки для очередных партийных съездов и документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчетных докладах и в программах партии и отражал определенную динамику государственностроительства. Ученые, в том числе и академические, с энтузиазмом комментировали решения и высказывания руководителей государства и КПСС по развитию национальных отношений, хотя зачастую сами были их авторами¹.

Советская теория официально отвергала национализм как «идеологию порабощения и превосходства одной нации над другой». Национализм мог быть только буржуазным и только со знаком «минус». Его нужно было искоренять, что и делалось начиная с 1920-х гг. Борьба с буржуазными националистами служила главным аргументом для репрессий в республиках, а также в отношении русского казачества и некоторых этнических меньшинств страны.

В то же самое время этнонационализм стал исключительной собственностью государства, правящей партии и доминантой социальной теории. Этничность не только спонсировалась, она всячески «национализировалась» (лингвистически и институционально): все хотели быть нациями и только нациями, а не народностями или нацменьшинствами. Последние понятия скоро ушли из академического и политического языка по причине жалоб и протестов субъектов этих категорий. Но при этом существенным шагом в сторону неназываемого вслух гражданского национализма были новые словосочетания — *советский народ, советский патриотизм, общесоветская культура*, не говоря уже о фундаментальных понятиях

¹ См., напр.: Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. — М.: Мысль, 1982; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС / Отв. ред. М. Н. Губогло. — М.: Наука, 1982.

«Отчизна» и «Родина», которые появились с первой страницы букваря.

Если называвшийся до революции российским народ стал теперь советским, в этом ничего трагического не было, хотя многими это переживалось драматически. Случаев переименования стран и живущих в них народов история знает немало, в том числе вполне успешных. В советском варианте сомнительной была излишняя идеологизированность в отторжении российскости по причине ее «царистской» сути. Российское (как в ряде случаев и русское) почти повсеместно стало переименовываться в советское. Научно несостоятельным было сформулированное брежневскими идеологами определение советского народа еще и как «нового типа исторической общности людей». Ничего типологически нового в этой историко-культурной и социально-политической *общности по государству* не было, кроме исходящих от правящего режима жестоких деформаций самой социальной жизни.

При этом следует отметить, что советский народ усилиями элиты и своим массовым творчеством создал много нового в самом арсенале национальной (привычнее сказать — «общесоветской») идентичности. Чего стоила только одна историческая мифология и культурная тема революции и Гражданской войны, а затем тема социалистического строительства и Великой Отечественной войны. Причем это была не только тема для сочинений, но и часть реальной жизни, особенно в форме регулярного и искреннего чествования «тех, кто видел Ленина» или ветеранов войны.

Многие из нас хорошо помнят арсенал советской идентичности, того, что наполняло советское самосознание. Многие видевшие или не видевшие советские времена даже ностальгируют по ним. Правда, в основном ностальгируют по той неудовлетворенности и по тем протестным формам, которые эта общесоветская идентичность вызывала. Это хорошо прослеживается, например, в фильме В. Тодоровского «Стиляги», а также во многих литературных произведениях. Однако в нынешних дебатах о стилягах или хиппи не следует забывать, что речь идет о небольшом срезе городской молодежи хрущевского и

брежневского периодов. У провинциального населения, включая и молодежь, были другие содержательные моменты повседневной жизни. Не будем их анализировать, но повседневность и советскость шли рядом.

Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общие для всех пережитые драмы и достижения, но именовать его типологически невиданной в истории «интернациональной общностью» — псевдоакадемическая глупость. На самом деле советский народ был более чем осязаемой реальностью. Более того, существовал советский гражданский национализм без самого слова «нация», причем в выраженной форме и во многих сферах. Советский национализм проявлялся прежде всего в социальной однородности и в солидарности многоэтничного населения, в широком распространении и использовании русского языка, в территориальной привязанности граждан страны к большой и малой родине. Национальная идентичность проявлялась в форме советского патриотизма, массовых культурно-спортивных манифестаций, в литературном, кинематографическом и театральном процессах и во многих других сферах и формах культурной жизни народа-нации.

ГЛАВА 11

«Российский» вместо «советский»

Распад СССР произошел под лозунгом возрождения России. Наряду с исторической здесь была причина и чисто политическая: под этим лозунгом радикально-демократическая оппозиция противостояла власти КПСС и советского центра. Под лозунгом «Россия!» Б. Н. Ельцин сместил М. С. Горбачева. Этот лозунг наряду с аналогичными («Грузия!», «Латвия!» и т. п.) послужил распаду СССР, ибо в данном случае под Россией понималась тер-

ритория РСФСР — основная часть исторического Российского государства, которая вдруг решила отделиться от себя самой.

Произнесенное президентом Ельциным с особой интонацией слово «россияне» вызывало отторжение у разных категорий экспертного и политического сообщества: и у тех, кто был не согласен с распадом СССР, и у тех, кто хотел, чтобы Россия продолжала распадаться и дальше. На протяжении 1990-х гг. выражались сомнения по поводу современной России как состоявшегося государства и тем более по поводу российского народа и россиян, которые воспринимались как нечто искусственно сконструированное и реально не существующее. В частности, в адрес автора как директора Института этнологии и антропологии приходили запросы от лидеров ЛДПР В. В. Жириновского и А. В. Митрофанова с просьбой дать заключение: на каком основании появился и используется термин «россияне», который никакой народ не представляет и является своего рода эвфемизмом.

Чем было вызвано столь явное отторжение российскости? Во-первых, доктринальной инерцией и инерцией словоупотребления советской эпохи, в которую выучились современные ученые и политики. Во-вторых, политико-идеологическими соображениями в пользу более привычного варианта национализма — этнического, кто бы его ни представлял: русские, татары или чеченцы. Наконец, есть еще один важный момент. Это не всегда осознаваемая попытка восстановить старую синонимичность слов *российский* и *русский* и внеэтническое понимание слова *русский* в общекультурном и общегражданском смысле, существовавших до 1917 г. Попробуем разобраться со всеми этими аргументами и найти возможность выхода из терминологического тупика, который далеко не безобиден для реальной политики и для жизни страны.

Нынешняя категория *российский народ* может вызывать некоторую настороженность, отчасти по причине испуга от быстрого политического распада советского народа, который ныне некоторым кажется вредным советским мифом. Но это напрасные страхи. *Советский народ рас-*

пался не потому, что его не было или он был некой аномалией, а по причине раскола элит и краха самой государственности, в рамках которой он существовал.

Есть еще одна причина, почему трудно воспринимается понятие российской гражданской нации, — это господство в отечественной аналитике и в историософских дебатах устаревших дефиниций о том, что есть народ, нация и национальное государство. Эти три категории на протяжении многих десятилетий трактовались в этническом смысле, и все, что определялось как «национальное», на самом деле обозначало этническое. СССР и Российская Федерация воспринимались исключительно в категории «семьи народов» и их дружбы или «многонационального народа». Соответственно под этот шаблон понимания подгонялся и внешний мир.

Под воздействием этнонационализма и по причине экспертной слабости в России на протяжении ряда лет существовали смутные представления и установки по части национальной государственности и национальной идентичности. Только в последние годы более определенно проявились понятия национальных интересов, бюджета, обороны, безопасности, здоровья нации, лидера нации и т. п. Все равно для этнонационалистов от науки и от политики Россия не существует как национальное государство, ибо сам субъект нации спущен на уровень этнических общностей, а их территориальные автономии в виде субъектов федерации, культура, наука, образование — это и есть субстанции, к которым прилагается «национальное». А если у русской нации нет «своей республики», то нужно ее создать, как считают некоторые политики. Или же нужно объявить Российскую Федерацию национальным государством русских, как полагают нынешние русские этнонационалисты. Или же в качестве некоего компромисса называть всех жителей страны русскими, если они того пожелают, как заявляют академик С. Ю. Глазьев и сторонники более просвещенного варианта этнонационализма, а точнее, возвращения былого широкого понимания русскости¹.

¹ См.: Глазьев С. Ю. Выбор будущего. — М.: Алгоритм, 2005.

В России национальное государство мыслится многими только как государство, находящееся в пользовании одной этнонации. А раз так, то и никакого разговора о России как о национальном государстве быть не может. Так думают в Москве и в Казани, а для западных экспертов по России уязвимая формула «многонациональности» — это надежда на возможное досамоопределение страны в границах «собственно России».

* * *

В. В. Путин вернулся к объединяющей дефиниции главного субъекта власти, политики и управления — понятий *российский народ* и *российская нация*, которые являются по своей сути синонимами. Выступая в 2003 г. на Красной площади, на торжествах, посвященных Дню России, он сказал: «Где бы мы ни родились, где бы ни выросли — все это наше родное Отечество. А вместе мы — один, единый, могучий российский народ»¹.

На татарском и русском языках Путин произнес аналогичные слова в 2005 г. на праздновании 1000-летия Казани: «Казань сыграла свою поистине неповторимую историческую роль в формировании единой российской нации, в становлении единого и сплоченного народа России»².

Эти утверждения нуждаются в осмысленной поддержке со стороны просвещенной части общества, ибо представляют собой не просто доктринальную новацию, но и серьезный вызов для научного сообщества, политической бюрократии и всех, кто формулирует и формирует представления граждан. Противники понятий *российский народ* и *национальное единство* обнаружили сразу, причем там же, в Казани. В те же юбилейные дни Р. Хакимов опубликовал книгу, в которой обосновывается невозможность существования российской нации. Одним

¹ Путин В. В. Выступление на торжествах по случаю Дня России. 12 июня 2003 г. (www.archive.kremlin.ru/appears/2003/06/12/1419_type82634type122346_47092.shtml).

² Путин В. В. Выступление на собрании, посвященном 1000-летию Казани. 26 августа 2005 г. (www.archive.kremlin.ru/appears/2005/08/26/2350_type63374type82634type122346_92928.shtml).

из аргументов против гражданской нации стало утверждение, что время наций-государств прошло, а пришло время этносов, из которых и состоит современный мир.

«Прощание с нациями-государствами требует изменения многих привычных представлений, — утверждает Р. Хакимов. — Россия как нация-государство в свое время не сложилась. Она держалась как империя и рухнула под напором наций, образовавших ряд государств на постсоветском пространстве. Попытка сегодня создать россиян как нацию — дело бесполезное, ибо невозможно вернуть политические процессы индустриальной эпохи... В Российской Федерации этническую дифференциацию невозможно нивелировать, наступила эпоха, стимулирующая культурное многообразие. В этих условиях пытаться конструировать нацию-государство «россиян» все равно, что пытаться плыть против течения в то время, когда в баке кончился бензин»¹.

Помимо этнонационализма представителей российских меньшинств, не менее существенным разрушителем российскости выступает национализм шовинистического толка, для которого «россияне» — это некий эвфемизм, а Россия есть потому, что есть русские, хотя хорошо известно, что в разные исторические времена русскими называли и всех православных, и всех восточных славян (великороссов, малороссов и белорусов). Узкоэтническое содержание понятие *русские* обрело только в период строительства «социалистических наций». Тем не менее утопическая мечта вернуть широкое и надэтническое смыслопонимание *русского*, как это было до советского нациестроительства, остается.

Необходимы серьезные разъяснительные усилия и моральное принуждение, чтобы в публичном пространстве было меньше заявлений, подобных сделанному бывшим депутатом Госдумы от ЛДПР Н. В. Курьяновичем: «Давно пора переломить узость и сектантство в правом русском патриотическом движении. Мы должны сбросить с

¹ Хакимов Р. С. *Метаморфозы духа (к вопросу о тюркско-татарской цивилизации)*. — Казань: Идеал-Пресс, 2005. — С. 63—64.

себя ярмо россиянина и показать, что мы русские, что нас много, что с нами придется считаться»¹.

Если же говорить не о политиках-неофитах, а о профессиональном экспертном сообществе, то здесь сторонников русского *versus* российского проекта также достаточно. Одним из авторов «нового прочтения» и «рождения новой русской нации» является В. Д. Соловей², для которого выступления сторонников КПРФ или недовольных реформой монетизации, а особенно активизация деятельности экстремистских групп ксенофобского и неонацистского толка, представляются признаком рождения новой общности — новой русской нации. Это же, с точки зрения В. Д. Соловья, означает крах проекта создания гражданской нации.

Еще один вариант похорон гражданской нации поступил на рынок идей со стороны противников «путинизма» из числа леволиберальной интеллигенции. Он отражен прежде всего в книге «Между империей и нацией» и эссе «От Третьего Рима к гражданской нации?» Эмиля Паина³.

Сразу скажем, что мы не согласны с негативными оценками современной ситуации в России, особенно с тем, что «страна нация — империя, в которой есть привилегированный Центр и бедные окраины, если не колонии», что Москва, «как огромный насос, высасывает финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы из провинции», что жители России «только называются гражданами, в реальности же они подданные», «объект политических манипуляций». Поскольку в «империи не может быть гражданских наций» (выше мы уже опровергли этот тезис), то Э. А. Пайн не признает наличие российской нации. Попытки утверждать российскую идентичность

¹ Виноградов М., Ильичев Т. День народного единства может разделить россиян // Известия. — 2005. — 3 нояб.

² Соловей В. Рождение нации. Исторический смысл нового русского национализма // Свободная мысль-XXI. — 2005. — № 6; Соловей В. Русская нация: Новое прочтение. — М., 2005.

³ Пайн Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. — 2-е изд., доп. — М.: Новое издательство, 2004; Пайн Э. А. От Третьего Рима к гражданской нации? // Независимая газета. — 2006. — 14 февр.

(прежде всего через изначальное признание существования такой нации) называются им «имитационной политикой». «Переназывание вещей» обречено, по его мнению, на провал, ибо представляет собой верхушечную инженерию «власти над народами без их на то согласия». Это больше, чем приглашение читателя к размышлению. Это одна из позиций противников российской нации, высказанная ведущим экспертом. Здесь требуется ответ, а точнее — разъяснения и аргументы, к которым уважаемый коллега Э. А. Паин и разделяющие аналогичные взгляды обязаны прислушаться.

Во-первых, никак нельзя согласиться с такой оценкой глубоких перемен в области либерализации российского общества, которую дают им нынешние недовольные «вертикальной страной». Также невозможно согласиться с определением Москвы как Третьего Рима, который возвышается над бедными окраинами. Отрыв Москвы по части обустройства в значительной степени уже преодолен, и нужно презирать или не замечать преобразившиеся крупные города страны от Санкт-Петербурга до Казани, Уфы, Владикавказа, Нальчика, Хабаровска и Анадыря, чтобы называть их «бедными окраинами, если не колониями».

Во-вторых, никак нельзя согласиться с категоризацией нынешнего поколения россиян как «подданных» и не более. У нас есть и граждане, и гражданское общество с его институтами, включая Общественную палату. Кстати, одним из самых мощных институтов является Российская академия наук с ее свободным и компетентным рядом ученых-обществоведов. Неужели в Институте социологии РАН работают «подданные» и сам Эмиль Паин себя и своих коллег по институту к свободным и ответственным гражданам не относит? Что-то здесь не так. Не может столь знающий человек полагать, что в Йемене, Китае, Индии, Пакистане, Индонезии, Колумбии, Мексике и прочих странах есть нации потому, что там есть свободные граждане, а не подданные, а в России нет граждан и, значит, нет и нации. В Китае миллионы людей вообще не имеют никаких прав, а запачкавшие краской портрет Мао сидят в тюрьме второй де-

сятков лет, в Индии не меньшее число людей — это кастовые изгои, «неприкасаемые», в Пакистане половина населения не умеет читать, однако нации в этих и других не менее «проблемных» странах есть, а вот в России, получается, почему-то нет!

Такая позиция не более чем политизированная эмоция. На самом деле наличие нации в стране не связано со степенью демократизации, «вертикализации», «гигантской социальной поляризацией», которые якобы не позволяют считать россиян нацией. Фактически все государства, входящие в состав Организации Объединенных Наций, имеют в своем арсенале понимание населения как нации, а своего государства — как национального государства. В Индии, Колумбии, Бразилии, Мексике и десятках других стран мира социальной поляризации и политического манипулирования не меньше, чем в России, но они почему-то могут считаться нациями. А вот Россия не может, ибо в ней «сконструированная аппаратом Общественная палата», Федеральное собрание зависят от исполнительной власти и имеются прочие «отступления от демократии». Разногласия Э. А. Паина с В. В. Путиным и его претензии по части «развития гражданского общества» есть незначительный повод для утверждения, что гражданская нация в современной России невозможна. Это ведь не более чем недовольство ельциниста (семь лет Э. А. Паин работал в президентской администрации) нынешними путинцами, как недовольны теми и другими бывшие горбачевцы, для которых все, что последовало после М. С. Горбачева, — это полный крах.

Есть в России нация! Есть и гражданское общество! Именно по этой причине автор выступает против позиции «формирования» того и другого как неких проектов или идей будущего. Отнесение формирования российской нации к проектам XXI в. есть отрицание настоящей России, ибо если нет граждан, нет гражданского общества, нет гражданской нации, тогда что же остается? «Народы, управляемые без согласия», как полагает Эмиль Пайн?

Самое печальное то, к чему призывают некоторые публицисты, как это делает, например, О. Григорьев: «...не гнаться

за химерой национального государства, для создания которого отсутствуют какие-либо условия... Давайте исходить из реальностей. Россия никогда не была национальным государством. И не существует такой — российской — нации... Мы говорим о русской нации, о русском (российском) национальном государстве (а некоторые вопреки всем правилам логики и здравому смыслу даже говорят о России как о нации), но, поскольку на самом деле ничего этого не было и нет, мы вынуждены делать разного рода оговорки... Россия была и есть то, что можно назвать территориальной империей. Территориальная империя как форма государственного устройства господствовала в мире и в Европе на протяжении столетий, причем Россия — единственная европейская территориальная империя, сохранившаяся до наших дней»¹.

Такого рода рассуждения в большом количестве можно найти на страницах редактируемого Михаилом Леонтьевым журнала «Главная тема», ибо для него имперская Россия и есть главная тема.

Некоторые авторы журнала заявляют о том, что глобальный проект «Россия» возможен, причем по определению новый глобальный проект как таковой возможен сегодня только в России. Этот проект должен иметь следующие черты: быть секулярным и «не быть национальным, поскольку Россия не мононациональная страна, а цивилизационный союз»².

И наконец, еще одна форма непризнания российского народа и его национальной государственности появилась среди энтузиастов «формирования» российской нации как проекта XXI в. Бывшие ярые противники единого гражданства ныне выступили с поспешно написанными книгами о «теории политической нации, цель которой — формирование государственного единства на условиях выявления потенциала многонациональности, а не только самоутверждения государства как инструмента в руках

¹ Григорьев О. Россия никогда не была национальным государством // Главная тема. — 2005. — Июль—август. — С. 54—57.

² Гавриленков С., Хазин М. Жажда третьей силы // Главная тема. — 2005. — Апрель—май. — С. 126—127.

доминирующей нации»¹. Для Р. Г. Абдулатипова «этносы, этнонации создаются и развиваются только в человеческом сообществе, поэтому это один из родовых признаков человеческого индивида, результат их общности», а первичное значение «ощущения принадлежности к единому демократическому Российскому государству и российской гражданской политической нации» — «это старое фразерство, прицепленное к новым лозунгам»².

Надежды, что процитированные выше авторы окажутся среди тех, кто будет публично признавать и утверждать российскую идентичность, достаточно мизерные. Однако ирония в том, что политики и эксперты типа Абдулатипова в своей публичной жизни служат именно российской национальной государственности и российскому народу.

* * *

Население нашей страны обладает высокой степенью национального единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенности и активного межэтнического взаимодействия, которым могли бы позавидовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем жители этих стран, в отличие от россиян, часто даже не могут разговаривать между собой на одном языке, среди населения происходят вооруженные конфликты. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового однообразия нет, а концепция единой нации есть. Она реально сплачивает страну.

В России — наоборот: *есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления о едином народе, его национальных интересах и национальной культуре.* У нас «националь-

¹ Абдулатипов Р. Г. Создание российской нации — проект XXI века // Российская газета. — 2002. — 27 авг.; Абдулатипов Р. Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. — М.: Научная книга, 2005. — С. 126.

² Абдулатипов Р. Г. Российская нация. — С. 468—469.

ные интересы народа» — это партикулярные запросы граждан татарского, осетинского, кабардинского, якутского, бурятского и иного этнического происхождения. «Национальная культура», «национальное образование» в России — это не российские культура и образование, а аварские, даргинские, марийские, мордовские и прочие культуры и школы. А далее сразу следует «выход в мировую культуру», как бы минуя российскую.

Идеологи этнонационализма проводят линию, что татарский, башкирский, марийский, мордовский и другие культурные компоненты не являются частью российского культурного арсенала, а это часть политизированных и полумифических «тюркского мира», «финно-угорского мира» и прочих «миров».

«Россия изначально сущностно содержит в себе два мира, два разных мироощущения, два культурных ареала: русско-православный и тюрко-исламский, которые мало взаимодействуют друг с другом, умудряясь жить при этом в непосредственной близости, в одном пространстве, — полагает Р. Хакимов. — Татары должны работать в тюркском мире, как это было и сто и двести лет назад. Это наша экономическая и культурная ниша, в этом наше преимущество... Российское государство все народы загнало в тупик, включая и русских. Сегодня выбираться из этой трясины можно только собственными усилиями, отстаивая демократию и федерализм, противодействуя имперским инстинктам, произволу и духу наживы. Надо громко сказать: «Я — татарин», не стесняясь сложившихся стереотипов»¹.

Получается парадокс: люди живут веками в России, бок о бок с русскими, украинцами, немцами, коми и прочими, работают вместе, женятся и растят детей, общаются между собой на одном языке, а ученые и политики убеждают их в существовании каких-то других миров, помимо *российского мира* — действительно древнего, реального, повседневного, жизненно важного для каждого. К тому же нам непонятно, как могут «работать в тюркском мире» федеральные российские министры Р. Г. Нургалиев

¹ Хакимов Р.С. Указ. соч. — С. 284—293.

и Э. С. Набиуллина, а также президент Татарстана М. Ш. Шаймиев и некоторые губернаторы татарской национальности.

Следом за националистической риторикой и паранаучными писаниями принимаются государственные программы поддержки избранной категории россиян, родные языки которых лингвисты поместили в одну языковую семью, в данном случае в финно-угорскую. А уже за ними следом, только с противоположным смыслом, эстонские политики вносят в ПАСЕ проект резолюции о «вымирании» и нарушении прав финно-угорских народов в России. Хотя в демографическом отношении численность эстонцев, финнов и венгров росла медленнее, чем в целом среди российских финно-угров. При этом действительно заметное снижение численности среди карел, мордвы, марийцев и удмуртов на протяжении XX в. было вызвано свободным выбором в пользу русской культуры и идентичности. *Позиции спонсирования этнического партикуляризма в геополитических раскладах есть по сути отрицание российского народа, а значит, и России.*

Для нашей страны и для ее населения становится все более разрушительным и неадекватным назойливо употребляемое множественное число «народы России», и, пока мы не начнем, наряду с этим, утверждать понятие *российский народ*, ничего не получится. Не нужно ничего «формировать» и переделывать татар или бурят в россиян, а тем более в русских. Задача ответственных экспертов — терпеливо и настойчиво (пока не дойдет хотя бы до журналистов) объяснять, что *российскость как идентичность и российский народ-нация — не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны.* Россияне — это свершившийся факт, и только малая просвещенность, узколобый национализм или политические амбиции стоят за утверждением о провале проекта гражданской российской нации.

Национальную идентичность россиян нужно утверждать более последовательно, и не только редкими высказываниями руководителей государства. Необходимо при-

знать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существует, а не есть просто мечта или задача для очередного «строительства». Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо.

Нам нужно утверждать российский национализм как осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепление национальной идентичности российского народа, утверждение приоритета самого понятия «российский народ». Всякие другие варианты национализма на основе этнических крайностей — от имени одного государствообразующего народа или от имени «дружбы народов» — несостоятельны и исторически нереальны.

ГЛАВА 12

Новый российский проект

Итак, что есть гражданский национализм и как возможно его осмыслить и утвердить в России? Еще раз повторим, что *гражданский национализм — это разделяемые населением государства ценности, правовые и другие нормы, а также политические и культурные символы, которые оформляют представление о стране как национальном государстве и о народе как нации.* Гражданский национализм многолик в своих проявлениях, но в то же самое время в нем есть общие черты и принципы, которые позволяют говорить именно о национализме, а не о каком-то другом явлении, как, например, патриотизм.

Разделение национализма и патриотизма далеко не простое дело, да и не всегда выполнимая задача по той простой причине, что в своих проявлениях на уровне государственной общности они фактически совпадают. Другими словами, гражданский национализм от имени политической нации не может существовать без выражения лояльности государству или того, что называют «любовь к Родине». По крайней мере доктринальное содержание

этого вида национализма должно включать патриотические призывы, декларации, пропаганду и конкретные чувства как можно большего числа граждан той или иной страны.

В свою очередь, национальный гражданский патриотизм (существует также разного рода патриотизм регионального и местного характера) немислим без общеразделяемого образа страны и выражения в отношении страны и ее народа чувств и эмоций позитивного характера. Но тогда имеется ли различие между национализмом и патриотизмом, или они обозначают один и тот же феномен?

В своей книге о современном американском национализме британский журналист и историк Анатолий Ливен, ссылаясь на работы одного из отцов неоконсерватизма в США Ирвинга Кристола¹, объясняет, почему слова «гражданский национализм», а не «патриотизм» более адекватно характеризуют господствующий компонент в американской политической культуре. «Патриотизм проистекает из любви к прошлому нации; национализм вырастает из веры в будущее нации, в ее величие. Цели американской внешней политики простираются дальше узкого определения национальной безопасности. Это есть национальный интерес мировой державы, определенный ее национальным предназначением»², — отмечает А. Ливен.

Подобным образом различают национализм и патриотизм и другие историки национализма. К. Миног, например, определял патриотизм как по сути своей консервативное явление, как желание защищать свою страну, часто усиленное верой в более широкую национальную миссию для человечества³. В американской политической культуре начала XXI в., безусловно, есть сильный элемент патриотизма, приверженности к американскому прошлому и политическим институтам и к современной Америке как своего рода эталонной стране.

¹ См.: *Kristol I. Reflections on Neo-Conservative*. — N.Y.: Basic Books, 1983; *Idem. Neo-Conservatism. Autobiography of an Idea*. — N.Y., 1994.

² *Lieven A. America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*. — Oxford, 2004. — P. 6.

³ *Minog K. Nationalism*. — N.Y.: Basic Books, 1967.

Но в американском национализме есть склонность к мессианскому видению своей нации. Именно поэтому А. Ливен делает вывод, что «скорее «национализм», чем «патриотизм», является более корректным словом, которым следует описывать наиболее характерное национальное чувство американцев. Эта особенность современного американского национализма более схожа с исторически неудовлетворенными и догоняющими национализмами Германии, Италии и России, чем с удовлетворенным и приверженным статус-кво патриотизмом британцев»¹.

Но если одна грань американского национализма носит мессианский характер, ибо она как бы устремлена в будущее нации и в якобы предначертанное ей величие, то его другая грань не менее радикальна, ибо она постоянно обращается к идеализированному национальному прошлому. Воплощением этой стороны американского национализма является идеология правых республиканцев и «правых христиан», которые озабочены восстановлением во всей его чистоте старого американского общества, в основе которого лежало доминирование белых протестантов-англосаксов и ирландских католиков. До сих пор среди многих американцев сохраняется консервативная религиозность, которая служит одним из столпов радикального консерватизма. Это связано с целым комплексом проблем и страхов социального, экономического и этнорасового характера, включая враждебность жителей малых городов и сельского населения по отношению к городам, заселенным новыми иммигрантами, а также с неудовлетворенностью снижающимся статусом «белого рабочего класса».

А. Ливен отмечает, что «в результате экономических, культурных и демографических изменений в Америке — этой победоносной нации современной эпохи — большое число американцев переживает чувство поражения. Внутренние проблемы и страхи, которые порождают это чувство поражения, распространяются и на отношение американцев к внешнему миру». В 2002 г. 64% опрошенных американцев считали, что их «образ жизни нуждается

¹ *Lieven A. Op. cit. — P. 6.*

ся в защите от иностранного влияния» (по сравнению с 51% среди британцев и 53% среди французов). Американские данные расположились между данными по Западной Европе и данными по странам развивающегося мира, таким, как Индия (76%). Но пикантность заключается в том, что «иностранное влияние», которого опасаются больше всего представители развивающихся стран, это именно влияние Соединенных Штатов Америки»¹.

Получается феномен взаимных страхов, который можно наблюдать и в случае с Россией. Но может быть, страх (точнее — внушение страха) по отношению к внешнему врагу или вызову является одним из механизмов консолидации в более широком комплексе утверждения национальной идентичности?

При всех различиях двух стран — России и США, особенно по социальным условиям жизни и по культуре, некоторые базовые сходства национализмов налицо, а именно: обращенность в мифологизированное прошлое как источник патриотизма свойственна обоим национализмам. В смысле видения будущего есть существенное различие: представители российского национализма (национализма без признанной категории нации, но с националистами) с недавних времен (после распада СССР) лишились мессианской и революционизирующей одержимости, хотя вера в лучшее будущее и даже в некое предназначение России как моральной спасительницы мира появляется в современном общественно-религиозном дискурсе.

Вера в светлое будущее составляет важный компонент идеологии российского национализма главным образом как форма отторжения современности. Именно это составляет радикальное различие между российским национализмом и национализмами в США, Франции, Германии, Индии и Китае. Хотя социальные и этнорасовые страхи также и даже больше (в связи с периодом реформ и массовой иммиграцией) присущи российскому человеку, нигде не наблюдается столь пиззофреническая смесь обращенного назад и вперед национализма, образующаяся с целью отрицания современной ситуации.

¹ Lieven A. Op. cit. — P. 7.

Видимо, если говорить о стилевых различиях, то *гражданский национализм в России — это больше патриотизм, обращенный в прошлое (ностальгический национализм), чем национализм, устремленный в будущее (мессианский национализм)*. Но обсуждение всех этих тонкостей не имеет особого смысла, ибо для того, чтобы в новой России патриотизм, ослабевший после обрушения его советского варианта, обрел хоть какую-то стилистику гражданского национализма, необходимо признать наличие самой нации. Национализм без такого признания может существовать, но с признанием своего рода референтной категории его возможности становятся более широкими и более естественными.

Другими словами, если есть российская нация, то, безусловно, флаг, гимн, олимпийская команда, объединяющие общество идеи или проекты должны быть национальными, а не «общенациональными», как стараются стыдливо переименовывать эти вещи противники гражданской нации, скрыто вкладывая в смысл слова «общенациональный» что-то «общее для всех наций». Маленькая, едва заметная словесная уловка, но за ней кроется достаточно серьезный смысл!

* * *

Теперь о национальной идентичности, ее смысле и соотношении с другими формами идентификационных характеристик человека. Идентичность, этническая, религиозная, национальная или государственная, определяется как прошлым опытом, так и доступными настоящими и будущими возможностями. *Национальная идентичность — это особая форма идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов, которые делают связь с нацией основополагающим компонентом самосознания.*

В отличие от этнической идентичности, которая имеет подвижный и часто сложный характер (особенно в смешанных семьях и в многоэтнических сообществах), национальная идентичность является более жесткой и более

значимой. Она даже подкрепляется правовыми и уставными нормами (разного рода присяги и клятвы в армии, при получении гражданства, занятии высоких должностей) и официальными документами (национальные паспорта). Хотя национальная идентичность, как правило, определяется элитой, гораздо большее число людей используют свою национальную идентичность в эмоционально-идеологических целях: в современном мире человеку крайне важно иметь чувство принадлежности к народу-стране-государству. Люди без гражданства и без национальной идентичности (это две близкие, но не всегда совпадающие категории) считаются редкой аномалией и от нее стараются избавиться. Появление огромного числа апатридов — людей без гражданства — в Латвии произошло только при поощрении этой акции со стороны международного сообщества и при пассивности России и самих лишенных гражданства. В других случаях «мировое сообщество» такого не позволяет: все люди на Земле должны быть «оприходованы» существующими национальными государствами.

Национальная идентичность — это не справка из ЖЭКа; она используется человеком в инструменталистских целях, т. е. в собственных интересах. Так было с давних пор и так остается поныне. Например, инструменталистское использование национальной идентичности издавна практиковалось гражданами испано-французского пограничья: преследуя собственные локальные интересы, люди пребывали в поиске «национальности», которая лучше всего им подходила. В ходе этого процесса они меняли государственную принадлежность в ту или иную сторону на уровне не только отдельных людей, но и местных сообществ.

Массовая «игра в паспортизацию» не только властями, но и самими жителями постсоветских государств говорит о том, что, хотя идентификация по государству осуществляется правовыми актами самого государства, индивиды не автоматически обретают национальную идентичность вместе с гражданством. Сейчас многие люди из ближнего и дальнего зарубежья получают паспорта Российского государства, чтобы проще пересекать его границу и выгоднее вести бизнес или же чувствовать себя в большей безопасности в случае определенных угроз в мес-

тах проживания. Но это совсем не означает, что они идентифицируют себя с Россией как «их страной».

Некоторые люди могут иметь не российские паспорта, а паспорта других государств, но их национальная идентичность связана с Россией или же она носит характер двойной лояльности — стране предков или молодости и стране нового проживания. Такая категория людей безотносительно к их этнической принадлежности существовала и продолжает существовать в странах бывшего СССР, но по причинам политизированного этнонационализма и академической догматики эти люди, точнее, такая форма идентичности не признавалась в России политиками и специалистами. Как рассуждали принимавшие закон 1999 г. о российских соотечественниках за рубежом думские депутаты, у украинца есть «свое государство» Украина, у еврея — Израиль, у армянина — Армения, Россия — это для русских и для тех других, у кого нет «своей государственности за пределами России». Другого варианта, например, если бы украинец или армянин считал Россию своей родной, а себя российским гражданином, быть не может.

Только в самое последнее время Федеральный закон 2006 г. «О государственной поддержке российских соотечественников, добровольно переселяющихся в Российскую Федерацию», сделал невиданную для российской ментальности запись-определение: «Соотечественник — это лицо, имеющее связь с Россией, владеющее русским языком» и т. п. Таким образом, была признана форма национальной идентичности безотносительно к формальному гражданству.

И все же национальная идентичность без гражданства — это скорее отклонение от нормы, в частности вызванное распадом исторического Российского государства в 1991 г. Норма — это паспортизированное (т. е. установившее свою правовую связь с государством) население, которое уже самим этим фактом (если паспортизация не была насильственной) продемонстрировало свою национальную идентичность. Но этого недостаточно. Необходим своего рода как разработанный, так и постоянно конструируемый под воздействием жизни *репертуар национальной идентичности* или гражданского национализма.

Если нация представляет собой политическую общность людей, которые имеют общие исторический опыт, язык, территорию, символы и верят в общие ценности, тогда необходимо эти характеристики воспроизводить и поддерживать. Именно это дает общности право на самоопределение и возможность контролировать часть территории Земли (свою родину), иметь государство и вытекающие из этого преимущества.

* * *

Мнение российской политической элиты и общественное мнение по вопросу о том, кто образовал наше государство, что делает наше государство легитимным и что составляет российскую нацию, разделились. В советской системе этничность и национальность были настолько тесно спаяны, что постсоветские игроки затруднились представить себе другие формы осуществления политики в многоэтническом сообществе. Оставалось продолжать сдавать национальное в пользу этнического и обеспечивать консолидацию через «дружбу народов» и «интернационализм», а не через смысловую и политико-правовую «национализацию» многоэтнического (в более привычном варианте — многонационального) российского народа. Только совсем недавно о «национализации будущего»¹ (но только почему-то не настоящего!) высказался один из руководителей президентской администрации В. Ю. Сурков. Для нас это важное приглашение к размышлению и к совместному действию, ибо для Суркова нация также есть надэтническая совокупность всех граждан страны, т. е. «многонациональный народ», как эту совокупность определяет Конституция.

Свобода и развитие нации обеспечиваются через суверенную демократию. Сурков определяет ее так: «Допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материаль-

¹ Сурков В. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт. — 2006. — № 43.

ного благополучия, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими».

Предпринятый нами исторический экскурс в прошлые века свидетельствует, что этнические границы в прошлом были гораздо более проницаемы, а политика более нейтральна к этническому фактору. В результате процессов миграции, смещения и взаимодействия на обширной территории Евразии сформировалась уникальная многоэтническая и многоязычная российская и позднее — советская культура, основу которой составляла русскоязычная культурная традиция. В поликонфессиональном и многоэтническом Поволжье и на Северном Кавказе сформировался сложный, но цельный культурный симбиоз. Средняя Азия также во все времена (до эпохи советского национал-строительства) представляла собой не территорию отдельных наций и их государств, а регион, где границы определяли местные ханы и внешние силы в лице царской администрации и колониальных держав и где этничность уступала религиозным, сеньориальным и регионально-местным идентичностям.

Только в XIX в. и особенно в советский период интеллектуалы и политики стали разрабатывать «этногенетические» и «цивилизационные» несхожести между россиянами и приуменьшать сходство, несмотря на официальную советскую идеологию сближения и развития социалистических наций. Подобная увлеченность политиков и ученых различиями вплоть до биологии и психологии имеет место и в настоящее время. Собственно национальной идентичностью мало кто занимается и мало кто знает, как заниматься.

С самого начала образования Российской Федерации возникли эти сложные и плохо осознаваемые политической элитой и учеными проблемы формирования новой национальной российской идентичности, которая, как и во всех других государствах, включает в себя некоторые неотъемлемые компоненты. Процесс этот инициируется и направляется государством в лице органов власти и других институтов воздействия и гражданского обучения. Но что-то рождается снизу, особенно в периоды бурных социальных катаклизмов, включая рождение самого государ-

ства. Так, например, с 1991 по 1993 г. в России явно и фантастически быстро сложился один из новых национальных символов — «парламент», или «Белый дом», — здание, в котором заседал Верховный совет Российской Федерации и вокруг которого произошли драматические события. Так же быстро менялись герб, флаг и гимн государства.

На фоне отторжения советской идентичности новации входили в жизнь быстрее, чем происходило их осмысление. Со временем «первый парламент» себя погубил конфликтом с президентом, точнее, президент погубил парламент и отдал уже почти ставшее национальным символом здание на Краснопресненской набережной для расстрела танками, а затем — для нужд правительственной бюрократии. Как видим, символ ушел из жизни так же быстро, как и пришел, что говорит о подвижной и конструируемой природе национальной символики.

Любопытные коллизии произошли с национальным гимном, причем не столько по части музыки, сколько по части слов. Их переделывал на новый лад человек из советской эпохи, воспитанный на «дружбе народов» и по-другому нашу страну не представлявший. Слова, казалось бы, не должны были иметь особого значения, ибо цель состояла в том, чтобы восстановить музыку советского гимна и убрать из текста одиозные слова про партию и вождей. Однако именно в словах оказалась не сформулированной суть нового государства как государства российского народа. И получилась настоящая концептуальная каша, о чем мы вспоминаем во время некоторых торжественных церемоний.

Приведем в качестве примера процедуру принятия президентской присяги во время вступления В. В. Путина в должность в 2004 г. Звучит гимн:

Россия — священная наша держава,

Россия — любимая наша страна.

Далее про Отечество утверждается, что это — «братских народов союз вековой». После гимна президент проносит присягу («Клянусь многонациональному народу Российской Федерации»), а на приеме провозглашает тост «За российский народ!». Амбивалентный язык приводит к амбивалентной политике, и в России это налицо.

Важными компонентами национальной идентичности являются символика и национальный календарь. Старые праздники уходят с трудом. В ноябре 2004 г. Госдума обсуждала законопроект о новом календаре. Исключались 7 Ноября, День Конституции и майские праздники. Вводились 4 Ноября и новогодние каникулы с 1 по 5 января. Споры вызвало празднование 7 Ноября. «От имени фракции «Родина» я предлагаю не трогать этот праздник, это святой праздник, и пусть каждый вкладывает в него свое содержание», — говорил депутат Валентин Варенников. «Все праздники выстраданы историей, поэтому нельзя их просто так отменить»,¹ — отмечал Геннадий Зюганов. Хотя именно коммунисты отменили 4 Ноября как день победы над польскими интервентами.

Празднование Дня народного единства и согласия еще более ярко высветило разные подходы и разное отношение к российскости и проблеме утверждения национальной идентичности. Ярыми противниками этого праздника выступили представители русского националистического движения. Накануне праздника провели пресс-конференцию лидеры Евразийского союза молодежи и Движения против нелегальной иммиграции.

Этнонационализм действительно активизируется в стране, но не он определяет ситуацию и перспективу. О новом празднике разумно выразился Лео Бокерия, директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева: «Отношение к этому празднику у меня очень хорошее. Мне довелось... в этот день быть на Красной площади. Увиденное там произвело на меня огромное впечатление. Я снова был среди граждан великой страны, сплоченных общей идеей и достижениями. Можно ведь просто декларировать свою независимость и сидеть сложа руки, а можно наполнить ее истинным содержанием, чтобы каждый понял, в какой великой стране он родился и вырос. У такого народа и такой России есть чем гордиться!»²

¹ Известия. — 2004. — 24 нояб.

² Трибуна. — 2006. — 9 июня.

ГЛАВА 13

Империя, нация и «либеральная миссия»

Ментальная дезориентация российской элиты тем более обескураживает, что в плену саморазрушительной мифологии пребывают не только ультранационалисты, расисты и политические провокаторы разных мастей, но и люди просвещенные, знающие мир и политически самостоятельные. Иногда создается впечатление, что существуют как бы два разных мира и два непересекающихся дискурса. Один — это огромный домен изучения национализма как одного из мировых явлений. Другой — это сфера отечественных публицистических дебатов о нации и национализме, о феномене этничности, отмеченных зачастую низким научным уровнем, слепотой по отношению к внешнему миру и рьяной верностью старым прописям.

Любопытно, что в этом разрыве два отечественных политико-идеологических полюса — крайние националисты и либеральные демократы — в гносеологическом отношении оказались единомышленниками. Все они характеризуют нацию и национальное государство как нечто прошедшее закономерную историческую стадию и соответствующее дефиниции, состоящей из набора объективных характеристик. Если такого соответствия нет или оно неполное, тогда выносится отрицательное заключение для России (но только не для других стран!) — в стране нации нет. Точно как у И. В. Сталина: «Если нет хотя бы одного из признаков нации, значит, нет и нации». Или точно как у Э. А. Паина: если нет демократии и гражданского общества, а есть «подданные в путинской России», то нет и российской нации.

Представители обоих идеологических полюсов, пытаясь обсудить или «решить» вопрос о нации, по ходу попали в другую дурную историю — в историсофские дебаты об империи, которые составляют часть проблемы «от им-

перии к нации». В любом случае мы имеем дело с концептуально-идеологическим болотом, в котором окончательно растворились все понятия и смыслы. Для этого достаточно посмотреть статьи последних лет в таких журналах, как «Политический класс» и «Главная тема», или публицистические статьи и интервью некоторых интеллектуалов по теме нового русского проекта в газете «Известия», а также другие публикации.

Разберем пример российских интеллектуальных дебатов по данной теме. Фонд «Либеральная миссия» провел в 2005 г. конференцию и издал ее материалы в виде книги «После империи». Авторы материалов — известные российские и зарубежные ученые. Тем более обескураживают изначальные послы большинства из них, сформулированные во вводной статье президентом фонда Е. Г. Ясиным. Упомянув «давние дискуссии среди специалистов по поводу определения империи», он предлагает свое определение: «Империя — это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы»¹. Империи, как живые организмы, имеют свои «жизненные циклы» и после подъема и становления проходят стадию расцвета и стабильности, а затем упадка и распада.

Как пишет Е. Г. Ясин, «со временем выяснилось преимущество национальных государств, населенных одним народом или несколькими народами, близкими по языку и культуре. В таких государствах, опирающихся на развитое национальное самосознание, не могли возникать центробежные силы, раскалывающие государство сепаратистские движения... Иные к государствам гражданской нации принадлежат США, Канада, Австралия, практически все европейские страны. В них наряду с коренным, государствообразующим народом, давшему стране язык и основную культуру, живут и другие народы.

¹ Ясин Е. Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи / Под общ. ред. И. М. Клямкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — С. 7.

Все они объединены общими ценностями, согласны жить по законам страны, приобщиться к общей культуре и на этой основе наделены равными правами и обязанностями»¹.

Е. Г. Ясин считает, что в силу неустойчивости и устарелости самой формы легитимности все империи в XX в. распались. Советский Союз также был империей, и он после исчезновения насилия по отношению к периферии быстро распался. Какое-либо другое объяснение этому событию на основе «чувства национального унижения и сожаления об утраченном могуществе» Ясин называет «не имеющим ничего общего со здравым смыслом и научным подходом»².

Ни одно из высказанных положений известного экономиста не соответствует современному научному видению проблемы империи и национального государства. Даже у известных сторонников традиционного понимания империи именно как исторической формы государства на основе господства и контроля, в котором метрополия господствует над периферией в ущерб интересам последней, речь идет не о «народах», а об иерархическом взаимодействии политических сообществ или о власти империи над народом. Ничего близкого к определению Е. Г. Ясина в научной литературе не существует.

Что является действительно ценным в традиционном взгляде на империю, так это принцип неравенства и субординации отношений между метрополией и периферией, но ничего более. В большинстве исторических случаев метрополии не вычленяются по принципу этнического отличия: один народ — над другим народом или народами. «Метрополия является институтом политического господства», — справедливо считает Р. Суни. Установить «государствообразующий народ» в империях невозможно, ибо правящие институты характеризуются не этнически и даже не географически, а особым политическим статусом, классовым характером или династическим принципом.

¹ Ясин Е. Г. Указ. соч. — С. 9.

² Там же. — С. 11.

Какой «государствообразующий народ» был в Британской или в Испанской империях с точки зрения этнической — англичане или шотландцы, кастильцы или каталонцы? Рекрутированные из самых разных групп османы в Османской империи или императорская семья иностранного происхождения вместе с многоэтническим дворянством и бюрократией в Российской империи — это разве народ—этническая общность, отличная по языку и культуре от негосударствообразующих народов? Наконец, если СССР был империей, тогда какой народ представляла правящая коммунистическая номенклатура: сталинско-бериевская группа большевиков-соратников по Кавказу, который был местом их рождения или революционной деятельности, или украинско-молдавско-днепропетровский клан, оба захватившие на десятилетия власть в Московском Кремле? Да, говорили в Кремле по-русски, хотя зачастую с сильным акцентом. Да, некоторые объявляли себя русскими, но русскими не были ни по происхождению, ни по самосознанию.

Р. Суни справедливо пишет: «В этом понимании ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими «русскими империями», в которых метрополия полностью бы совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства — дворянство в одном случае, коммунистическая партийная элита в другом. Данный институт господства был многонациональным, и хотя в российском дворянстве, как и в коммунистической партии, преобладали русские, он управлял в имперской манере русскими и нерусскими народами. В империях, в отличие от нации, дистанцированность и отличие правителей от управляемых являются частью идеологической легитимации правящей функции господствующего института. Право на власть в империи исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых»¹.

¹ Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Титкова, В. А. Шнирельмана. — М., 2007. — С. 39—40.

Уже после этих выводов произошли еще более важные теоретические подвижки в понимании империи не просто как формы политического режима, а как *системы оценок и восприятий, формирующихся внутри и вовне образования и меняющихся во времени*. Мы уже забыли, что вплоть до XIX в. империя воспринималась как высшая форма политического бытия. «Однако в конце XX в. данное имманентное оценочное отношение трансформировалось и стало обозначать неизбежный конечный упадок имперской политической формы»¹.

Нами уже высказывалась критика трактовки СССР как империи. Те, кто работал в отечественной гуманитарной науке в 1960—1980-х гг., знают, что никто из серьезных ученых и политиков того времени не считал СССР империей. Наше государство воспринималось как национальное государство, даже если внутри страны в политико-пропагандистском и в научном обиходе была «многонациональность». Штампы типа «империя зла» или «советская империя» были политическими метафорами, а не аналитическими оценками.

Во второй половине 1970-х гг. советскими и американскими специалистами был проведен совместный анализ содержания школьных учебников истории и географии. Комиссию от советской части возглавлял академик А. Л. Нарочницкий, от американской — профессор Г. Мелингер. Заключительный отчет содержал рекомендации по устранению одиозных оценок и неверных фактов и интерпретаций, которые создавали искаженный образ другой страны среди молодого поколения. Так вот, в американских учебниках истории вообще не было характеристики СССР как империи. Единственная рекомендация, которая содержалась в согласованном докладе по этой части, была следующей: «Американские учебники должны уделить внимание многонациональному характеру Российской империи и Советского Союза. В частности, они не должны употреблять термин «русские» для описания советского народа и правительства. Учебники должны называть Россию после 1917 года Советской Россией (с 1918 по

¹ Суни Р. Г. Указ. соч. — С. 40.

1922 г.) и СССР или Советским Союзом (с 1922 г. по сегодняшний день)»¹.

Р. Суни также признает, что «Советский Союз, который четверть века назад характеризовался преимущественно как государство и лишь изредка, да и то консерваторами, как империя, после своего распада стал единодушно восприниматься как империя, в которой обществоведы увидели нелегитимное, составное политическое образование, потенциально неспособное сдержать рост внутренних наций»². В самое последнее время в зарубежной историографии появляются высказывания о возможности взгляда и на позднюю империю Романовых как на национализирующееся государство или как на сложносоставное государство с федеративными началами³.

Можно с уверенностью предположить, что если для большинства аналитиков и рядовых наблюдателей сегодняшний Китай — легитимное национальное государство (а для некоторых даже образец национально консолидированного государства), то в случае гипотетического отделения Синьцзяна многие сразу же вспомнят, что более 100 млн неханьцев, включая уйгуров-мусульман, были колониальной периферией китайской «последней империи». Правда, после выборов в ассамблею Шотландии в мае 2007 г., где победила Шотландская национальная партия под лозунгом независимости Шотландии, в очередь на право быть «последней империей» теперь может встать современная Великобритания, считавшаяся до сих пор одним из старейших национальных государств Европы.

Не случайно М. Бессинджер, проанализировавший данное исследовательское поле, сделал следующее важное замечание: «Всякая попытка определить империю в «общественных терминах» — как систему стратификации, политику, основанную на силе, или систему эксплуатации — в конечном итоге

¹ Заключительный доклад (отчет) по итогам работы советских и американских специалистов по анализу содержания школьных учебников истории и географии. Рукопись. С. 75. Архив автора.

² Суни Р. Г. Указ соч. — С. 41.

³ См.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. — М.: Новое издательство, 2005.

не достигает своей цели, так как не способна вобрать в себя наиболее важный компонент имперской ситуации — восприятие... Империя и государства отличаются друг от друга не наличием эксплуатации и даже не применением насилия, но разницей в восприятии политики и практик, как «своих», так и «чужих»¹.

Явным упрощением в представлениях Е. Г. Ясина и других авторов книги «После империи» выглядит также национальное государство и исторический переход от империи к государству-нации. Известные нам национальные государства Англия и Франция возникли не после распада Британской или Французской империи, что произошло всего лишь полвека тому назад, а гораздо раньше. Более того, такого перехода вообще не было, ибо возникновение современного государства представляло собой процесс превращения средневекового «сообщества людей» в «территориализированное правление» безотносительно империи или не-империи.

На рубеже позднего Средневековья и Нового времени происходило огосударствление территорий под единым управлением, упрочение внутренних связей, стандартизация правил общежития и культурно-языковая унификация населения в пределах государственных границ. Появляются представления о народе и то, что, казалось, было «внутренними колониализмами», во многих случаях становится «национализирующимися государствами». *Европейские империи оставались еще долго империями, но они же становились относительно эгалитарными национальными государствами.* Ясно, что Франция стала национальным государством не после своего ухода из Алжира, а Великобритания — не после утраты Индии, а гораздо раньше. И в то же самое время они стали нациями позднее, чем прозвучало само слово «нация» в устах якобинцев.

¹ Beissinger M. R. Demise of an Empire-State: Identity, Legitimacy and Deconstruction of Soviet Politics // The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation-State at Bay? / Ed. By C. Young. — Madison, 1993. — P. 98, 99. См. также: Beissinger M. R. The Persisting Ambiguity of Empire // Post-Soviet Affairs. — 1995. — Vol. XI. — No. 2.

Еще одно заблуждение связано с представлением о достигаемой культурно-языковой схожести как признаке гражданской нации, когда якобы нацию составляет один народ или же в ее составе, наряду с государствообразующим народом, живут в равенстве и согласии другие близкие по языку и культуре народы. Е. Г. Ясин как пример гражданских наций называет США, Канаду, Австралию и европейские страны. Необходимо заметить, что ничего похожего в этих странах не было в прошлом, нет этого и сегодня. Тем более в названных странах нет *государствообразующего* народа, «давшего стране язык и основную культуру». В США, где большинство объясняется на языке, привезенном британскими пилигримами, 30 млн человек говорят на испанском языке, и там есть один сложный в расовом, этническом и религиозном отношениях народ — американцы. Кто дал американцам «основную культуру» — это вообще большой вопрос: по крайней мере выходцы из Российской империи (особенно евреи) и афроамериканцы внесли в нее не меньший вклад, чем белые протестанты.

В Канаде существуют официальное двуязычие, мощное политическое и культурное движение франкоканадской нации (франкофонов) и так называемых «первых наций» (*first nations*) из числа аборигенного населения (индейцы, эскимосы, метисы), и в то же самое время там есть, как минимум, двухобщинное (англофоны и франкофоны) государство и единая канадская нация. В Австралии образ «белой нации» также давно сменился формулой многокультурности.

В Европе, куда, казалось бы, чаще всего ездят российские эксперты, однородных в этнокультурном отношении и согласных по части своего равноправия составляющих нации «народов» вообще не существует. Но даже если они и есть, тогда как быть с остальным миром, где почти нет государств, в которых сепаратистские группировки не оспаривали бы власть центрального правительства, в том числе и вооруженным путем? Или там вообще нет национальных государств, ибо они под отечественные требования признания нации никак не подходят? Все-таки доминирующее мнение состоит в том, что от

Бразилии и Мексики до Пакистана и Индонезии все эти страны есть национальные государства.

В этой книге излагаются взгляды на *дискурсивную природу империи, нации и национализма* и в такой парадигме обосновывается взгляд на Россию не только как на «нормальную страну» с точки зрения экономики и социальной жизни, но и как на историческую государственную общность, не менее легитимную, чем другие государства мира, считающие себя и считающиеся национальными государствами.

В современной ситуации важно, как будет называться в Российской Федерации гражданская нация, понимаемая как историческая и социокультурная общность жителей страны. Некоторые из ведущих экспертов, политологов, политиков считают, что основой государства должен быть «русский проект» и нация должна называться русской нацией. Таким образом, мы как бы восстанавливаем вариант, который был в России, но не был реализован до конца из-за революции 1917 г.

Нам представляется, что такой возврат невозможен, хотя бы потому, что российские украинцы и белорусы уже не захотят снова становиться русскими, а русские переназываются великороссами, как это было во времена широкого значения слова *русский*. Не захотят быть частями «большой русской нации» другие уже национализированные народы страны, как, скажем, татары или чеченцы. Такой возврат невозможен, потому что «русский проект» с его идеей передачи власти и ресурсов русским как конкретным гражданам страны ставит сложную проблему места в нем для нерусских. Просто заявить, что Россия — это государство русских, а русские — это все, кто таковыми себя считает, еще недостаточно для обеспечения единства и лояльности народа. Наоборот, *проект российской нации носит не взаимоисключающий характер. В нем есть достойное место для русского и нерусского, для православного и мусульманина без утраты собственной идентичности и групповой целостности каждым из них.*

Среди противников российского проекта есть намеренные отрицатели (заметим, что российскость отрицают как

крайние татарские, так и крайние русские националисты, и здесь они действуют солидарно). Но есть и искренне заблуждающиеся. Действительно, в российском проекте есть некоторая лингвистическая сложность. Для большинства зарубежных и отечественных специалистов по России используемый нами термин «российская нация» воспринимается с трудом: у зарубежных англоязычных авторов просто нет другого слова, кроме слова Russian, переводимого одновременно и как *русский*, и как *российский* (только у немцев появился уточняющий вариант Russländisch для обозначения слова «российский»). В свою очередь, для отечественных авторов просто не существует другого национализма, кроме этнического. Российский национализм — это для них что-то странно звучащее, хотя они признают индийский, британский, американский и другие подобные национализмы, выступающие от имени многоэтнических наций и государств.

При всех разномыслиях и долгих дебатах — от Ломоносова, Миллера, Каткова, Витте, Струве до Ильина и Путьина — в стране была плеяда политиков и мыслителей, которые являлись именно *российскими*, а не *русскими* националистами. *При всех разных смыслах и поисках наиболее адекватных для них слов главное, чтобы признавалась Россия и ее народ как легитимная историческая целостность. Даже если в России народ «многонациональный», то государство — национальное.*

ГЛАВА 14

Российский народ и евразийство

Историко-культурный смысл Евразии как геопространства и как интеллектуально-политического проекта представляет собой постоянный сюжет в отечественной общественной мысли. В какой-то мере этот сюжет стал частью российского национального самосознания и вечной темой в изысканиях российских обществоведов. В стране вы-

шли сотни книг и статей, слово «Евразия» стало названием журналов, международных и общественных организаций, компаний и банков, брендом для современной туристической и развлекательной индустрии. В России действует «международное евразийское движение» с молодежным радикальным крылом, которое под черными знаменами с подобиями фашистских символов травит «оранжевых», западников, либералов, «грантососов» и прочих, кто не с ними.

В этой главе мы осветим проблему евразийства главным образом в аспекте цивилизационной миссии русского народа на евразийском континенте. Строго географическое понимание термина «Евразия», обозначающего территорию от Бретани на западе до Чукотки на востоке и включая Индостан на юге, в общественной мысли часто уступает место *исторической Евразии*. Под последней понимается совокупность смежных территорий, населенных разными по происхождению народами, но в большей или меньшей степени связанных общностью исторических судеб, общими интересами, сходством культур. В географическом плане это прежде всего территория Восточной Европы, Западной и Северной Азии. Но и это понимание не является общепринятым. Смыслы Евразии меняются как для исследователей в зависимости от эпохи и проблемы, так и для политиков в зависимости от идеологии и геополитических задач. *В любом случае под исторической Евразией чаще всего имеется в виду не пространство, а общность.*

С оговорками, но можно согласиться с утверждением инициаторов создания журнала «Вестник Евразии» С. А. Панарина и Д. С. Раевского, что «евразийская общность — не миф и не чисто логический конструкт, она на деле выявляется методами научного наблюдения, существует как объективная данность, хотя направление и интенсивность связей между составными частями Евразии заметно менялись от эпохи к эпохе»¹.

¹ Панарин С., Раевский Д. Евразия. Люди и мифы // Сб. статей из журнала «Вестник Евразии» / Сост. С. А. Панарин. — М., 2003. — С. 10.

Самой важной нашей оговоркой является условие понимать под «объективной данностью» в том числе и дискурсивные практики, т. е. евразийские представления, их бытование и воздействие на общественную жизнь. С точки зрения современного гуманитарного знания Евразия как миф также есть объективная данность, хотя за пределами этого мифа не менее объективной данностью являются ее география, экономика, политика и другие ипостаси.

В Евразии на протяжении тысячелетий шли процессы оформления первичных языковых ареалов древнего населения, а также его адаптационных и популяционных (расовых) характеристик. В глубинах Центральной Азии формировались и перемещались многочисленные племенные образования, которые стали со временем предками восточных славян и тюрков. Тюрки и славяне как два этнокультурных конгломерата обрели религиозную отличительность в форме православного христианства и мусульманства и создали со временем две большие империи, существовавшие несколько веков, — Российскую и Османскую. В XV—XVI вв. османы и московиты положили начало длительной внешней экспансии, создавая евразийские державы. Российское государство расширялось преимущественно на Восток, в том числе и в пределы обитания автохтонных тюркоязычных народов, сокрушив их государства в лице Казанского, Астраханского и Сибирского ханств.

Собственно этнические различия, т. е. различия по языку, хозяйственным типам, социальной организации, бытовым традициям, обрядам и мировидению, имеют не менее древнюю историю. Они стали складываться повсеместно в процессе человеческой эволюции. Малые человеческие коллективы на ранних стадиях истории должны были быть более культурно гомогенными и в любом случае говорить на одном языке и вести один тип хозяйства. На этой же основе, вероятно, складывались групповые этнические идентичности, выразившиеся в языке, в групповых самоназваниях, а в социальной сфере — в солидарности и противопоставлении себя иноэтничным «другим». Но даже самые древние из социальных коллективов и тем

более из числа раннегородских и протополитических образований за пределами семейно-родственных групп имели сложный этнический состав и даже «конфедеративный» характер наподобие славяно-скандинавского характера доновгородских поселений Северного Приильменья и союза славянских и финно-угорских племен, образовавших Новгородскую республику.

На территории Евразии формировалась и менялась разнообразная этническая мозаика культур. Эта сложная природа этнических культур и взаимосвязей сохранялась на протяжении многих веков. Она обладает собственной групповой устойчивостью, которая определяется воспроизводством сходных хозяйственных практик, совместным территориальным проживанием и культурно-языковой системой коммуникации. Однако на относительно устойчивую этническую мозаику оказывали воздействие более мощные государственно-политические и религиозные системы, не позволявшие воспринимать этническую общность как некий цельный организм.

В целом в Евразии сам феномен этнокультурных взаимодействий в истории следует воспринимать как постоянное воспроизводство культурной сложности, при которой трудно выделить коллективы с неизменяемой тысячелетней историей. Уже в XIX и особенно в XX в. технологические нововведения, печатное слово, образование, война и армейская служба, чиновничество, торговцы и миссионеры, пропагандисты и политические ссыльные делают пространство таких государств, как Россия, все более единым, а его население все более однородным.

Новейшая история Евразии — это прежде всего драматическая история российского/советского государства как одного из крупнейших государств мира. Это история новых государств со своими собственными процессами националстроительства в системе постсоветского культурного взаимодействия и новых геополитических соперничеств. Наконец, это новейшая история Российской Федерации. Наша страна осталась единственной из крупных держав, чья европейская родовая принадлежность подвергается сомнению слишком многими и по многим причинам. Разброс мнений среди российских обществоведов велик,

вплоть до ернической метафоры «Азиопа», которая об-суждается экспертным сообществом¹.

Как известно, давняя традиция отечественной мысли, связанная с философской публицистикой раннего евразийства и с дискуссией о евразийском характере России и ее особой миссии в истории, обрела известность в 1920-е гг. среди российской эмиграции. Если до этого среди поздних славянофилов можно было обнаружить идею самодовлеющего «российского мира», увязанную с решением «всеславянских» задач (дележ Европы и средиземноморских акваторий), то после установления Версальской системы, отгородившейся от России балтийско-балканскими кордонами, Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий сформулировали понимание России как страны, которую возможно рассматривать вне европейских структур и проблем.

Нам представляются важными попытки классических евразийцев осмыслить Россию как национальное государство, а российский народ определить как *многонародную нацию*. Как писал Н. С. Трубецкой в 1927 г., «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как *особая многонародная нация и в качестве таковой обладающее особым национализмом* (курсив наш. — В. Т.). Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством»².

Евразийцы сформулировали идеи, которые с разной долей успеха разрабатывают их современные российские и зарубежные последователи. Центральным моментом

¹ Рассуждения по поводу «Азиопы» начали идеолог либеральной партии СПС А. А. Кара-Мурза, а с противоположного фланга — В. Б. Авдеев. Теперь эта категория стала распространенным поводом для обсуждения «неевропейского» характера нашей страны. См.: *Кара-Мурза А.* Между Евразией и Азиопой (www.nationalism.org/aziopa/akm1.htm); *Авдеев В. Б.* Метафизическая антропология. — М., 2002 (раздел «Сначала Евразия, теперь Азиопа»); *Авдеев В. Б.* Детская болезнь евразийства в русском национализме (www.nationalism.org/aziopa/avdeev.htm).

² *Трубецкой Н. С.* Общественный национализм // *Евразийская хроника*. Вып. VII. — Париж, 1927. — С. 99.

этих дебатов является идея, что Россия не представляет собой чисто славянскую цивилизацию и что история нашей страны дала синтез двух историко-культурных потоков: славянско-арийского и туранского (тюркского, монгольского и финно-угорского), создав особую цивилизацию. Савицкий дополнительно подчеркивал фактор соединения традиций оседлых земледельческих культур и культур степных кочевников, а также важную роль исторического периода ордынского господства в формировании российской политической традиции.

В принципе эти подходы мало изменились в представлениях наиболее известных авторов, писавших на эту тему в последние годы. Работы «лидера международного евразийского движения» А. Г. Дугина по сути своей есть перепев идей классических евразийцев с учетом современных реалий. Если Трубецкой считал «злейшим врагом» Евразии романо-германский мир с его культурой (Гитлер тогда уже был у власти в Германии), то Дугин главным врагом считает «атлантистов» (НАТО с его расширением в Восточную Европу).

«Логика истории, — полагает А. Дугин, — постоянно на самых различных уровнях навязчиво высвечивает основополагающий дуализм — США и СССР, Запад и Восток, Америка и Россия. В экономике, политике, геополитике, богословии, культуре ясная, пугающе ясная антитеза — как наглядно развернутый перед нами промысел о драме мира, о двух полных континентальной дуали, о великой войне континентов, физических и духовных»¹.

Однако опасным является то, что в *неоевразийстве* нет места России, а есть лишь призыв к сокрушению и через катарсис к всеобщему очищению, что по своему смыслу и стилистике свойственно идеологии и механике тоталитарных сект.

Приведем цитату из дугинского манифеста под названием «Россия-3» (имеется в виду будущая Евразийская империя на месте России): «Пусть это ничейная зона земли. — Россия-3. —

¹ Дугин А. Г. Абсолютная родина. — М., 1999. — С. 666—667.

но она есть, и она вне бледной немочи России-1 (имеется в виду вариант эпохи Ельцина. — В. Т.) или оранжевой мерзости России-2 (современное государство. — В. Т.). Россия-3 — баррикады острых лучей, армия невылупившихся волшебных зародышей, безумное напряжение пробивающейся из последних бездн бесконечной энергии, момент настоящей вертикальной любви, океан власти... Последнее прикосновение к стремительно остывающему миру трансцендентного перста. Мы ставим там знамя всеобщего сбора. Подаем прощальный сигнал. Мы вскроем ваше чрево, и оно рассыдется с иудинным позором, и ваша пустота вывалится наружу, и нас никто более не обманет. Вы, коллеги, еще не видели этого. Вот это праздник, скажу я вам!»¹

В адрес тех, кто подвергает дугинские призывы сомнению, следует прессинг на основе метода Евразийского союза молодежи, который его активисты называют «ненасильственное насилие». Катехизис членов ЕСМ гласит: «Ты должен быть господином... Ты рожден править Евразией... У тебя одна Родина — мать Евразия... Ты больше чем человек... Наша цель — абсолютная власть... Мы — господа земли... Мы все вернем назад. Таков белый завет Евразии»².

Как видим, нынешняя Россия — это «оранжевая мерзость» и на ее место должна прийти «мать Евразия». Члены ЕСМ уже действуют в этом направлении, устраивая шумные пикеты-спектакли против уважаемых государственных институтов и видных общественных деятелей. Показательно, что идеологическая эволюция Дугина от откровенно расиотских воззрений до смеси национализма и евразийского империализма находит поддержку у части политического истеблишмента.

Смысл и политические заданности в дебатах о содержании Евразии критически оценил Р. Хамимов, но уже с позиции другой крайности: отрицания российской национально-культурной целостности — и с позиции утверждения так называемой тюрко-татарской цивилизации.

¹ Дугин А. Россия-3 (www.rossia3.ru/3.html).

² Катехизис члена Евразийского союза молодежи (www.rossia3.ru/katehizis.html).

«Идеология противопоставления себя Западу и Востоку загоняет Россию в исторический тупик, — полагает Р. Хакимов. — Многим представляется, что Россия соединяет в себе Запад и Восток, поскольку страна одновременно находится и в Европе, и в Азии. Но эта география обманчива. Культура не тождественна географии. Россия от Востока отошла, а к Западу не дошла. Как православная цивилизация, она точно не Восток, а по нормам жизни, менталитету ее нельзя назвать Западом. Она ничего не соединяет, она стоит на перепутье... Бразисе определено можно толковать как территорию славяно-тюркского симбиоза. В этом случае в ее ареал надо включить Турцию, что не входило в предмет исследования классических евразийцев, которые рассматривали только территорию бывшей Монгольской империи. И сегодняшние евразийцы готовы на включение в Евразию Монголии, хотя она не является частью тюркской цивилизации, но ни в коем случае не имеют в виду Турцию. Логика культурных факторов не срабатывает в существующих определениях Евразии»¹.

По большому счету концепт «Евразия» был и остается для части российских гуманитариев одним из компонентов в объяснении становления, развития и характера государственности, прежде всего с точки зрения «Центра», центристско ориентированной мысли, т. е. какой была и есть Москва и сфера ее власти в прошлом и настоящем, а также какова была история контролируемого Москвой или же находящегося под влиянием Москвы пространства. Современное неоевразийство представляет собой некий ущербный (изоляционистский и мобилизационный) вариант историсофии и одновременно — одну из неудачных форм рождающегося российского национализма. Неудачность в том, что в основе его не «многонародная нация» Трубецкого и Ильина, а самодовлеющая цивилизация (российская православная цивилизация как не Запад и не Восток). Кстати, Г. П. Федотов, историк, философ и богослов, изгнанный из России на «философском пароходе», в своей статье 1923 г. «О национальном пока-

¹ Хакимов Р. С. Указ. соч. — С. 274—275.

янии» резонно считал религию (именно православие) существенным компонентом национального сознания («Без религии — это не нация, а человеческое месиво, глина»), но в то же самое время он резко осуждал евразийские конструкции («Евразия — это синоним гибели России, лишенной единого стержня»)¹.

И хотя речь в евразийстве, как правило, идет о войне на два фронта и об изоляции от мира в самодостаточном пространстве, но на самом же деле *культурной сущностью евразийства является позиционирование себя по отношению к Европе в качестве европейской страны с европейскими культурой и ценностями*. Не случайно во всех вариантах из Евразии исключаются все народы и страны, не прошедшие европеизацию в рамках российской колонизации или советской модернизации, в частности Турция. Но только сами евразийцы в этом никогда не признаются, а многие из них даже не осознают своей глубоко европейской сущности.

В достаточно маргинальной для российской общественной мысли теории евразийства действительно есть слабые места и неразрешимые противоречия, которые используются не только для критики, но и для выстраивания более серьезных оппозиций сторонниками других миров и цивилизаций в пределах Евразии.

Как считает Хакимов, «вопрос взаимодействия православия и ислама в России евразийцами не решен, но тогда основной их тезис о наличии российской цивилизации оказывается под вопросом. Бесспорным является существование русской православной цивилизации, доминирующей в России, но весьма спорен тезис о российской цивилизации, якобы соединяющей славян и тюрков, христиан и мусульман. Их объединяет вместе государство, а не цивилизация... В самом деле, в мире существует угрская цивилизация. Татары, балкары, якуты, чуваша и другие народы являются ее неотъемлемой частью. Существует мусульманская цивилизация. Татары — только часть этого огромного мира и не просто принадлежат ему, а...

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 42—43.

гию, они — самый северный форпост ислама. Ограничение татар в рамках некоей российской цивилизации практически невозможно...»¹.

Интересно, что до какого-то исторического момента евразийский дискурс в значительной мере был чужд представителям «азиатских» народов России, ибо, как мы уже отметили, евразийство было централистской идеей, своего рода аргументом в объяснении центральной власти и ее роли в историческом российском государстве. Однако ситуация изменилась в последние два десятилетия. Идея Евразии стала популярной среди интеллектуалов и политиков за пределами Москвы и Петербурга. Она обрела новые смыслы и новые политические проекции. В представлениях бурятских, якутских, татарских, а тем более казахстанских ученых и политиков «Евразия» — это уже не то, что имеют в виду московские или петербургские ученые. Эти *провинциальные евразийцы* появились в Российской Федерации с конца 1980-х гг., причем не только среди этнических элит российской «внутренней Азии», но и среди представителей российских регионов, которые не имеют этнического статуса, например Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В 1990-х гг. возник вариант отечественного евразийства, построенного на отрицании российскости как таковой и ее базовой европейской сущности. Это евразийство как бы обращено в другие пространства политического воображения: мировая цивилизация и культура, Европа и Азия, тюркский мир и другие варианты. Если современное евразийство среди татарских историков и политиков — это вариант скорее сепаратистского толка, то среди уральских, сибирских и дальневосточных авторов — другой вариант, содержащий в себе интеграционистскую установку.

Прочитываем коллективный труд уральских ученых о геополитической и цивилизационной динамике Азиатской России: «Вклад Азиатской России в развитие Российского государства огромен и многосторонен, как велики и разнообразны исторические риски, сопутствовавшие врас-

¹ Хакимов Р. С. Указ. соч. — С. 269—270.

танию России в Азиатский континент — в свое новое, еще не до конца освоенное геополитическое и цивилизационное измерение. Уже одно это сопоставление заслуг и жертв, достижений и их цены заставляет рассматривать Азиатскую Россию не как «осколок» или случайный «придаток» Российского государства, но как важнейший оплот и резерв его развития»¹.

Если исключить крайние варианты периферийного этнонационализма (особенно татарского и якутского), то при всех различиях провинциальных евразийцев есть одна объединяющая мысль, которую разделяют как представители малых народов Сибири, так и те, кто выражает регионалистские («областнические») интересы и ценности. *Это поддержка тезиса о цивилизационной общности между самыми отдаленными частями страны и ее жителями с остальным ее населением.* Это также взгляд на северную Евразию как на территорию, обусловленную самой историей быть великой империей, будь она под властью татарских ханов, русских царей или советской власти. Такой взгляд открывает возможность для каждой региональной культурной традиции и для культур малых народов искать и определять свой неповторимый вклад в общие судьбы и ценности Евразии. Это означает определение вклада и идентификацию части с целым в рамках исторического Российского государства.

Нам этот аспект в провинциальном (точнее сказать, региональном) российском евразийстве представляется особенно значимым. Важно в научном и общественно-политическом смысле изучать и демонстрировать историко-культурную роль регионов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока не только как магистральных пространств, где переплетались культурные потоки, и не только как исторических форпостов «освоения» или «приращения России», но и как оригинальных производителей культуры и действующих лиц истории, заложивших или определивших общероссийские характеристики.

¹ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века. — М.: Наука, 2004. — С. 586.

ГЛАВА 15

О цивилизационной миссии российского народа

Как мы уже отмечали, в последние годы российские лидеры многократно высказывались по поводу существования исторической общности под названием «российский народ» или «российская нация». В ежегодном президентском послании 2005 г. была высказана следующая позиция: «Безусловно и то, что цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте должна быть продолжена. Она состоит в том, чтобы демократические ценности, помноженные на национальные интересы, обогащали и укрепляли нашу историческую общность»¹. Зарубежные комментаторы отозвались на это заявление очень сердито, а отечественные просто не заметили, ибо им опять нужно было признавать вслед за президентом несуществующую, по их мнению, новую нацию. А между тем это заявление представляется достойным внимания.

Мы не можем судить обо всем евразийском континенте, но применительно к территории бывшего СССР положение о цивилизационной миссии (под этим следует понимать не мессианизм, а общекультурную и культуртрегерскую роли) представляется верным, хотя сами по себе слова «цивилизация» и «миссия» не из строгого научного языка. Заявление президента противостоит утвердившемуся в новых государствах объяснительному концепту «советской империи», которая якобы угнетала и сдерживала историческое развитие этнической периферии, а русские выступали в роли ассимиляторов.

Отметим, что речь идет не о миссии русских, а о миссии российской нации, которая всегда включала в себя людей разной этнической и религиозной принадлежности.

¹ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. — Российская газета. — 2005. — 26 апр.

Так, например, российские (прежде всего казанские) татары играли важную роль в дореволюционной колонизации Средней Азии и в советской культурной модернизации этого региона. Российские украинцы, сибирские татары, буряты и якуты составляли значительную часть первооткрывателей и нынешних жителей Восточной Сибири и особенно Дальнего Востока, оказывая влияние на развитие малочисленных аборигенных народов этих территорий. В этой связи заметим, что со времен Петра I российская элита усвоила западное отношение к кочевникам и азиатам не просто как к язычникам или грабителям, а как к отсталым народам и объектам для цивилизаторской миссии.

Что составляет содержание этого понятия? Цивилизаторская миссия российской нации содержит в себе несколько направлений и включает два аспекта — *миссия для себя* и *миссия для внешнего мира*. Миссия для себя — это все те хозяйственные, этнокультурные, политические взаимодействия в исторической Евразии, которые происходили в рамках российского народа, пространственные границы и этнорелигиозный состав которого постоянно менялись. Эта миссия для себя заключалась в хозяйственном освоении и промышленном развитии больших территорий Евразии, распространении европейских норм права и культурных ценностей.

«Имелись фундаментальные различия между Российской империей на пограничных с Европой территориях и на азиатском «южном поясе» — другими словами, на Кавказе, в казахских степях и в Средней Азии, — справедливо пишет британский историк Д. Ливен. — Российское правление в Азии во многом было схоже с методами управления европейской экспансии на восток, осуществляемой, как правило, за счет нехристианских и часто кочевых народов. Экспансия России базировалась на применении европейских экономических и политических технологий — иначе говоря, армий, индустрии, железных дорог и правительственных институтов, организованных по современным европейским принципам»¹.

¹ Ливен Д. Указ. соч. — С. 349.

При всех деформациях советского закона он был «единокровен» кодексу Наполеона, а не конфуцианскому праву или же иранским и суданским законам шариата. *Коммунизм и сталинские деформации — это своего рода стилевые различия и разногласия с остальной Европой, но тем не менее это различия и разногласия внутри Европы.*

Цивилизаторская миссия российской нации состояла в распространении на большей части территории Евразии (европейский Север, Поволжье, Сибирь и Дальний Восток) норм двух мировых культурных систем и в приобщении к ним местного населения. Одна из них — это христианство в форме православия. Как пишет В. Кантор, «Русь, расположенная на перекрестке Запада-Востока, Европы-Азии, имела возможность выбора религии. Она обратилась к Византии, с которой ее связывали торговые и иные отношения, бывшей в то время самой цивилизованной частью христианского мира»¹. Цивилизаторская миссия православия затрагивала не столько последователей других мировых религий (буддизма и ислама), которые также издавна исповедовала часть населения, составившего российский народ, сколько население, придерживавшееся так называемых первобытных верований. Аналогичную роль христианство сыграло и в других регионах мира, особенно в Америке в отношении аборигенного населения.

Советский период отличался антицерковной политикой, но православная вера и церковь оставались духовной опорой для миллионов людей разных национальностей в трудных жизненных условиях, включая время лишений и военных тягот. Возврат Русской православной церкви в российское общество с конца 1980-х гг. был впечатляющим и показательным в смысле общественной потребности иметь христианскую веру как одну из цивилизационных основ на огромной территории России и за ее пределами. Более 20 тыс. новых православных храмов за 20 лет, включая построенный и освященный в 2007 г. храм на Курильских островах, — это безусловное свидетельство духовной миссии россиян для самих себя и для всего христианского мира. Для 10 тыс. православных приходов на территории от Карелии до Владивостока, на-

¹ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». — С. 18.

ходящихся под управлением Московского патриархата, остается еще много пространства в духовно-нравственной сфере, чтобы продолжать свою наставническую миссию. Отметим также, что, как и русский язык, для большинства верующих россиян православие составляет важный компонент не только духовной жизни, но и национальной российской идентичности.

Некоторые российские философы сомневаются, что православие, которое отвергает многие религиозные и культурные ценности Западной Европы после раскола христианской церкви, может быть носителем цивилизующего начала. «Может ли сегодня стать орудием духовного раскрепощения эта религия, всегда бывшая в тесном союзе с властным государством, с тем, кто сильнее?»¹, — спрашивает В. Кантор и отвечает на этот вопрос отрицательно. Наш ответ положительный, ибо христианские постулаты остаются общими для всех ветвей этой мировой религии, и они несут огромный заряд гуманности и терпимости, которых не хватает россиянам.

Религия в России, если брать народную веру, а не узкий круг церковников, не была частью власти, по крайней мере в советский период. Репрессиям и унижениям подвергались не только простые верующие, но и священнослужители. Но главное не в этом. В эпоху Средневековья Русь после ее завоевания Батыем осталась частью европейского мира именно благодаря православию. В XXI в. пока не очень ясно, чем закончится нынешнее *сближение-отталкивание* (термин В. Кантора) христианства и ислама — этих двух крупнейших цивилизационных миров. В любом случае именно русское православие оказывается своего рода пограничной зоной взаимодействия. Его миссия — сохранить границы влияния христианства и преподнести людям урок мирного взаимодействия двух мировых религий в рамках одного государства.

Вторая культурная система строится на основе русского языка и русскоязычной культуры, включая мировое достояние — русскую литературу. Русская словесность — это один из конструктов российской нации. Не случайно

¹ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». — С. 21.

философ М. К. Мамардашвили говорил «о рождении из творчества писателей целой страны, России»¹. Русский язык и российская-советская культура (от А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя до М. А. Шолохова и Ч. Т. Айтматова) сыграли выдающуюся цивилизаторскую миссию на евразийском континенте, не ограничиваясь только территорией исторического Российского государства. Русский язык был и остается языком культурного взаимодействия и взаимообогащения представителей разных этнических культур в рамках российской национальной культуры. Он был и остается языком достижений мировой цивилизации для территории бывшего СССР, ибо *через русский язык большинство населения большинства новых государств продолжает приобщаться к мировому культурному достоянию и к современной массовой культуре, а также транслирует в мир собственные культурные достижения.*

Российская нация внесла неизмеримый вклад в культурное наследие человечества. Без российского культурного компонента нет европейской культуры в прошлом, и этот вклад в более ограниченном варианте (уже без новых национальных культур стран бывшего СССР, которые когда-то входили в российскую и советскую культуры) сохранится в будущем. Одно из этнографических наблюдений в пользу данного тезиса — содержание месячной репертуарной афиши театра «Ла Скала» в Милане за февраль 1998 г. Примерно из 25 имен композиторов, балетмейстеров, исполнителей половину составляли русские имена! Стоявший рядом с автором этих строк итальянский профессор, только что доказывавший, что Россия — это не Европа, а вот Турция — Европа, никак не мог объяснить, почему же на «визитной карточке» высокой европейской культуры были русские, а не турецкие имена!

После распада СССР цивилизационная миссия российского народа *для себя* стала менее значительной, а для внешнего мира — наоборот, ибо уменьшилась сама Россия и за счет бывших республик, а ныне новых государств увеличилась орбита ее культурного влияния.

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. — М., 1990. — С. 187.

В этом отношении В. В. Путин был прав, говоря о евразийском континенте (он имел в виду прежде всего территорию бывшего СССР за пределами России). Данная миссия была, и она есть сегодня, как бы ни принижали значение современного культурного производства нынешние отрицатели России. Достаточно посмотреть, какие книги и журналы читают, какую музыку слушают и на каком языке разговаривают между собой граждане и политические лидеры новых государств. В самые последние годы признание великой роли русской культуры и языка прозвучало в выступлениях целого ряда руководителей постсоветских государств.

Конечно, содержание и оценочный смысл цивилизационной миссии исторически меняются и далеко не всегда это исключительно позитивный и односторонний процесс. Далеко не всегда он одинаково рассматривается представителями разных поколений и разных ареалов в зоне культурных взаимодействий и влияния. *О цивилизационном воздействии в рамках миссии для себя имеют основания говорить не только носители русской или даже русскоязычной культуры. Российский народ по мере включения в свой состав носителей разных культур и по мере развития контактов с внешним миром вбирал в себя многое из опыта других.* Некоторые входившие в состав российского культурно-цивилизационного арсенала компоненты были сами по себе результатом длительной эволюции, включавшей исторический опыт государственности, письменности, религии многих народов и регионов (Закавказье, Средняя Азия, Балтия, Молдавия, Бурятия).

Эти достойные культурные традиции и их носители вступали в сложные взаимодействия с доминирующим русским культурным компонентом и с центральной властью. Многое утрачивалось или разрушалось, но не более чем при формировании германской нации на основе прусского, британской — на основе английского, китайской — на основе ханьского компонентов. Тем более не может быть прямой аналогии цивилизационной миссии российской нации в Евразии с миссиями внешних колониальных империй, где также содержался цивилизаторский компонент, но характер отношений был основан не

на взаимодействии (пусть и не всегда равнозначном), а на жесткой схеме господства-подчинения по линии метрополия — колонии. Масштабное включение в господствующие нации людей и религиозно-культурных компонентов бывших субъектов колониальной цивилизаторской миссии происходит только сегодня через массовую миграцию в метрополию жителей бывших колоний, которая сопровождается сложными социально-культурными коллизиями.

Как осуществить упомянутое в президентском послании «продолжение миссии»? Будущая цивилизаторская роль России и российского народа в чем-то уже предопределена, в чем-то только просматривается, а что-то мы не в силах предугадать. И все же почему миссия должна быть продолжена и нет ли здесь бравады «провалившейся страны», каковой многие отечественные и зарубежные эксперты считают Россию? Предопределенность заключается хотя бы в том, что *российская нация остается на будущее распорядителем очень значительной части земных ресурсов и по крайней мере на континенте Евразии без этих ресурсов человеческая цивилизация не сможет существовать и развиваться.* Только лишь озеро Байкал с его 20% мировых запасов пресной воды, сибирские леса и нефтегазовые ресурсы уже накладывают на российский народ мировую ответственность за их сохранение и использование.

Российская нация остается единственным хранителем до сих пор значимой для Евразии культурно-ценностной системы на основе русского языка, кириллического письма и православия, хотя в российском народе сохраняются и будут воспроизводиться другие культурные системы, в том числе и общемирового масштаба (христианские, исламские, буддистские, аборигенно-арктические и др.). Забвение этой части цивилизационной миссии означало бы утрату собственной отличительности и огромный ущерб для мировой культуры. Судя по состоянию ресурсной экономики, интеллектуального потенциала и культурного производства, миссия по сохранению этих двух культурных систем (русскоязычной культуры и православия) вполне реализуема. Предлагаемый некоторыми учеными отказ от кириллицы в пользу латиницы есть также цивилизационное отступление, не говоря о возможном

ущербе для российской идентичности. Скорее подобной смены графики в пользу латиницы как мирового интегратора можно ожидать от носителей малых и изолированных культур — грузин или армян, но почему-то таких предложений никто не делает.

Есть еще один новый смысл в продолжении евразийской миссии России на ближайшие десятилетия. Это сохранение памяти и идентичности жителей бывшего СССР, связанных с принадлежностью к советскому народу, а также исполнение роли страны-реципиента для тех, кто продолжает чувствовать свою причастность к России и даже предпочел бы трудиться и жить в России.

Напомним, что в Советском Союзе наиболее притягательной для внутрисоюзных миграций была территория РСФСР, т. е. нынешней России. Из РСФСР в другие союзные республики также выезжало большое количество людей. В своей основе это была трудовая миграция, наполненная зачастую пропагандистским смыслом и молодежной романтикой. В миграционном обмене также заключался один из компонентов цивилизационной миссии, ибо квалифицированные кадры из центра страны и «русских регионов» создавали хозяйственно-культурный потенциал, который составил основу независимой государственности при распаде СССР.

Обученные в центральных вузах местные кадры и ехавшие в республики по распределению специалисты выполняли важнейшую культуртрегерскую миссию, соединяя богатую местную традицию с достижениями советского профессионального искусства и культуры. В последние десятилетия в РСФСР прибывало больше советских граждан, чем выезжало из нее. Это были главным образом молодые специалисты, работники больших строек, а также военнослужащие, пожелавшие после демобилизации остаться в России, найдя работу и подругу жизни. Служба в Советской армии на территории РСФСР или в других регионах играла большую роль в культурно-образовательном развитии сельских и городских жителей союзных республик.

Тот факт, что после распада СССР миграция в Россию продолжилась, не представлял собой нового явления. Более того, за период между переписями 1979 и 1989 гг. коли-

чество переехавших в РСФСР из других республик было больше, чем за период между переписями 1989 и 2002 гг. Другое дело, что в последнее десятилетие почти прекратился выезд из России в новые государства. Притягательность России для наших бывших соотечественников будет сохраняться еще долго, по крайней мере до тех пор, пока рынок труда и карьерные возможности будут здесь лучше, а уровень жизни выше, чем в других странах. Но эта ситуация не может быть вечной. Дискриминация, издевательства и насилие, которые испытывали все эти годы иммигранты в России, уже отбили охоту у многих подвергать себя таким рискам и повернули потоки мигрантов в сторону Восточной и Западной Европы, Турции и даже Китая.

Несмотря на продолжающееся сокращение населения, а также осознание малой частью государственной бюрократии необходимости и полезности иммиграции для развития страны, миграционные и другие службы продолжают работать по части «миграционных инспекций» и депортации. В 2007 г. уже при объявленных коррективах в миграционной политике и программе привлечения соотечественников в Россию правоохранительные органы отобрали более 30 тыс. паспортов у временных и постоянных жителей России, приехавших из стран бывшего СССР. Они оказались в положении людей без прав и без перспектив, кроме депортации в страны исхода.

По этой части цивилизаторской миссии российской нации результаты довольно противоречивые. С одной стороны, полтора десятка лет наша страна была и остается местом приложения труда и услуг, а также источником жизнеобеспечения для миллионов граждан государств нового зарубежья. С другой стороны, Россия позволила себе поставить этих людей в униженное положение, ограничить число желающих жить в России и их возможности. В итоге страна потеряла исторический шанс забрать часть населения бывших союзных республик после распада, руководствуясь утопичными представлениями, что некие «этнические россияне» должны вернуться на свою «историческую Родину», а другие остаться в «своих государствах». Не было учтено, что цивилизаторская роль России в отношении всех бывших сограждан сделала их

во многих отношениях не просто советскими людьми, но именно россиянами, независимо от этнической принадлежности. Россия неосмотрительно решила отказаться от этой миссии, и к ней следует вернуться на более строгой правовой основе.

Заключение

О национальном идеале и ценностях

В последние годы кое-что изменилось в российском обществе по части национальной идентичности. Президент Д. А. Медведев продолжил концептуальный курс утверждения в России национального российского самосознания на основе представления о российском народе как об исторически сложившейся гражданской нации.

Тем не менее, как считают некоторые интеллектуалы, в стране выявилась «потребность во вдохновляющей идее, то есть идеале, образе того, какой мы хотим видеть Россию в ее своеобразии... и одновременно вписанности в общечеловеческую цивилизацию», «а идейный голод настолько всеохватен, что об этом кричит каждый публикуемый сегодня текст, каждая произносимая речь — вне зависимости от политических пристрастий их авторов, каждая даже самая скабрёзная реплика самого пошлого из наших юмористов... Застенчиво-безыдейные и абстрактно-эклектичные речи системных политиков» ведут к тому, что на этом фоне «внесистемные идеи и их если не идеологи и вожди, но уже апологеты множатся и крепнут»¹.

Насчет «внесистемной» маргинальности ректор Высшей школы телевидения МГУ В. Т. Третьяков, пожалуй, прав. Одним из ее проявлений стало ожесточение разных форм ксенофобии и расизма. Но почему в современной России ксенофобия и национализм в его этнографическом

¹ Известия. — 2008. — 18 дек.

варианте (этнонационализм) остаются политически выгодными и почему они находят отклик в сознании достаточно большого числа сочувствующих и явных последователей? Кажется бы, гражданско-политический национализм (включая вариант государственной державности или даже изоляционизма) также не менее привлекательная и, более того, вполне реализуемая стратегия. Курс президентов Путина и Медведева это хорошо продемонстрировал. Тем не менее *притягательность почвеннического, этнографического национализма остается в идеологическом и политическом репертуаре.*

Едва ли кто из серьезных современных исследователей будет доказывать первичную значимость этнического и наличие у этнической идентичности некой биологической, генетической основы. Хотя неопитов или неумных ортодоксов в отечественном общественном сознании остается еще достаточно много. Особенно среди политических философов, культурологов, психологов, а теперь даже и генетиков, которые стали вычислять этногенетический фонд, этнический код и измерять генетические «дистанции между этносами».

Смыслы и сохраняющаяся живучесть национализмов разного толка — это большой вопрос для науки и для политики. Некоторые специалисты справедливо считают, что национализм — это не всегда рациональная или успешная политическая стратегия, поскольку не всегда легко разжечь страх, недовольство, спровоцировать определенные восприятия и заблуждения, негативные образы другого, т. е. то состояние сознания, при котором националистическая позиция может быть выгодна политически. И вовсе не всегда легко поддерживать подобное националистически направленное состояние сознания после его пробуждения в массах. Но это только одна точка зрения, имеющая под собой основания, но не охватывающая возможные ситуации.

Все же национализм присутствует в современном мире, и главный интеллектуальный вызов, на наш взгляд, — это как придать ему немаргинальный и неэкстремистский характер, т. е. сконструировать тот самый позитивный «либеральный национализм», о котором уже много написано и сказано. Возможно ли это? Отвечаем: да — воз-

можно. Но только сначала нужно разобраться с несостоятельностью национализма мессианского и агрессивного толка и национализма в его ксенофобском варианте, а уже затем вести речь о конструктивном гражданском национализме и о национальном самосознании, его идеях и ценностях.

Американский ученый Д. Ротшильд написал книгу «Этнополитика», в которой доказывал, что этнонационалистические позиции и стратегии, соответствующим образом оформленные и обеспеченные ресурсом, гарантируют преимущество перед другими политическими позициями и стратегиями. Люди выбирают кровную сторону, права она или не права¹. Проявлений такого феномена этнополитической солидарности в мире можно найти более чем достаточно, а в России тем более.

Об элите титульных этнонаций новых государств и говорить не приходится: ее представители все как один избрали миссию служения своему «национальному государству». Эстонцы, узбеки, литовцы, украинцы и другие наши соседи в «своих государствах» почти поголовно настроены этнонационалистически, и по-другому они ситуацию читать не способны или не хотят. Если это Украина, тогда в ней все принадлежит этническим украинцам, включая территорию, воздушное пространство, недра, власть, язык суда и образования и даже язык налоговых деклараций, половину которых заполняют граждане, говорящие на другом языке. И так по всем постсоветским странам продолжают свое почти победное шествие бывшие социалистические этнонации.

Это обстоятельство наводит на мысль: возможно, в стратегии этнонационализма есть апробированный историческим опытом и человеческой природой позитивный смысл? Ведь говорят же и в России татарские, башкирские и прочие этнонационалисты, что им очень не хватает русского национализма. Точно по тому же самому поводу ссорятся и русские националисты. Чем вызваны эти настроения и в каких целях? Нет ли здесь элементар-

¹ См.: *Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework.* — N.-Y., 1981.

ного человеческого соперничества за место под солнцем со ссылкой на этничность?

Автор уверен, что обращение к националистическому аргументу происходит не для того, чтобы поддержать русский народ, а чтобы отыграть собственную программу, выделиться лично и, возможно, «прихлопнуть» всякое единство и целостность. А вместо этого сделать из России что-то другое — «Россию-3» (по названию евразийско-дугинского манифеста). Одним из нынешней несостоятельной «ЭрЭфий» (определение А. Севастьянова¹) хочется создать русское национальное государство, другим — нечто противоположное: еще более расцветшую «дружбу народов» и договорной федерализм вместе с многонациональностью. Но только как сделать из страны две несовместимые и нереализуемые конструкции?

Современная политическая теория показала, что инвестировать в этнонационализм в целом не более целесообразно, чем в любую другую политическую позицию или идюму. В определенные моменты, разумеется, национализм приносит большие выгоды. Но определить, когда такие периоды времени истекают, очень сложно. А когда такой момент наступает, политики и аналитики часто ошибаются, делая чрезмерные обобщения. Именно такой ошибкой чрезмерного обобщения на уровне мировой исторической закономерности была оценка националистических выступлений в советских республиках в период горбачевского правления. Именно социологи и этнологи квалифицировали переписывание «неформалами» друг у друга разных манифестов и программ и протестные акции как «национально-освободительные движения», а затем и как «революции».

Если бы элитные этнические национализмы (от армянского до эстонского) не соединились со стремлением разнотничного населения республик «отвалиться» от Москвы и прибрать к рукам местные ресурсы, обрести свободный выезд во внешний мир, никаких «национальных революций», скорее всего, и не произошло бы. *Идиома свободы была сильнее идиомы нации.* Но если национа-

¹ См.: Севастьянов А. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смежных ужасов»? // Политический класс. — 2008. — № 41.

листическая стратегия еще сыграла свою мобилизующую роль на стадии распада СССР и создания новых этнократий, то последующая судьба постсоветского государство-строительства блокируется тем же самым этнонационализмом от имени титульных групп фактически во всех новых государствах, кроме России.

Большая ошибка думать, что некая этническая украинская партия возьмет власть в стране и украинцы (без русских, поляков, крымских татар и др.) будут признаны населением государствообразующей нацией. Хотя сегодняшняя украинская конституция читается именно таким образом, а украинские русские уже смирились и считают себя меньшинством, а не частью нации. Тем не менее все это переходная или преходящая ситуация. Русские, поляки, крымские татары и другие неукраинцы (но граждане Украины!) не станут долго пребывать в приниженном положении. Моноэтничной украинской Украины никогда не будет, как не будет и культурно-языковой украинизации русских, поляков или крымских татар. Украинский этнический национализм уже завел политическое развитие Украины в опасный для этой страны тупик. Сходная ситуация существует или может возникнуть в ряде других постсоветских государств.

Конечно, у националистической политики есть свои интересы, но эти интересы узкие, неустойчивые и трудно-реализуемые. Одними манипуляциями и обещаниями здесь дело не выиграть. Этнонационализм требует определить свой субъект как группу на основе культурной отличительности. Периферийного этнонационализма Россия вкусила сполна в 1990-е гг. Его чеченский вариант переродился в вооруженный сепаратизм с международно-террористическим компонентом. Затем на передний план вышел этнонационализм шовинистического толка. Один из его лозунгов: «Россию пора доверить русским!» (так и называлась одна из книг известного философа и публициста А. Ципио, который сегодня поддерживает российский проект¹). Или еще проще: «Россия — для русских!» Поп-

¹ См.; Ципио А. С. Россию пора доверить русским. Критика национального вигилизма российских либералов. — М.: Алгоритм, 2003.

робуем хотя бы гипотетически реализовать этот лозунг, начав с первых лиц страны и членов российского правительства. И станет ясно, что можно написать книгу с таким названием и даже выдвинуть лозунг на выборах, прокричать его на митинге, но в жизнь воплотить нельзя, по крайней мере в современной России.

Вот каким видел этнонационалист А. Г. Дугин следующего президента России после В. В. Путина: «Русский народ и русская идея для меня священны. Русские не примут преемника без русской идеи. При росте реальных националистических настроений и при невозможности их воплотить в политику, русские могут сделать один жест (быть может, жест отчаяния) — это плюнуть в преемника. ...Путин дал на фоне разложившегося Ельцина и разлагающейся язвы Кавказа стране ясный русский жест, строгие желваки, холодный взгляд серых русских глаз. С ним все было понятно, и русский фактор был, не исключено, решающим. И харизма у Путина русская, и рейтинг у него русский... Менее «русского», чем Путин, я полагаю, люди просто не выберут, нужен как минимум столь же русский. В этом, быть может, и лежит самая серьезная политическая угроза со стороны русского национализма»¹.

Ну а если бы президентом захотел стать один из самых любимых в народе политиков, который двадцать лет тушит российские пожары и спасает население от разных катастроф, но у него нет «серых русских глаз», тогда что? А почему совсем недавно на том же самом фоне народ спокойно воспринимал как возможного кандидата в президенты Е. М. Примакова, принимал премьер-министра М. Е. Фрадкова, у которых тоже не было «ясного русского жеста» и «серых русских глаз»?

Одно следует сказать: подобными откровенно этнобиологическими аргументами можно эмоционально воздействовать на обывателя и на политических маргиналов. Можно даже решить частную проблему, но для идеи российской государственности и для национальной идентичности россиян это имеет разрушительное воздействие.

¹ Дугин А. Русский вопрос // Россия. — 2007. — №7.

Тогда какая же формула и какая идея могут быть оптимальными для России?

Накануне 2009 г. В. Третьяков призвал к общенациональной дискуссии по общественному идеалу, «которым хочет, может и должна руководствоваться страна в целом, ее граждане, особенно молодые». Он считал, что «чьими-то устами нужно поставить вопросы, на которые нужно ответить сообща», и называл речь митрополита Кирилла над гробом Патриарха Алексия II одним из возможных образцов. Известный журналист сожалел, что ушел из жизни Солженицын, который мог бы это сделать, а Общественная палата, по его мнению, переключилась на тактические и оперативные проблемы.

Третьяков говорил о том, что нужна новая интеллектуальная, или стратегическая, палата, какой когда-то была Академия наук. «Увы, то время давно позади, а кто из наших сегодняшних крупнейших политиков или политических мыслителей читает академические журналы? Мне такие не известны». И вот следует вызов отечественным интеллектуалам: «Лично я собираюсь в новом году сформулировать хотя бы для себя то, что до сих пор не сделали мы сообща: наш общественный идеал — вдохновляющий и конструктивный»¹.

Не относя себя к категории «гуманитарных мыслителей», но проработав почти всю жизнь в Академии наук и два срока в Общественной палате, автор попробует принять этот вызов хотя бы частично и высказаться по формуле и по содержанию современной российской национальной идентичности.

Даже в относительно давние времена конца XIX — начала XX в. некоторым отечественным мыслителям и политикам удавалось вполне разумно определить как внешнюю сложность, так и сущностную простоту формулы российской национальной идентичности. Удачно и даже современно писал об этом русский философ Г. П. Федотов, уже используя модернистскую для того времени категорию многонациональности.

¹ Известия. — 2008. — 18 дек.

Вот ключевая цитата из Г. П. Федотова: «Наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великоросской ветви это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским. В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малорусское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России»¹.

Современная ситуация в принципе осталась той же самой, но она стала проще в смысле иерархии идентичностей. Для сегодняшних россиян русской или украинской этнической принадлежности один из трех этажей ушел из речевой и обиходной практик в связи с тем, что исчезли категории великороссов и малороссов: первые стали называться русскими (т. е. взяли на себя некогда более широкую категорию), вторые стали называться украинцами (вместо малороссов) и тем самым перестали считать себя русскими. Широкая категория русского ушла из употребления, кроме ряда важных сфер и ситуаций. Такими сферами являются прежде всего русская культура и словесность на основе русского языка и все, что связано с языком. Такой сферой является религиозная жизнь применительно к русскому православию и к официальному названию Русской православной церкви, которые и сегодня понимаются шире, чем этническое русское.

Русское в смысле лично-группового самосознания перестало быть синонимичным российскому, хотя уже и для времени Федотова эта синонимичность не была общепризнанной. Выдающийся философ вполне точно

¹ Федотов Г. П. Указ. соч. — Т. 2. — С. 179—181.

выстраивал национальное сознание (идентичность) как множественное (тройное) и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общегосударственного (российского).

Множественные и не исключающие друг друга уровни национального сознания сохранились и в сегодняшней России. Причем эти уровни также могут иметь разную «этажность». Андиец или арчинец, представитель малочисленного дагестанского народа, может ощущать себя также и аварцем, поскольку живет среди аварцев и знает их язык, ему близко самосознание «быть дагестанцем», которое также имеет не только географическое, но и культурно-историческое содержание. И нет сомнений, что для подавляющего большинства граждан этой республики российская идентичность является одной из самых важных. «Мы в Россию никогда не входили и поэтому выходить из нее не собираемся», — заявляли жители дагестанских городов и сел осенью 1999 г., т.е. в дни, когда они отражали нападение басаевских боевиков.

У этнических русских, составляющих подавляющее большинство населения страны, в ситуации с коллективным самосознанием также нет особого выбора. Существует много раз высказывавшаяся позиция тех, кто считает себя русскими националистами: мы — русские и не какие мы не россияне, и Россия по своему названию и по своей истории есть наше национальное государство, а те, кто желает принадлежать к государствообразующей нации, должен считать себя русским. Известны схожие, другими словами сказанные варианты этой позиции. У таких взглядов есть одна фатальная слабость, о которой также неоднократно говорилось.

Приведем только два высказывания по поводу ее несостоятельности. Все тот же Г. П. Федотов сто лет тому назад написал: «Россия — не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то и останемся в одной Великороссии, т. е. России существовать не будет»¹.

¹ Федотов Г. П. Указ. соч. — С. 181.

Век спустя В. В. Путин высказал примерно ту же идею. 4 декабря 2008 г. в прямом эфире телеканалов «Россия» и «Вести», радиостанций «Маяк» и «Радио России» вышла специальная программа «Разговор с Владимиром Путиным». Председатель правительства и лидер партии «Единая Россия» ответил на вопросы граждан, поступившие в его общественные приемные, заданные в телеэфире, по телефону и в Интернете. Путин заявил: «Россия и стала великим государством только благодаря терпимому отношению к тем народам, тем этносам, которые ее составляют. Россия и может оставаться великим государством, если каждый народ и каждый, даже небольшой, этнос будет чувствовать себя в России, как в собственном доме. Те недалекие, просто глупые и тупые люди, которые нарушают этот принцип, полагая, что они действуют в интересах русского народа, наносят этому народу непоправимый ущерб»¹.

Несмотря на радующие перемены в политической доктрине и в научном осмыслении того, что есть национальное, как его понимать и как им управлять, можно почувствовать, как трудно утверждается и входит в сознание *языковая ренационализация от этноса к демосу*. Вполне понятно, что этнические группы (народы) России в лице своих лидеров и интеллектуальных элит не желают переставать называть себя нациями. По этой причине они с настороженностью воспринимают название нацией всего российского народа (а не захотят ли потом нас всех упразднить?).

В этой ситуации важно предложить и разъяснить объединяющий вариант, который реально уже существует в стране. Нациями были и остаются все российские народы, обладающие таким статусным самообозначением. Русские, татары, чуваша, буряты, якуты, чеченцы, аварцы и многие другие из всего списка российских национальностей имеют основания считать себя нациями и таковыми являются. Прежде всего в этническом и культурном смысле, но не только.

¹ Программа «Разговор с Владимиром Путиным» (www.moskva-putinu.ru).

У всех российских этнонаций есть внутреннее политико-государственное самоопределение как в форме самой Российской Федерации, так и в форме этнотерриториальных образований (республики и автономные округа) и национально-культурных автономий для нерусских народов. У них есть своя историческая традиция, которая не всегда и не во все периоды ограничивается рамками общероссийской истории. У них есть свои диаспоральные сообщества за российскими пределами. У них есть своя идентичность, которую они также называют национальным сознанием.

Среди них есть нации, язык и культура которых стали доминирующими (если сказать корректнее, *референтными культурами*) для всей страны. Это прежде всего русская этнонация и русский язык. Ведущая роль этого народа, его языка и культуры признается повсеместно, на всех уровнях и по всей России. Отдельные ультранационалистические активисты и даже группы из числа меньшинств не могут подвергнуть сомнению эту общую ситуацию, а, наоборот, способствуют ее подтверждению. Равно как неудачи квебекских сепаратистов провести референдум об отделении от Канады подтверждают ее национальное единство.

Также и в Испании есть кастильская культура и язык и кастильская идентичность, которые составляют основу испанской нации, а кастильский язык — это и есть испанский язык. Но в составе испанской нации есть каталонская и баскская нации. Есть галисийцы и андалузцы. Все они испанцы. И в Великобритании есть шотландская нация, а также ирландская и уэльская национальные идентичности, а доминирующей этнонацией в стране можно назвать собственно англичан. Но все эти этнонации вместе составляют британскую нацию, которую ныне никто не подвергает сомнению, кроме небольших групп ольстерских бомбистов и шотландских сепаратистов. И так по многим странам мы обнаруживаем формулу, которую можно с успехом отнести и к России: *Россия — это нация наций.*

Спросим откровенно: кому может быть неудобно или страшно от такой формулы? Только тем, кто хотел бы «отвалиться» от России или же оставить ее с территорией некой «Великороссии», которую вычертить на карте невозможно. З. Бжезинский называл это желаемым для него вариантом «досооопределения России» в пределах «собственно России» (по-английски это звучит как «rgrorog Russia»). Но неужели в России также есть сторонники варианта определения нашего государства территорией преимущественного или исторического проживания русского народа? Оказывается, есть такие «художники», которые вычерчивают на современной карте «русское национальное государство». Более того, у подобных художников есть, видимо, единомышленники и покровители. Журнал «Политический класс» опубликовал статью А. Севастьянова о русском национальном государстве.

«Национальное государство — не империя, тем более «многонациональная», хотя может иметь колонии, доминионы, протектораты. Оно полиэтнично, ибо его населяют многие народы, но оно должно осознавать себя мононациональным государством и реально являться таковым. В доме должен быть один хозяин. А в стране — один государствообразующий этнос, самоопределившийся на всей ее территории. Суверенитет народа (этноса) приходит в этом случае на смену суверенитету монарха. Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае — нации «россиян») не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. «Лояльность русскому народу» — вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых — не важно. Но при этом гарантируется полное равноправие для всех коренных народов»¹.

Однако за русскими должен быть закреплен «естественно-исторический приоритет государственных, нацио-

¹ Севастьянов А. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. — 2008. — № 41.

нальных интересов во всем — в политике, экономике, культуре, морали». А управлять страной должна не «партия власти», а «власть русской национальной партии». Эта и другие публикации автора представляют собой верх сумасбродства, особенно по части деления населения страны на категории коренных народов и национальных меньшинств с разными правами и по части объединения «русских территорий» по принципу «один народ — одно государство». Одно можно сказать с уверенностью, что ни редактору журнала, ни большинству членов редколлегии, принявшим этот текст к печати, места в управлении Русским национальным государством уже не будет. А может быть, и право проживать в стране будет поставлено под вопрос.

Только после осознания фундаментальной глупости идеи государства этноса и только после признания формулы российского народа как многоэтнической гражданской нации и России как нации наций можно вести дальнейший разговор о национальных российских ценностях. В свое время М. С. Горбачев вообще не думал на эту тему, оставаясь в плену старых клише «социалистического федерализма на интернациональной основе». Б. Н. Ельцин в одном из ежегодных президентских посланий робко высказался насчет формирования российской нации как будущей задачи в строительстве государства.

Президент В. В. Путин ясно и неоднократно заявлял о том, что Россия с ее многонациональным народом в то же самое время есть суверенное национальное государство с самоопределившейся российской нацией. Именно он сказал, что *мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации и что мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство*. Многочисленные попытки повлиять на президента, чтобы он занял узконационалистическую позицию, ничем не закончились. В то же самое время Путин много сделал, чтобы поддержать русский язык и русскую культуру в стране и за рубежом, защитить соотечественников, большинство которых считает себя русскими людьми или

людьми, связанными с Россией. При президенте Путине укрепилась одна из основ российской государственности — религиозная традиция в лице Русской православной церкви.

Вступив в должность в 2008 г., Президент Российской Федерации Д. А. Медведев выразил свое видение государства и российского народа, которому он принес присягу. Приведем два его высказывания на эту тему.

28 июня 2008 г. в выступлении на церемонии открытия V Всемирного конгресса финно-угорских народов в г. Ханты-Мансийске Медведев отметил, что «историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды. На многовековом мирном опыте проживания в одном государстве более ста шестидесяти народов. Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»¹.

29 июня 2008 г. в выступлении в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси президент заявил: «Реализация такого исторического выбора позволила нашим предкам глубже осознать собственную идентичность, серьезно укрепить национальное самосознание. Отмечу при этом, что уже на стадии своего зарождения российская нация, как и сама государственность, стала складываться как полиэтничная и реально сформировалась на базе синтеза восточных и западных культур. Имея в своей основе православное ядро, она была изначально открыта для других верований и культур»².

В Послании Федеральному собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. Д. А. Медведев обратился к

¹ Медведев Д. А. Выступление на церемонии открытия V Всемирного конгресса финно-угорских народов. 28 июня 2008 г. (www.kremlin.ru/transcripts/586).

² Медведев Д. А. Выступление в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси. 29 июня 2008 г. (www.kremlin.ru/transcripts/591).

ценностям, общественным идеалам и нравственным принципам, которые «выстраданы и выверены за века» отечественной истории и без которых «мы не можем представить себе нашу страну». Президент назвал важнейшие из этих ценностей:

справедливость, включая обеспечение «достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений»;

свобода — личная, индивидуальная, и свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий, свобода общая, национальная;

жизнь человека, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов;

семейные традиции, любовь и верность, забота о младших и старших;

патриотизм и «всегда — вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре».

«Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией»¹.

Отталкиваясь от названного, попробуем назвать своего рода базовые компоненты национального российского самосознания. Эти компоненты включают в себя как историко-географические образы, так и социально-культурные ценности. Они не могут составлять жесткий и кем-либо утвержденный перечень. Они могут меняться во времени, и их значимость может быть разной в разных регионах, слоях населения и конфессиональных группах. Но главное — это наличие преобладающего согласия россиян по поводу национальных образов и ценностей. Как сказал президент, это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах.

¹ Медведев Д. А. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 года. (www.kremlin.ru/transcripts/1968).

Конечно, сам по себе факт, что *Россия — самая большая по территории страна в мире*, есть одна из базовых ценностей. Она запечатлена в тексте национального гимна:

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.

Географический образ и природа (ландшафт, климат) страны присутствуют в национальной идентичности многих государств. В самопрезентациях, включая официальную символику, можно встретить такие формулы, как «северная страна», «страна тысячи островов», «страна гор и виноградников» и т. д. Например, образ «Британия как остров, обладающий уникальными творческими ресурсами» стал одним из основных в конструировании новой британской идентичности, которая пришла на смену прежней английскости или же надстроилась над ней¹. Кстати, самосознание жителей некоторых государств как островных может проявляться даже в такой своеобразной солидарности, как голосование на песенном конкурсе «Евровидение». Мальта, Кипр, Ирландия и Великобритания на конкурсе 2009 г. в Москве дружно отдавали свои голоса в пользу друг друга, в том числе и по этой причине.

Важным компонентом национального самосознания россиян становится *представление о стране как своего рода мосте между Европой и Азией, как о пространстве, которое имеет собственный облик, обозначаемый понятием Евразии*. Вокруг евразийской идеи было и сохраняется много антагонистических интерпретаций антиевропейской и антиатлантической направленности, имеющих цель представить Россию как некий изолированный материк-империю. Ныне появились претенденты на евразийскую идею за пределами России — в Казахстане и государствах Средней Азии, в которых советская модернизация привела к соединению европейской и восточно-азиатской культурных традиций. Однако Россия остается в центре этой новой и одновременно старой геополитичес-

¹ См.: Липкин М. XXI век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Вестник российской нации. — 2009. — № 2(4). — С. 136.

кой конфигурации. Ясно одно, что евразийскость — это своего рода отличительная черта самосознания одной из европейских наций, каковой является Россия.

Исключительное место в национальной идентичности россиян занимает *представление о древней и славной истории страны*. Российская государственность имеет более чем 1000-летнюю историю, а заселение страны славянскими, финно-угорскими и тюркскими народами началось задолго до появления первых государственных образований. Свидетельства древних корней российского народа присутствуют повсеместно: от новгородских древностей до городских поселений Булгара и Казани. Дагестанский город Дербент имеет еще более древнюю историю.

В национальном гимне есть слова о «великой славе» и о данной нам предками «мудрости народной». История России — это мощный ресурс и источник идентификации россиян со своей страной. В нем центральным является перечень славных побед, и прежде всего это победа над германским фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Победа 1945 г. стала символом высшего подвига народа во имя своей страны и во имя освобождения всего мира от «коричневой чумы».

Историческое прошлое — это обязательный компонент национальной идентичности почти каждого народа, даже если это прошлое не имеет очень глубоких корней и всемирных побед. США праздновали свое 200-летие в том же году, когда отмечал 200-летие Большой театр в нашей стране. Тем не менее это свое недавнее прошлое американцы воплотили в бесконечном числе монументов и памятных мест. Каждый школьник обязан осмотреть одну из таких национальных святынь, как «колокол свободы» в Филадельфии, Капитолий и памятные монументы Вашингтона, места первых выступлений за независимость в Бостоне.

Для некоторых народов в прошлом важны не столько победы, сколько коллективные драмы и травмы (например, геноцид начала XX в. для армян, Холокост времен Второй мировой войны для евреев). Иногда коллективные травмы намеренно конструируются из фальсифицированных данных, чтобы придать национальной версии исто-

рии особый драматизм и определенную политическую направленность. Так, например, в последние годы в Украине создается миф о голодоморе украинцев в СССР как этнически избирательном геноциде с целью дистанцироваться в своем национальном самосознании от России и усилить «европейское начало» украинской истории.

В России национальная история — один из самых популярных предметов образования, научных занятий, просветительской и музейной деятельности. История лежит в основе праздничного календаря и памятных дат. Историческая тематика постоянно присутствует в кино-телевизионном производстве и в художественной культуре. Историческая память передается в устной и письменной традиции. Она может охватывать разные эпохи, регионы и места, коллективы. Национальная версия истории должна носить как можно более всеохватный характер, чтобы в ней было место представителям разных категорий населения и носителям разных культур и традиций.

В национальной памяти важен базовый консенсус, т. е. согласие большинства общества по поводу выбора основных событий прошлого и их трактовки. В России по этой части предстоит еще многое сделать, ибо после распада СССР, помимо того что произошла смена идеологической основы общества в пользу открытости и свободного выбора, появились и стали активными энтузиасты альтернативных и партикулярных (частных) версий истории, которые вместо того, чтобы встроить их в общенациональный контекст, отторгают общее прошлое. В России был период отторжения религиозной культуры и традиции, а также наследия русского зарубежья, составляющего часть национального достоинства. Как показала телевизионная передача 2008 г. «Имя России», в сознании современных россиян присутствуют самые разные представления о знаменитых людях Отечества. Но сам факт столь обширного выбора великих людей и общее согласие вокруг имен выдающихся правителей, полководцев, ученых, писателей и поэтов говорит о том, что пантеон национальных героев — это также важный компонент нашего национального самосознания.

Россия — страна с великой и неповторимой культурой, являющейся достоянием всей мировой цивилизации. Эта часть самосознания россиян основана на реальных достижениях, известных каждому образованному гражданину страны. Эти достижения известны всему миру и тем самым формируют гордость россиян за свою страну. Многие нации имеют великие достижения и гордятся ими. Но далеко не каждая нация имеет столь широкий набор культурных достижений, которые стали неотъемлемой частью мировой духовной культуры и сопровождают современного человека, где бы он ни жил и ни воспитывался. Это литература Достоевского, Толстого, Чехова и Шолохова. Это музыка Чайковского, Стравинского, Шостаковича и ее великие исполнители Шаляпин, Ойстрах, Ростропович. Это театр Станиславского и русский балет. Это живопись Малевича, Кандинского, Шагала.

Россия — страна спортивная. Для россиян спортивные достижения страны, особенно на международных соревнованиях и на Олимпийских играх, — это предмет особого сопереживания и гордости. Демонстрируемое единство народа через массовые эмоции и радость миллионов болельщиков по поводу выдающихся спортивных побед говорят о том, что мы — один народ и у нас одна страна — Россия.

Все эти позиции разделяют сегодня политический истеблишмент и значительная часть научного сообщества России. Насколько искренне и осознанно — судить не просто, ибо отрицателей России как состоявшегося государства-нации, как страны вполне нормальной и вполне успешной, злых и унылых скептиков еще достаточно. Причем как во внешнем мире, так и внутри страны. Одни считают, что Россия может развиваться только как империя, вернув себе навад все, что потеряла, и объявив один народ главным и единственным владельцем российской государственности. Другие считают, что Россия застряла между империей и нацией, ибо в стране нет свободных граждан, а есть только подданные, а это означает, что в стране не может быть и гражданской нации. Наконец, третьи считают, что разговоры о гражданской нации — это пустое фразерство и что нужно, как и в совет-

ское время, укреплять дружбу народов и интернационализм. Хотя с помощью фестивальной формулы дружбы народов сложный механизм Российского государства в эпоху больших геополитических соперничеств сохранить сложно. Для России формула единства в многообразии является более надежной.

Таким образом, в этой книге изложено представление автора о том, что есть Россия и российский народ. Но Россия есть и будет, если в каждом из нас сохранится позитивный образ страны, если российские граждане будут испытывать любовь к своему Отечеству и сознавать ответственность за судьбу Родины.

Учебное издание

Тишков Валерий Александрович

РОССИЙСКИЙ НАРОД

Книга для учителя

Зав. редакцией *Л.А. Соколова*

Редакторы *В.А. Клоков, П.И. Руднев*

Художественный редактор *С.Н. Болоболов*

Компьютерная верстка

и техническое редактирование *О.С. Ивановой*

Корректоры *И.Н. Панцова, И.В. Чернова*

Налоговая льгота - Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93-953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подпи-
сано в печать 26.11.09. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура
Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,38. Доп. тираж 300 экз.
Заказ № 56

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41
ооо «Помятур». 127018, Москва, ул. Суцёвский вал, 49.